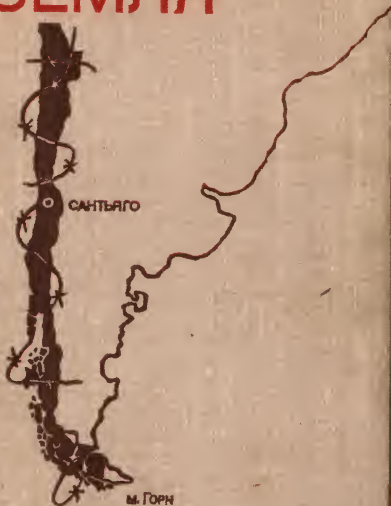

Аркадий САХНИН

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Аркадий САХНИН

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Издательство

«Советская Россия»

Москва — 1978

- Сахнин А. Я.
С22 Огненная земля. М., «Сов. Россия», 1978.
224 с.

Книга посвящена разоблачению деятельности ЦРУ в Чили, борьбе чилийского народа и мировых прогрессивных сил против фашистской хунты Пиночета.

Писатель Аркадий Сахнин хорошо знает тему, о которой пишет. В свое время, когда президентом Чили был Сальвадор Альенде, в момент наиболее оголтелой клеветнической кампании, направленной против его правительства и страны, он объявил «Операцию правда», пригласив представителей различных стран в качестве участников «Операции». В книгу также включены новые материалы о деятельности ЦРУ в Чили, направленные на свержение демократического правительства Альенде.

С $\frac{11302-119}{М-105(03)78}$ 69—78

324

В 1971 году в момент подготовки к национализации меднорудной промышленности Чили — главного богатства страны — кампания клеветы на новый народный строй усилилась. Измышления были столь изощренными, что, казалось, могли кого угодно поставить в тупик.

Тогда президент Сальвадор Альенде объявил «Операцию правда», пригласив представителей различных стран, чтобы они лично посмотрели, что же в действительности происходит в Чили, и рассказали бы миру правду.

Это были не персональные приглашения, они относились не к представителям стран только определенного социального уклада, пожелавших участвовать в «Операции правда». Единственное обязательное условие сводилось к тому, чтобы каждый ее участник объективно рассказал в своей стране обо всем, что увидит собственными глазами.

На это приглашение откликнулись многие. В Сантьяго приехали представители латиноамериканских и европейских стран, Соединенных Штатов и других государств. Я тоже был участником «Операции правда».

На первой пресс-конференции президент познакомился с каждым из нас. Мы пришли туда вместе с Владимиром Чернышевым, который в ту пору был собственным корреспондентом «Правды» в Чили. «С особым удовольствием, — сказал нам Альенде, — я приветствую здесь представителей Советского Союза». Но если бы даже не произнес он этих слов, мы бы все равно ощутили их по его удивительно обаятельной улыбке и крепкому дружескому рукопожатию.

Естественно, я в полной мере воспользовался возможностью познакомиться с этой бурлящей классовыми битвами страной, уникальной по своей географии, с ее чудесными, мужественными людьми.

Пересек ее всю от крайнего севера с его субтропической жарой до Магелланова пролива и Огненной Земли на юге, с его июльскими морозами и холодными ветрами.

Встречался со многими людьми — сторонниками Народного единства и представителями крайней реакции, в том числе с представителем Верховного суда, сыгравшим роковую роль в трагедии Чили.

О своих впечатлениях рассказал потом в нескольких номерах «Правды» и других органах печати. Эти материалы легли в основу книги, выпущенной вскоре под названием «Товарищ Чили».

С волнением следил за событиями, происходившими в стране. Следил со все нарастающей тревогой, ибо собственными глазами видел, как готовила реакция фашистский переворот.

Противоестественный человеческой сути режим, названный «достопочтенной правящей хунтой», а именно так называют себя в официальных документах фашистские диктаторы Чили, вверг страну в состояние социально-экономического хаоса. Жизнь для простого чилийца обернулась ежедневной, ежечасной трагедией, главную роль в которой играют террор, произвол, насилие, голод.

В настоящем, расширенном издании я не ставлю своей задачей анализировать все события, происходящие в Чили. Рассказываю лишь об основных аспектах борьбы, о судьбах и поведении в новых условиях людей, с которыми мне довелось встречаться.

Та часть книги, где приводятся личные впечатления о пребывании в стране, оставлена без изменений. Другие главы, написанные на основе бесед с рядом чилийских демократов, находящихся ныне в Москве, рассказывают о том, как был совершен фашистский переворот, о деяниях кровавой хунты и все нарастающей борьбе чилийского народа и мировых общественных сил, против которой ей не устоять.

Некоторые данные из зарубежной печати приводятся по книге советских исследователей М. Кудачкина, А. Борисова, В. Ткаченко «Чилийская революция: опыт и значение», изданной в 1977 году.

«Операция правда»

Я не знал подробностей. Бурлил Сантьяго, взбудоражилась страна, все сильнее разгорались политические страсти. Они приобретали разные формы. Находясь в Чили, нетрудно было видеть, что средством политической борьбы реакции стали организованные ею террор, саботаж и открытая клевета, разносимая средствами массовой информации. В один и тот же день можно было прочитать или услышать сообщения органов печати и радио о близкой и неминуемой гибели всей экономики и публикации прогрессивной прессы о том, что перед страной открылся, наконец, широкий путь к новой жизни.

Массированное наступление объединенных сил внешней и внутренней реакции стремилось посеять панику среди населения, вызвать недовольство, волнения, недоверие к правительству и свергнуть его.

Едва народившийся, молодой и неокрепший строй выдерживал удары и готовился к наступлению. Вскоре монополии узнали, как это выглядит на практике. Национализация меднорудной и других отраслей промышленности, экспроприация земель крупных латифундистов, участие рабочего класса и крестьянства в управлении страной — это были удары в самое сердце бывших хозяев Чили, и смолчать они не смогли. Подрывная деятельность и клевета нарастали.

Вот в такой обстановке, когда национализация медных копей — основы всей экономики страны — была предпринята, когда полным ходом осуществлялась аграрная реформа, я и отправился в Чили, имея информацию, носившую лишь общий характер. С фактами предстояло ознакомиться на месте.

Первая посадка — Лондон. Самолет подрулил к зданию аэропорта, из которого на высоте нескольких метров пополз, как исполинская растягиваемая гармошка, тоннель и прижался к уже распахнутой двери нашего ИЛ-62. По тоннелю пассажиры, так и не ступив на английскую землю, прошли в здание. Пока это был лишь длинный стеклянный коридор, тоже похожий на тоннель со множеством «гармошек», откуда выходили пассажиры дру-

гих линий из только что приземлившихся машин.

В густой толпе люди двигались куда-то вниз, а на встречу поднимались те, чьи самолеты уже подготовились к дальнейшим рейсам, и все это напоминало московское метро на узловых переходах. Наконец, мы оказались в густо набитом маленьком зале ожидания с множеством сувенирных ларечков, облепивших стены.

Выход отсюда запрещен. Здесь надо провести час или немного больше и вернуться в свой самолет, когда его заправят горючим и подготовят к перелету через океан, о чем по радио сообщит диктор.

Каждую минуту аэродром принимает самолет. Каждую минуту с его взлетной полосы поднимается самолет. Сто двадцать взлетов и посадок в час. Два бесконечных конвейера на летном поле. Два людских конвейера в стеклянном коридоре, и густое беспорядочное и бесцельное движение в зале ожидания. Гул на летном поле не смолкает. Гул в зале затихает, когда говорит диктор. Люди вслушиваются. Не пропустить бы сообщения о своем рейсе, хотя время отлета известно. Но надо слушать. Возможны любые изменения.

Следующая посадка — Нью-Йорк, где предстоит провести день и пересечь на «Боинг». На обратном пути из Чили здесь пришлось задержаться на пять дней. Но в обоих случаях не было и признаков того одиночества, какое я почувствовал на лондонском аэродроме.

...Мне понятна деятельность специальных корреспондентов. Человек получает задание и едет в определенное место, чтобы осветить определенную тему. Здесь все просто и ясно. Но вот деятельность собственных корреспондентов меня всегда поражала. Скажем, собкор центральной газеты в Сибири. Как можно уследить за бесчисленным количеством событий, ежедневно происходящих в этом огромном районе страны? И не только уследить, но и разобраться в них, проконсультироваться со специалистами, своевременно написать корреспонденцию, своевременно получить «провод» для передачи по телеграфу или телефону и одновременно думать о том, как бы не упустить новых событий, пока всем этим занимаешься.

Каждый собкор находится под постоянным автоматическим контролем. Если он допустит «зевок» и не сообщит своей редакции о чем-то интересном, происшедшем сегодня, об этом завтра же узнают из других газет.

По сообщениям тех, кто не прозевал. И качество работы собкора находится под таким же контролем. Ведь в редакциях читают сообщения не только своих представителей. Смотрят, как другие газеты осветили тот же вопрос. Смотрят, насколько полно, глубоко и образно выступил собкор.

Все это касается лишь информации. Но информация — только малая частичка работы собкора. Надо разрабатывать глубинные темы. Надо показать жизнь всего края, его рабочего класса, широко разветвленного научно-исследовательского комплекса, необъятных районов сельского хозяйства, своевременно одернуть зарвавшегося или нарушителя законов, защитить обиженного, рассказать о бесчисленном количестве других важных дел.

Собкор должен обладать большими знаниями, огромной трудоспособностью, особым чутьем и тактом, высокой журналистской квалификацией.

Несоответствие работника занимаемой должности в ряде областей не обнаруживается порой годами. Несоответствие собкора выявится с первых же дней его пребывания на этом посту. Каждый день для него — проверка. Каждый день — экзамен. Потому и нет у него ни одной минуты свободной.

Ну, а советский собкор в капиталистической стране? Это намного труднее. Там ведь не пойдешь в обком или исполком посоветоваться. Как, например, в Нью-Йорке, вздыбленном, немыслимом городе, где советского журналиста отнюдь не везде примут с открытой душой, уследить за важнейшими событиями, раскрыть их подлинный смысл, не ошибиться в оценках? Как разобраться в оглушительном водовороте политических сделок, голого чистогана, грабежей банков и поездов, забастовок и социальных сдвигов, биржевых и валютных потрясений — как узнать обо всем этом, как выбрать главное и типичное, не дать увести себя в сторону лживой, отлично поставленной пропагандой, политической рекламой и дезинформацией, не дать возможности спровоцировать себя, на что немало охотников.

Бешеный ритм, бешеный темп сумасшедшего города. Надо не только выдержать их в чужой среде. Надо быть в центре событий, предвидеть их, предугадать их дальнейший ход.

Встречи с друзьями и маскирующимися врагами, раз-

ницу между которыми не сразу увидишь, контакты с официальными лицами и частными, трущобы и дворцы, падения и взлеты, министры и клерки, миллиардеры и бродяги — все должно быть в поле зрения собкора. Как же найти для этого сил и время?

...Генрих Боровик, Томас Колесниченко, Мэлор Стурра. Собственные корреспонденты советской прессы в Нью-Йорке. Люди переднего края идеологической борьбы. Дни и ночи расписаны по часам и минутам. Я их очень давно знаю. По печати. Лично — едва знаком. Но велико братство советских журналистов. Поистине героическим было оно во время войны. Его тепло мы ощущаем всю жизнь. Я видел на примере других и собственном в десятках городов, наших и зарубежных, как совсем незнакомые приезжему журналисту собкоры жертвовали личными интересами, чтобы помочь собрату-новичку справиться с заданием.

И вот — Нью-Йорк. Человек там — песчинка. Иностранец и того меньше. Куда идти, что смотреть? Как не затеряться?

Трое «распределили» меня между собой. Расписали мое время, как свое. По дням, ночам, минутам. Позаботились о гостинице, продлении визы, отыскали, казалось, безнадежно пропавший на «Боинге» чемодан. Показали самое интересное. Щедро отдали то, что, может быть, месяцами добывали сами, о чем сами могли бы написать. Отдали готовеньким. Надеюсь, еще расскажу об увиденном. А пока, пользуясь случаем, хочу сказать им самые теплые слова благодарности. Равно как и бывшему собкору «Правды» в Латинской Америке Владимиру Чернышеву, без помощи которого моя работа в Чили была бы неизмеримо труднее.

Пишу об этом только потому, что помощь собкоров приезжему характеризует отношение не к нему лично, а к любому представителю советской прессы. Пишу, чтобы отметить, повторяю, как велико братство наших журналистов, о чем, к сожалению, мы очень редко говорим.

...По пути из Нью-Йорка в Сантьяго шесть посадок — в столицах латиноамериканских стран. Почти все — ночью. Как и в Лондоне, стоянки в пределах часа. И путь пассажира там точно очерчен: самолет—зал ожидания—самолет. Кроме сувенирных ларьков, занимающих львиную долю помещения, ничего не увидишь. Ларьки торгу-

ют без перерывов, без выходных, по двадцать четыре часа в сутки. Таково впечатление: в какое бы время ни приземлился самолет, ларьки открыты. Оказывается, их открывают только на то время, когда прилетают самолеты. Кроме местных изделий, там можно купить и японский или западногерманский транзистор, итальянскую рубашку и американские джинсы. Это — в ларьках. А контрабанду предлагают шепотом прилично одетые люди, дефилирующие по залу.

По пути из Перу уже начинаешь понимать бытующее в Чили выражение «сумасшедшая география». В самом деле, летишь над пустыней Атакама с городом Каломе в ее горячих песках и не верится, что совсем близко самая высокая гора Западного полушария Аконкагуа, покрытая вечными снегами. В Каломе никогда не шел дождь, а во многих районах чилийской Патагонии дожди идут круглый год.

Едва ли не во всех школах мира учат: чтобы найти Италию на географической карте, надо искать контуры сапога. С еще большим основанием можно сказать: хотите найти Чили, ищите хоккейную клюшку. Длинная узкая полоса по берегу океана, загнутая книзу, где Магелланов пролив отсекает от материка Огненную Землю.

От крайнего севера Чили с его субтропической жарой до чилийской Антарктики страну пересекают различные климатические пояса. Нестерпимые январские духота и солнце на севере, июльская стужа с ее холодными ветрами на юге не только не мешают, а способствуют выращиванию самых разнообразных сельскохозяйственных продуктов. Потому и встретишь здесь бескрайние виноградники, апельсиновые плантации, непроходимые, как джунгли, леса и травы, пробивающие себе путь сквозь снега. И в недрах страны — богатства несметные. А прокормить себя она не могла. Но об этом разговор впереди.

Когда летишь над Чили, точнее, вдоль Чили, ибо на современном самолете поперек нее некуда летать, можно подумать, будто природа специально создала здесь особые условия для охраны страны и ее границ. С запада — на всем протяжении — океан, который и в самом деле кажется тихим, а с востока, как естественная граница с Боливией и Аргентиной, — неприступные Анды. Параллельно им на берегу — скалистые Кордильеры, а между этими грядами — плодороднейшая долина, так и называемая Продольной.

Сотни и сотни вулканов высятся над страной.

В недрах Чили не прекращаются какие-то страшные процессы. Время от времени вздрагивает земля, чтобы страхнуть с себя то, что годами воздвигали люди. По количеству землетрясений Чили не уступает Японии, но сила их достигает порой куда больших размеров, чем в Стране восходящего солнца.

Стихия не щадит чилийцев. Время от времени курящийся над вулканами дымок оживает, из кратера появляется пламя, а потом и лавина, заливающая огромные пространства. Нередко и Тихий показывает свой нрав. А в мае шестидесятого года проснулись одновременно три стихии. Колебалась, гудела, раскалывалась чилийская земля. Извергались вулканы. Исполинскими волнами ринулся на обжитые берега океан. Рухнули, сгорели, погибли в воде 300 тысяч жилищ. А сколько тысяч погибло людей! Сколько сот тысяч пострадало! Кто мог считать!..

...В назначенное время аэродром Сантьяго не принял нашего самолета. Такое, как известно, случается в любых странах. Например, за три дня до этого один из нью-йоркских аэродромов не мог принять прибывший из Европы самолет с туристами, и тот в течение получаса кружил над городом. Пассажиры, убежденные в том, что это туристическая фирма приготовила для них сюрприз, выразили ей свою благодарность.

Едва ли не все пассажиры нашего самолета радовались тому, что и нас не принимали минут пятнадцать. Именно с высоты видны масштабы Большого Сантьяго, где сосредоточилось около двух с половиной миллионов жителей — более четверти всего населения страны. В самом центре города — скалистый холм Санта Лусия, где некогда на его шестидесятиметровой вершине была сооружена военная крепость. Свою родословную город и начал с этого холма, у подножия которого был индейский поселок.

Сантьяго, как и многие города Латинской Америки, планировался в виде прямоугольника, пересекаемого рекой. Его история, история Чили тоже типична для всего континента. Это — жестокое истребление индейцев — коренных жителей испанскими завоевателями, история войн, а затем борьбы колониальных держав за богатства чилийской земли, за экономическое и политическое господство на этой земле.

Пресс-конференция президента

Сантьяго-де-Чили. Площадь Конституции. Президентский дворец Ла Монеда. Толстые, едва обхватишь рукой, стальные прутья перекрещивают огромные окна недостижимо высокого первого этажа. Они потемнели от времени, слились по цвету с серыми стенами и не воспринимаются как решетки. Их бесчисленное множество вдоль фасада, на бесконечных боковых стенах, и кажется, поставлены они для украшения, хотя назначение их не вызывает сомнений — они прочно ограждают дворец.

У арки главного входа — карабинеры. Отглаженные темно-зеленые кители, черные галстуки, зеркально-черные краги, белые перчатки, белые сорочки, белые ремни. У входа застыли двое с автоматическими карабинами, приставленными к ноге, трое — под аркой.

Лица торжественны и строги. Непрístupны и величественны фигуры. Они откровенно подчеркивают свою важную миссию и будто несут на себе всю меру ответственности за спокойствие в этом дворце, в столице, в стране и на всей земле. Пройти мимо арки надо в отдалении от них, молча и тихо. Таково впечатление, так кажется. Но только кажется. Так было раньше. Новый строй открыл ворота Ла Монеда. Поодиночке, группами и целыми толпами люди идут в президентский дворец, шумно беседуя, жестикулируя, смеясь. В большом внутреннем дворе растекаются по разным крыльям здания или, миновав фонтан и вторую арку, где тоже стоят карабинеры, выходят на площадь Бульнес, ибо это самый короткий путь сюда с площади Конституции.

Длинная и крутая лестница, прилегающая к одной из внутренних стен дворца, привела нас в зал не то на втором, не то на третьем этаже, где предстояла первая встреча с президентом. Ни фойе, ни холла, ни коридора. С лестничной площадки — прямо в зал. Но дверей в него из глубин дворца много, больше десяти.

Те, кто был сюда приглашен, пришли задолго до срока. Это деятели культуры, писатели, журналисты, служители культов из многих стран. Одни приветствуют коренные социальные преобразования, охватившие Чили, другие осторожно присматриваются и прислушиваются к тому, что происходит, третьи: — открытые враги зарождающейся новой жизни.

Кресла, расставленные амфитеатром, пока еще никем

не заняты. Но каждый припас себе местечко, положив на сиденье пепельницу. Собираются группами, шумно разговаривают, бродят по залу, спорят. Смешиваются английский, чешский, французский, немецкий, итальянский, но слова этих языков заглушаются одним, господствующим повсюду. И не потому, что он энергичен, ярок, выразителен. И не потому, что испанский — это родной язык чилийцев. Просто широко представлены здесь Перу, Эквадор, Аргентина и другие страны Латинской Америки. Для них события в Чили имеют особое значение. Они говорят на одном языке, живут на одном континенте, их история и судьбы схожи, они закабалены одним и тем же капиталом — США, которого не желают больше терпеть, и после Кубы Чили первая страна в этом районе земного шара, где народ не только объявил свою волю, но и сделал решительный шаг на пути к полному освобождению от иностранной зависимости.

...Время приближается к шести. Все быстро рассаживаются. Только бесцеремонно суетятся, что-то кричат друг другу люди с кинокамерами, фотоаппаратами, магнитофонами, беспорядочно переплетая шнурами проходы между креслами.

Появление Сальвадора Альенде и его министров встречают аплодисментами. Он обходит ряды, знакомясь с присутствующими.

Президент произносит короткую речь. Объясняет, чем вызвана «Операция правда». Но иностранные представители и сами уже успели кое-что увидеть. В частности, газету «Меркурио», подшивку которой успел просмотреть до пресс-конференции и я.

...Одна из полос газеты, вышедшей незадолго до этого дня, была похожа на плакатную рекламу. Всю страницу занимали только четыре строки. В других номерах тоже встречались подобные полосы. Это объявления, а точнее, коммерческая реклама. Так, например, рекламировали свою продукцию «обувной король» Батя, бежавший из Чили текстильный магнат Ярур, владельцы крупнейших предприятий.

Расчет точный, всегда достигающий цели. Обычную рекламу на бесчисленных полосах газеты можно и не заметить. А если всю страницу занимают лишь несколько строк, их прочтет каждый. Правда, такая реклама стоит больших денег и позволить себе взять под объявление целую полосу могут немногие. Зато сам факт публикации

подобной рекламы считается признаком солидности фирмы, ее устойчивости. Это такой же показатель процветания, как и фешенебельный особняк или драгоценности, которыми увешаны жены магнатов.

Богатая реклама в газете — это не только реклама той или иной продукции, но и того, кто ее производит и продает.

Четыре строчки на полосе, которые мне показали, рекламировали не товары. Оставалось не ясным, кто платил за них и кто их дал к публикации. Это был призыв к сопротивлению правительству. И угроза: «Мы не будем покорными статистами».

В том же номере газеты — снова плакатным шрифтом: «Хватит уступок! Чилийской революции — да! Диктатуре коммунистов — нет!»

А что, собственно говоря, означали эти призывы, в частности подкупающий — «Чилийской революции — да!»

Единство было главной и решающей силой, приведшей к победе Альенде на президентских выборах. Только единство левых партий могло сохранить и упрочить завоевания народа. В этом содружестве коммунисты являлись одной из главных цементирующих сил. Изолировать коммунистов — значит разбить единство, распылить революционные силы, разорвать их союз. С таким призывом, спекулируя на словах «чилийская революция», и выступила на рекламной полосе газеты национальная партия.

Бесстыдное название! Эта партия служит промышленным магнатам, финансовым воротилам США и крупным латифундистам. Их интересы защищает, на их деньги кормится, их реакционное знамя несет.

«Меркурио» играла немалую роль в чилийской трагедии. Она и ныне является рупором самых черных реакционных сил. Однако не хунта ею командует и не ее органом является «Меркурио». Скорее фашистские правители выполняют волю, диктуемую с помощью этой газеты куда более мощными силами.

Газета принадлежит самому могущественному в Чили клану банкиров Эдвардсов, владеющих тремя газетами в Сантьяго и семью в провинциальных центрах Чили. В концерн Эдвардсов входят все виды средств массовой информации: издательства, радиостанции, рекламные и информационные агентства. Капиталы Эдвардсов вложены в металлургию и угольную промышленность Чили,

в производство электроэнергии и химических изделий, в деревообрабатывающие, мебельные, стекольные, пивоваренные и другие отрасли производства.

После победы Народного единства глава клана Эдвардс выехал в США. Пост вице-президента крупной американской компании, куда также вложены его немалые капиталы, не мешал ему вести массированное наступление на правительство Народного единства. Экономические диверсии он совершает, манипулируя выпуском продукции своих промышленных предприятий, а политические — используя принадлежащие ему средства массовой информации.

Главная роль в подрывной деятельности была отведена газете «Меркурио», которую Эдвардс стал выпускать на ста двадцати страницах вместо сорока, как было раньше. И львиную долю этих бесчисленных полос он отвел под материалы, направленные на свержение строя.

Уже к тому времени, о котором идет речь, «Меркурио» стала мощным орудием реакции в психологической войне. Она действовала на основе обобщенного опыта исследовательских центров США по обработке общественного мнения, дезинформации и тщательно подготовляемой клевете. Шантаж, провокации, запугивание — основные средства концерна «Меркурио». Эти «методы» занимали все более прочное место в борьбе против демократических сил.

На первых порах газета ограничивалась запугиванием населения и лживой пропагандой. Например, 1 июля 1970 года одновременно с клеветническими статьями против Народного единства печатается фотомонтаж: на фоне президентского дворца Ла Монеда — танк с советскими опознавательными знаками и надписью — «СССР». Монтаж сопровождался текстом, набранным жирным шрифтом: «Прокоммунистическое правительство откроет двери Чили этим танкам».

Как известно, Сальвадор Альенде был членом социалистической партии, а не коммунистической. Программа Народного единства являлась демократической, однако еще далекой от коммунистической. «Меркурио» же отождествляла эти понятия. Десятилетиями империалистическая пропаганда пугала население жупелом коммунизма. Компартия Чили была загнана в глубокое подполье. Коммунистический строй рисовали в самых мрачных и

черных красках. Объявив Народное единство «коммунистической диктатурой», реакция набросилась на него с новой силой. На страницах «Меркурио» национальная партия выступила с обращением к народу: «Свобода или коммунизм». В нем утверждалось, будто борьба за пост президента — это борьба за демократию, которую несет с собой кандидат национальной партии, в отличие от «марксистского деспотизма», представляемого Сальвадором Альенде. «Меркурио» напечатала, например, снимок казни с подтекстовкой: «Это и есть коммунизм». И дальше снова огромными буквами: «Вы хотите спасти Чили от коммунизма?» И подпись: «Молодежь Чили».

А вот подобного рода водевиль по радио Эдвардсов. Прорываясь сквозь пулеметный треск, раздается отчаянный крик женщины: «Коммунисты убили моего сына». И комментарий из одной фразы: «Это может произойти, если Чили станет коммунистической».

Конечно, каждый читающий или слушающий приведенные фразы мог воспринять их как лживую пропаганду, понять, что ни молодежь Чили, ни чилийские женщины, от имени которых передавалась радиофальшивка, никого не уполномочивали выступать от их имени. Тем не менее подобная «пропаганда», изо дня в день проводимая всеми средствами массовой информации Эдвардсов, могла подействовать, ибо возможностей для опровержения у сторонников Народного единства было слишком мало. В их распоряжении находилось лишь 17 процентов средств массовой информации, а все остальные в руках реакции.

После победы Народного единства на президентских выборах этих средств в его распоряжении стало не намного больше. И по мере проведения коренных социально-экономических преобразований американский империализм, как увидим ниже, щедро финансируя «Меркурио», придавал ей все большее значение.

Эдвардсы хорошо понимали, что такое средства массовой информации. Потому и заняли далеко не последнее место в межамериканской ассоциации печати, где командуют газетные концерны Соединенных Штатов. Именно эти концерны кричали об «угрозе свободе печати в Чили», о «наступлении левых партий на демократические права чилийцев», о «коммунистической опасности», нависшей над Чили.

На примере средств массовой информации было хо-

рошо видно, как переплетались действия внутренней и внешней реакции. И там и здесь один почерк, одна цель — скомпрометировать, опорочить движение Народного единства и входящие в него партии.

Западные информационные агентства, финансируемые из тех же источников, разносили по миру ложь чилийской реакции, а такие газеты, как «Меркурио», подхватывали и распространяли любые провокационные измышления своих североамериканских собратьев. Вот история фальшивки под названием «О подрывной деятельности Чили в Латинской Америке».

На закрытом заседании палаты депутатов представитель национальной партии Оскар Шлейер заявил, будто в одном из районов Чили создан партизанский лагерь, готовящий «революционеров» для заброски в соседние латиноамериканские страны. Его собратья по партии — депутаты Монкеберг и Кармине — сразу же после закрытого заседания отправились в контору американского информационного агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, которое и распространило фальшивку. По сотням радиоканалов эта лживая информация понеслась по свету, и прежде всего по странам Латинской Америки.

Одновременно реакционная газета «Пренса» опубликовала «документ», якобы доказывающий, что новые кадры, пришедшие к управлению национальными предприятиями, установили для себя зарплату, значительно превышающую ставки прежних директоров компаний. Левая печать разоблачила эту ложь, рассчитанную на то, чтобы вызвать недоверие к новому руководству заводами и фирмами, перешедшими под контроль государства.

Страницы правой чилийской печати заполнялись провокационными измышлениями ежедневно. Это и обвинения в нарушении конституции, выдвигаемые против министров народного правительства, и «достоверные сведения» о неминуемой экспроприации всех без исключения крестьянских хозяйств, в том числе мелких, и смакование трудностей в ликвидации безработицы и решении жилищной проблемы, и крик об ущемлении свободы печати... Ни один шаг, предпринятый новым правительством в интересах народа, не обошелся без того, чтобы его не оболгала, не извратила правая пресса, чтобы она не увидела в нем «нарушения демократии» и «коммунистической опасности». Реакция пыталась создать хаос

в стране, распространяя ложь о непопулярности новой власти и росте сопротивления политике Народного единства.

В этой кампании тон задавали реакционные газеты Соединенных Штатов, такие, как «Нью-Йорк дейли ньюс», которая призывала принять «жесткие меры» против правительства Народного единства», как «Чикаго дейли ньюс», предсказывавшая, будто «национализация медных рудников вызовет кризис», как «Нейшнл обсервер», намекавшая на возможность решить «чилийскую проблему» путем насильственного устранения руководителей Народного единства.

Выступая на пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Чили, Сальвадор Альенде говорил:

«Я располагаю комментариями зарубежной печати и вижу, как с каждым днем усиливаются атаки на то, что делает народное правительство и народ Чили. Несомненно, это делается для того, чтобы разжечь античилийскую кампанию. Мы прекрасно знаем это. Мы знаем также, что те, кто потерпел поражение и кто замешан в убийстве командующего чилийской армией генерала Шнейдера, еще продолжают скрытно свою деятельность. Правительство знает это. Оно сохраняет бдительность и опирается на единство народа».

На пресс-конференции «Операция правда» Сальвадор Альенде говорил о том, что правительство Народного единства в полной мере представляет и трезво оценивает огромные трудности, которые предстоит преодолеть. Но оно отчетливо видит успехи своих первых шагов. И желает, чтобы обо всем этом знали чилийцы и весь мир. «Вам будет предоставлена возможность,— сказал президент,— посетить любые города и сельские районы, любые предприятия и учреждения, встретиться с государственными, партийными и общественными деятелями различных мировоззрений, представителями всех слоев населения. Мы создали Центр «Операции правда», наделив его большими полномочиями, который предложит вам несколько программ вашего пребывания здесь. На наш взгляд, они охватывают главные области жизни страны. Однако,— отметил президент,— мы не могли предусмотреть решительно всех проблем, которые могут вас заинтересовать. Поэтому, если занимающих вас вопросов или областей деятельности каких-либо органов государства вы не найдете в предложенных вам програм-

мах, пусть каждый сам наметит себе план пребывания в стране.

Все, кто приехал в Чили,— заключил Сальвадор Альенде,— имеют самую широкую и абсолютную свободу для разговоров, встреч и дискуссий со сторонниками и противниками правительства, с поддерживающей нас печатью и оппозиционной прессой. Никто из вас не будет иметь препятствий, и никто из нас не думает их создавать из уважения к вам и к самим себе».

Так сказал президент. Подобное заявление могло сделать только правительство, которому нечего было скрывать от мирового общественного мнения, уверенное, что все его действия носят демократический характер и направлены на благо народа, на борьбу за его политическую и экономическую независимость.

Разговор шел откровенный и затрагивал самые различные стороны жизни чилийского народа. Отвечая на вопросы, президент говорил о развивающихся контактах Чили со странами мира, и в частности с государствами Латинской Америки, о позиции христианских демократов в Национальном конгрессе, торжествах принятия демократических законов, о значении состоявшихся муниципальных выборов, где крупную победу одержало Народное единство, о свободе печати и прогрессивной позиции чилийской церкви в эти бурные для страны дни.

Отвечая на вопрос об отношениях с Кубой, президент заявил: «Мы всегда были и будем солидарны с Кубой. Мы будем вместе со всеми народами, которые борются против империалистического насилия, против гнета колониализма и неоколониализма, будем вместе со всеми народами, борющимися за свое достоинство».

— Как представляет Народное единство облик нового человека? Как понять заявления о том, что Чили намерена воспитывать новых людей? Чем же они будут отличаться от обычных? — задает вопрос журналист из Аргентины.

— Мы исходим из того,— отвечает президент,— что природа капитализма античеловечна, что капитализм базируется на эксплуатации человека человеком. Мы уверены, что при капитализме главная ценность — деньги, этот строй сохраняет классовое неравенство, эксплуататоров и эксплуатируемых. Он зиждется на угнетении и подавлении. Мы верим в другие ценности. Под новым человеком мы понимаем продукт нового общества.

Отвечая на вопросы, Сальвадор Альенде рассказал о тяжелом наследии, с которым сталкивается новое правительство, о положении трудящихся, и в частности о жилищной проблеме. «Когда я был министром в правительстве Педро Агирре Серда в 1939 году, мы организовали первую выставку, посвященную жилищному строительству,— сказал он.— Устроена она была на проспекте Аламеда напротив клуба «Ла Унион», в котором собиралась чилийская олигархия. На этой выставке левые архитекторы и инженеры продемонстрировали, что Чили не хватает 320 тысяч жилищ. Прошел 31 год, и сейчас в Чили не хватает 440 тысяч жилищ. Эта проблема — одна из труднейших,— отметил президент.— Три миллиона чилийцев не имеют воды, 3 миллиона 700 тысяч лишены канализации. Во многих домах люди живут по шесть-семь человек в комнатушке и по трое спят в одной кровати. Мы понимаем, что покончить с этим в короткий срок невозможно, но правительство предпринимает все меры, чтобы эта проблема решалась как можно быстрее».

Так президент изложил собравшимся трудности и проблемы, стоявшие перед правительством Народного единства, где объединились социалисты, коммунисты, представители других левых партий и движений, наметивших генеральный план решения стоящих перед страной задач.

На следующий день участники «Операции правда» разъехались по стране. Я находился там более месяца и повидал многое. Но прежде всего тщательнейшим образом изучил историю командующего армией Рене Шнейдера, из которой следуют весьма существенные выводы.

Как совершилось убийство

Сначала главнокомандующего сухопутными войсками чилийской армии генерала Рене Шнейдера хотели похитить. Но, должно быть, потом в последнюю минуту решили, что лучше все же убить. Возможно, потому, что несколько попыток были неудачными и проваливались, а может быть, версия с похищением вовсе придумана

обвиняемыми по этому делу, чтобы смягчить свою вину. Их — человек тридцать, и почти по всем вопросам они дали противоречивые, а порой исключаящие друг друга ответы. Но вот насчет способа устранения главнокомандующего будто сговорились. Все утверждали, что ни во время многочисленных подготовительных совещаний, где распределялись роли и разрабатывались планы, ни на репетициях нападения на генерала ни разу не шла речь об убийстве. Только о похищении. И на вопрос: «Что такое «Операция Альфа»?» — отвечали единодушно: «Похищение генерала Рене Шнейдера». И почему вдруг в него стреляли, никто понять якобы не может. Но в конце концов не в этом главное.

Как два «пежо» и «додж» прижали к тротуару генеральский «мерседес», как ударил его сзади «джип», как побежали к «мерседесу» люди, на ходу вытаскивая «кольты», я не видел. Но путь от дома № 551 по улице Себастьян Элькано в Сантьяго, где жил генерал и откуда выехал в свой последний рейс, до места его гибели я повторил. И побывал в тех переулках, где стояли машины заговорщиков, ожидая сигнала, где останавливалась полицейская машина, снявшая с постов двух карабинеров, которые, конечно же, могли помешать крушению. И разобрался в том, кто как действовал, кто какие машины вел, когда был получен сигнал о приближении генерала, кто стрелял и что произошло дальше. Поэтому всю историю с убийством мог бы описать подробно. Но поскольку эта история, вернее, техника убийства интересовала главным образом тем, что позволяла отчетливее представить роль различных людей в этом деле, с них я и начну.

Когда стало ясно, кто убил главнокомандующего и для чего это убийство понадобилось, я пошел к председателю Верховного суда Чили сеньору Рамиро Мендесу, чтобы задать вопросы, оставшиеся неясными. Таких вопросов было несколько, о них тоже придется еще говорить, но прежде всего хотелось получить авторитетное разъяснение, почему не судят главных преступников. Ведь от каждого из участников заговора тянутся ниточки, и где-то они переплетаются так, что распутать их трудно, хотя и возможно, а где-то отчетливо видно, в каком месте они берут начало, куда идут и кто именно их так все время запутывает.

Председатель Верховного суда Рамиро Мендес — это

один из правофланговых чилийской реакции. Беседовали мы два часа, и хотя общего языка не нашли и ясных ответов я не получил, но его взгляд на это дело оказался интересным с точки зрения расстановки политических сил. Значит, и к беседе с Рамиро Мендесом надо будет вернуться.

А пока, чтобы яснее стала вся история, разберемся, кто же такой генерал Шнейдер, кому он мешал и кто его убил. И одни ли и те же это люди, у которых он стоял на пути и кто в него стрелял.

Генерал Рене Шнейдер Шеро был человеком образованным и весьма разносторонним. Еще в молодости увлекался историей, изучал искусства и религии. Стремился постичь мир шире, чем он виделся из окон военной академии, где служил, с вышек горного полка или дивизии, которыми командовал. Хорошо разбирался в живописи (сам ею занимался), музыке, литературе, изучал философию. Последняя книга, которую он прочитал, вернее, оставшаяся недочитанной на его столе, была посвящена идеям Маркузе. При всех этих качествах он прежде всего был солдатом. Да и внешне походил на солдата. Коренастый, сильный, с большими солдатскими руками.

Рене Шнейдер не был сторонником левого демократического движения, хотя весь ход событий в Чили приближал его к идеям этого движения. Тем более не был он на стороне правых. Он любил армию и, искренне заблуждаясь, считал ее орудием надклассовым. Роль армии, заявил он, «защита от внешней агрессии и обеспечение внутренней безопасности и порядка, узаконенного конституцией». Он защищал ту конституцию, которая существовала, и своей доктрине был верен до конца дней. Может быть, в силу того, что был солдатом и точно соблюдал закон, а возможно... возможно, далеко смотрел генерал и видел новую ситуацию, созданную демократическими силами, при которой конституция, созданная буржуазией, может быть направлена против нее. Теперь уже никогда не добиться ясности в этом вопросе. Впрочем, не станем навязывать никаких точек зрения. Пусть каждый сам разберется в фактах и сделает свои выводы. Скажем лишь, что, может быть, не случайно за три месяца до выборов, когда уже наметился путь к победе левых сил, в своем интервью он заявил: «Армия будет гарантом того, чтобы выборы проходили в нормальной обстановке и чтобы на пост президента был избран тот,

кто получит большинство голосов или же окажется избранным конгрессом в случае, если никто из кандидатов не получит больше 50 процентов голосов».

Ничего, казалось бы, нового, ломающего традиции генерал не заявил. Напротив, он лишь подтвердил их незыблемость. Однако его слова в стане реакции вызвали переполох. Стало ясно, что он встанет на защиту Народного единства, если оно добьется победы конституционным путем.

Негодование правых сил в связи с заявлением Шнейдера, которое сами они повторяли десятилетиями, дошло до того, что «Меркурио» обвинила его чуть ли не во вмешательстве в политическую борьбу.

На пост главнокомандующего сухопутными силами Рене Шнейдер был назначен неожиданно, при обстоятельствах чрезвычайных. В мае 1968 года среди офицеров началось брожение. Раздавались голоса о том, что правительство Фрея не заботится о своей армии, что офицеры живут в трудных материальных условиях и что дальше так продолжаться не может.

Президент Фрей встревожился. Был смещен министр обороны. Офицерам обещали рассмотреть и решить их проблемы в самом недалеком будущем. И волнения улеглись. Так казалось. Однако никаких изменений в армии не произошло, недовольство вновь стало нарастать, пока не кончилось взрывом.

21 октября 1969 года генерал Роберто Вино Марамбио, один из организаторов волнений, уволенный за это в отставку, поднял восстание в полку «Такна», находившемся в Сантьяго. Это было сигналом для полка «Юнге» в Сан-Филипе, где тоже поднялся мятеж. Создалась угроза военного переворота. Кстати, военные перевороты в странах Латинской Америки не такая уж редкость, и они имеют давние традиции. Скажем, в Боливии за последние сто лет было около ста двадцати переворотов.

Спустя три дня после восстания в полку «Такна», 24 октября 1969 года, Рене Шнейдер и был назначен главнокомандующим армией. Но это лишь одна сторона дела и при этом — не главная. В Чили происходили куда более глубинные процессы, приведшие в движение все политические силы. К этому периоду окончательно оформился мощный блок левых демократических партий. И не трудно было видеть, что на предстоявших президентских выборах он явится весьма опасным конкурен-

том для реакции, равнейшей к власти. Власть она ощущала почти реально, ибо за годы правления христианodemократов во главе с Фреем его правительство в достаточной мере скомпрометировало себя громкими декларациями, оставшимися на бумаге и в эфире. Поэтому в лице христианodemократов крайне правые не видели серьезного конкурента.

Многочисленные разрозненные левые силы и их партии тоже не представляли опасности для реакции, пока каждая из них выставляла своего кандидата. А поначалу так и было: в первый период подготовки к выборам каждая из пяти демократических партий выдвинула своего кандидата. Но впоследствии левые силы объединились в единый блок и вместо пяти кандидатов предложили одного — Сальвадора Альенде. Так вот, единый блок всех демократических сил и общий кандидат — это уже весьма и весьма серьезно и до крайности опасно для их противников. Поэтому реакция считала, что военный переворот снова поставит ее у кормила.

Создавшаяся ситуация была ясна и демократическим силам, и они подняли трудящихся на подавление военного мятежа. Коммунистическая партия Чили разоблачала связи генерала Роберто Вио с реакционной национальной партией, разъясняла, что военный мятеж — это не конфликт между Фреем и армией, а угроза родине, попытка преградить путь народу к власти. Единый профсоюзный центр (КУТ) призвал население не поддерживать заговорщиков, разъясняя, что они действуют в интересах реакции. Все демократические партии и организации вступили в борьбу против заговора Вио. Начались массовые демонстрации и забастовки протеста против мятежа.

Этому натиску реакция нашла что противопоставить. Немало честных людей были сбиты с толку ее демагогическим лозунгом: «Бороться против генерала Вио — значит защищать правительство Фрея». Генерал Вио через реакционную печать кричал о том, что восстание носит локальный характер и восставшие остаются верны президенту и конституции, что военные никогда не пойдут против профсоюзов. Нам нет дела до борьбы правых и левых, которые представляют лишь отдельные категории населения, говорил Вио. Мы — армия, представляющая весь народ, и за его интересы боремся.

Рупор реакции «Меркурио» и другие ее органы на-

стойчиво подменяли слова «бунт», «мятеж» словом «забастовка».

Коммунистическая и социалистическая партии, все силы Народного единства, не уставая, разоблачали лживость враждебной пропаганды. В своем интервью по радио Генеральный секретарь ЦК Компартии Луис Корвалан вскрыл все корни антинародного мятежа.

Это был острейший момент борьбы объединенных демократических сил против наступления и маневров реакции. В этой борьбе победил блок Народного единства, профсоюзы, все трудящиеся. Восставшие полки сдались на милость правительству, а организаторы мятежа во главе с генералом Вио были отданы под суд.

Поскольку на этом деятельность Роберто Вио не заканчивается, а в последующих событиях он будет играть решающую роль, видимо, следует представить его.

Генерал Роберто Вио Марамбио, сын генерала Абро-си Вио, мечтал не только о большой военной карьере. Властолюбивый, злой, мятущийся, слабохарактерный, он не мог скрыть, что в мечтах своих уходил далеко за пределы военных полигонов. Этому способствовало и то обстоятельство, что он довольно успешно продвигался по служебной лестнице. С должности командира полка президент Фрей назначает его на пост губернатора департамента Лао. Вио получает возможность установить тесные контакты с американскими хозяевами «Чили эксплорейшн компани». Как сообщала чилийская печать, именно с их помощью были получены генералом крупные суммы накануне восстания в «Такна».

Затем новое назначение — военный советник в Колумбии. В 1969 году его производят в генералы, и он становится командиром дивизии в Антофагасте — важном экономическом и стратегическом районе страны. Здесь и начал он будоражить офицерство и, получив отставку, отправился в Сантьяго, где и поднял бунт в полку «Такна».

Далее происходят вещи более чем странные, в обычные понятия не укладывающиеся. Мятежный генерал, которого должны судить, становится одной из популярнейших фигур в стране. Он дает интервью, выступает с призывами, его портреты воспроизводятся в печати. А после того как блок Народного единства выставил кандидатуру Альенде, генерал Вио на многочисленном митинге совсем недвусмысленно намекает на то, что он

готов стать президентом и «послужить родине». И не постеснялся при этом сообщить, как собирается править страной. «Я думаю,— сказал он,— что виювь будет утверждено право силы».

Конечно, и американские, и чилийские владельцы медных рудников, селитры, заводов понимали, что этот недалекий и надутый чувством собственного величия генерал — фигура весьма неимпозантная и никаких шансов на успех не имеющая. Зато на любую провокацию, какой бы подлости она ни требовала, пойдет по первой указке ради личной корысти. А положение реакционных сил складывалось так, что выбирать не приходилось. Они готовы были идти на самые крайние меры, только бы предотвратить катастрофу, которая станет для них неотвратимой, если к власти придет Народное единство.

Именно катастрофа. Вдумайтесь! Буржуазные конституции обычно провозглашают множество «свобод», равные права для всех слоев общества, всех политических течений, для магната и рабочего. Так выглядит их показная конституция. Но в чистом виде она бывает только на политической рекламе. Пути народа к реализации пусть урезанных, но предоставленных ею прав ограждены непреодолимыми кордонами. И вот впервые в истории левые демократические силы зависимой от американского империализма страны создали условия для того, чтоб, не нарушая конституции, взорвать эти кордоны и строго на ее основе, пользуясь ею как незыблемым законом, созданным национальной буржуазией и ее зарубежными партнерами для защиты своих интересов, вырвать у нее власть и освободиться от иностранного гнета.

Это нечто невиданное и неслыханное оглушило реакцию, напугало умеренно правых и многих центристов, привело в смятение одураченных «диктатурой коммунизма». Все они еще не верили в нависшую над ними угрозу, еще как-то надеялись, что не может же это случиться на самом деле и вот-вот развеется наваждение, когда грянуло четвертое сентября. В мировой эфир понесли слова: «На выборах победил Альеиде».

Эти слова объединили все антинародные слои общества в мощный кулак. Начался крестовый поход объединенных сил внутренней и внешней реакции, началось наступление на все жизненные центры народного блока под девизом: «Не допустить Альеиде к власти».

Но позвольте! Ведь голосование закончено, ведь он получил больше голосов, чем кандидат правых Хорхе Алессандри, чем представитель христианско-демократов Радомиро Томич. А других конкурентов не было.

Все это верно. И тем не менее у реакции оставалось много возможностей продолжать борьбу за президентское кресло. Дело в том, что абсолютного большинства, то есть больше половины голосов избирателей, не получил ни один кандидат. По конституции в таких случаях окончательное решение — кому быть президентом — выносит сессия Национального конгресса (парламент).

Практически у парламента оставался единственный выход — утвердить кандидата, набравшего наибольшее количество голосов. В истории Чили не было случая, чтобы парламент поступил бы иначе. Так, например, на президентских выборах в 1958 году кандидат правых Алессандри получил лишь на 2,7 процента голосов больше, чем представитель народных сил Альенде, и президентом стал Алессандри. Любое решение не в пользу Альенде на выборах в 1970 году при данных обстоятельствах объяснению не поддавалось бы.

Тогда американские монополии, чьи капиталы были вложены в чилийскую экономику, и национальная буржуазия Чили начали подготовку к военному перевороту, в котором видели наиболее реальную возможность удержать власть. В нем были заинтересованы и главные силы американского империализма.

Как в свое время сообщала американская печать, враги нового строя на Кубе в самый первый период прихода его к власти недооценили происшедших событий. Не поняли, что это не просто один из многочисленных вариантов переворота, в результате которого все равно у власти останется капитал. И хотя спохватились довольно быстро, но было уже поздно. Никакие блокады, ни политические и экономические диверсии не могли остановить хода истории, когда вся полнота власти оказалась в руках народа. На подавление кубинской революции, рассуждали теоретики империализма, надо было бросить мощные силы ЦРУ и Пентагона, когда она была в самом зародыше, представляя лишь маленькую группу во главе с Фиделем Кастро.

Не станем полемизировать с этими теоретиками. Привожу их высказывания только в связи с событиями в Чили. Если победила революция на Кубе, рассуждали

они, где не было организованного рабочего класса и коммунистической партии, что же произойдет в Чили, где компартия накопила почти полувековой опыт борьбы, действуя в союзе с социалистической партией, также отражающей интересы многочисленного рабочего класса, имевшего революционные традиции?

Вот почему и решили совершить военный переворот еще до того, как на законном основании Сальвадор Альенде войдет в президентский дворец.

Выше уже упоминалось о том, что в странах Латинской Америки военные перевороты явление довольно частое. Однако Чили не знала их в последние почти сорок лет. В стране довольно прочно удерживалась традиция «верности армии конституционному долгу» и невмешательства ее в политические дела. Это устраивало монополию и олигархию, ибо для них не так уж велика была разница — стоит ли у власти представитель реакции Алессандро или провозгласивший «демократическую программу» Фрей, но не выполнивший и малую толику обещаний, данных народу. Иное дело блок Народного единства во главе с коммунистами и социалистами.

...До заседания Национального конгресса, где надлежало утвердить Альенде на пост президента, оставалось семь недель. Этого времени, как полагала реакция, вполне достаточно для того, чтобы реализовать план, состоявший из двух разделов. Первый — найти хоть какую-нибудь возможность, хоть какой-нибудь повод, чтобы дать отвод Сальвадору Альенде. И второй — если даже такой повод и найдется, но не будет полной гарантии, что это принесет победу, — совершить военный переворот до заседания конгресса.

Первый вариант, как весьма ненадежный, был вскоре отвергнут. Остался второй. Единственный и последний шанс. И вот тут-то фигура мятежного генерала Роберто Вио Марамбио выплыла на первый план. Для реакции это была удивительно подходящая кандидатура. Во-первых, с его помощью можно будет совершить переворот, и, во-вторых, он удовлетворится местом в правительстве, а в президентское кресло сядет более подходящий представитель капитала.

Главной преградой на пути к цели был Рене Шнейдер, который в создавшейся сложнейшей обстановке подтвердил свою доктрину «верности конституции» и заявил, что армия будет твердо стоять на ее защите, обеспечит

законное проведение Национального конгресса, который и решит, кому быть президентом.

Это был патриотический шаг, требовавший от генерала большого мужества и личной храбрости, ибо он отчетливо видел обстановку в стране, в полной мере понимал, против каких вероломных и жестоких сил поднялся. Позицию Шнейдера разделял генерал Карлос Пратс и некоторые другие военачальники. Военный переворот при таких условиях затруднялся чрезвычайно. Но слишком велики были силы, готовившие его. Ловкий политический трюк реакции дал возможность находившемуся последние дни в президентском дворце Эдуардо Фрейю сместить командующего военно-морским флотом. Вместо него Фрей назначил одного из реакционнейших представителей вооруженных сил, участника заговора адмирала Уго Тирадо Барроса.

Попытки подобным же образом убрать Рене Шнейдера окончились провалом. Тогда и приступили к «Операции Альфа». Первый ее этап — шантажировать, запугать непокорного, создать ему невыносимые условия и заставить добровольно уйти со сцены. И невыносимое началось. В его квартире непрестанно звонили телефоны, грозные голоса угрожали расправой. Вокруг его дома бродили подозрительные личности, которые исчезали в темноте, как только появлялись карабинеры охраны. Жену генерала осаждали какие-то женщины, умолявшие повлиять на мужа. Приходили латифундисты, промышленники, уговаривали командующего не допустить к власти «марксистские» силы. Шли анонимные и неанонимные письма с угрозами и оскорблениями. Раздавались звонки с требованием ответить, где в данный момент находится генерал. Ни минуты покоя, ни днем ни ночью.

Бурлил Сантьяго-де-Чили! Гремели плакаты: «Не спи, чилиец, — на пороге русские». Надрывались репродукторы: «Остановить нашествие коммунистов». Тянулись очереди оформлявших свое бегство за границу. На площадях, в зданиях рвались бомбы. Началась финансовая паника. Саботаж на медных рудниках. Захлебывалась «Меркурио»: «Нация накануне гибели». Трагические фигуры женщин в черном, точно траурные процессии, опоясывали президентский дворец Ла Монеда.

Хаоса и паники в стране добивалась реакция как верных союзников и оправдания военного переворота.

И первый шаг на пути к нему — ликвидация Рене Шнейдера.

Роберто Вио Марамбио лихорадочно готовил главный удар. В сговор с ним вступили начальник гарнизона Сантьяго генерал Камилио Валенсуэла, начальник корпуса карабинеров генерал Висента Уэрта Селис, знали о заговоре президент Фрей и даже министр внутренних дел, именно тот человек, чей пост и долг повелевали ему бороться против любых беспорядков и заговоров.

Заранее были распределены будущие портфели, заранее знали участники заговора, кто какие места займет после переворота в правительстве, в государственном и военном аппаратах. А ненавистный им генерал Рене Шнейдер, словно отвечая заговорщикам, не уставая, повторял, что армия не даст нарушить конституцию. С подобными заявлениями он выступал в печати, на официальных встречах и приемах, перед офицерами, среди друзей и знакомых. И не только выступал. В кругах высшего командования как в Сантьяго, так и в других городах он нашел надежную опору. Окружил себя верными долгу людьми, цементировал армию, объезжая войска, призывал верно служить родине.

Деятельность Рене Шнейдера подстегивала мятежного Вио к тому, чтобы быстрее убрать главнокомандующего. К этому делу он привлек около тридцати человек, главным образом молодежь из зажиточных и аристократических семей. Впрочем, весьма разношерстной была эта группа — от профессионального уголовника Мельгосы, недавно вышедшего из тюрьмы, до сенатора Рауля Моралеса.

Заговорщики имели в своем распоряжении более десяти автомобилей, автоматические револьверы, карабины, гранаты, взрывчатку, бомбы, баллоны с одурманивающими и слезоточивыми газами, противогазовые маски, холодное оружие.

Все участники были разбиты на группы, каждая из которых выполняла строго определенные функции с точным распределением обязанностей внутри групп.

Наиболее деятельным участником заговора был адвокат Гильермо Карей — сын адвоката, обслуживающего высшие слои аристократического общества, — связанный с американским капиталом через меднорудную компанию «Анаконда купер майнинг». Этот тридцатилетний, весьма пробивной юрист состоял в личной дружбе со многими

влиятельными людьми, в том числе с президентом Эдуардо Фреем. Политические контакты заговорщиков с главарями внутренней и внешней реакции и легли, кроме Вио, на Гильермо Карея, впоследствии сумевшего удрать к своим покровителям в Штаты.

«Группу террористов», которая сеяла панику среди населения, взрывая бомбы в разных районах города, возглавил отпрыск весьма зажиточных родителей Энрике Арансибиа. На «группу снабжения» возлагалось обеспечение заговорщиков оружием и автотранспортом. Переправкой оружия из-за границы занимались Гильермо Карей и сенатор Рауль Моралес. Задача «особой группы», как показали на следствии ее участники, — похищение Рене Шнейдера, а в действительности — убийство его, ибо и сам факт убийства, и показания шофера командующего, и все материалы дела — это неопровержимое доказательство того, что даже попытки к похищению не было.

В «особую группу» входили уже названный выше уголовник Мельгоса, выходцы из семей крупной аристократии Аллан Лесли Коопер и братья Искиедро — Диего и Хулио, являвшиеся студентами католического университета, активный сотрудник ультраправой газеты «Тисонна» Андрес Годфрей Видой, коммерсант Сильва Доносо и другие. Участники этой группы имели клички и далеко не все знали друг друга по имени.

Было проведено несколько репетиций покушения на командующего. Для этого одну из машин, на которой условно считалось находится генерал Шнейдер, пускали по тому же маршруту, по которому обычно следует генерал. Последняя «генеральная» репетиция вполне удовлетворила Роберто Вио. Она проводилась глубокой ночью в районе Лос-Доминикос под командованием молодого фанатика из реакционного александрийского легиона Луиса Гальярдо. Предоставленный отставным генералом Эктором Мартинесом Амаро «оппель», управляемый опытным водителем, мчался по городу, имея задание без остановок проехать до определенного пункта. С разных мест в погоню за ним пошли десять машин. «Оппель» был прижат к тротуару задолго до того, как достиг цели.

Настала пора действовать. Нападение на генерала назначили на 19 октября, в день годовщины мятежа в полку «Такна». Однако не это обстоятельство определило

дату покушения. Просто случай представился в высшей степени подходящий, и Роберто Вио не упустил его. Дело в том, что 24 октября исполнился год, как Рене Шнейдер занял пост главнокомандующего. По традиции в этот день генералитет решил устроить ужин. Рене Шнейдер не мог отказаться от этой встречи, хотя решительно воспротивился против того, чтобы собраться 24-го, ибо именно в этот день предстояла сессия Национального конгресса, где окончательно утверждалась кандидатура президента. Генералы решили собраться 19-го.

Это был довольно интимный ужин, где присутствовали только узкий круг генералов и их жены, но затянулся он до двух ночи. О вечере никто, кроме его участников, не знал. Однако о давней традиции знал Вио. И знал дату встречи.

...Семь машин заговорщиков находились в различных местах в засаде. Как только появится «мерседес» Шнейдера, одна из них должна фарами дать сигнал остальным. Все рассчитано. Другой дороги у генерала нет. Он проедет только здесь.

В два тридцать на почти пустынной улице показался автомобиль. На семи машинах включили стартеры. Но сигнала фарами не последовало, хотя он проехал мимо «сторожевой» машины. И действительно, то был не генеральский «мерседес», а «оппель». А то, что именно в нем сидел Рене Шнейдер, поняли слишком поздно.

На этот раз генерал избежал покушения только благодаря чистой случайности. Оказывается, незадолго до ужина Шнейдер дал свой «мерседес» сыну для какой-то поездки, а тот задержался. И генерал сам сел за руль собственного «оппеля».

Роберто Вио взбесил не столько провал, а главным образом то, что до сессии Национального конгресса оставалось всего трое суток. Если к этому времени не убрать Шнейдера, рухнет все, что столько времени готовилось. И он ни минуты не дает передышки своим подручным. К исходу ночи, вернее, к шести утра направляет в район, где жил главнокомандующий, девять машин с заговорщиками, приказав им проникнуть в особняк генерала.

План этот, конечно, был сумасбродным и абсолютно нереальным. Дом охранялся карабинерами, имел надежную связь со штабом армии. Даже не совершив попытки

проникнуть за ограду, заговорщики вернулись ни с чем.

Медлить Вио не мог и, рассчитывая на безнаказанность, предпринимает новую, весьма рискованную попытку. К пяти часам вечера в тот же день машины террористов сосредоточились на площади Бульнес, где находится министерство обороны. Идет зоркое наблюдение за главным входом. Нельзя повторить ошибки, какая произошла из-за «оппеля». Надо точно проследить, на какой машине поедет главнокомандующий.

И они выследили. В семь часов к подъезду министерства подкатил «мерседес», и тут же вышел Рене Шнейдер. Машины заговорщиков тронулись одновременно с его автомобилем. В этот час «пик» центральные улицы забиты транспортом. Все движется очень медленно, подолгу задерживаясь у перекрестков. Однако генеральский «мерседес» идет на большой скорости, обходя весь транспорт по осевой. Регулировщики беспрепятственно пропускают его под красный свет. И преследователи, лишённые такой возможности, вскоре теряют его из виду.

Во всей этой истории одно обстоятельство никак не укладывалось в голове. О том, что плетется заговор, знали многие. Одни молчали, ибо являлись его вдохновителями или имели к нему прямое отношение. Другие внутренне поддерживали его, делая вид, будто ничего не знают, хотя по зову долга обязаны были вмешаться. Ведь бесчисленные репетиции, сборища большого количества заговорщиков, добыча оружия, транспорта, вся эта возня и шумиха, которую они даже не пытались скрывать, не могли не обратить на себя внимание блюстителей порядка. Да и разговоров об этом в правительственных кругах было немало. Но президент Фрей и министр внутренних дел никаких шагов против заговора не предпринимали.

Вся обстановка была ясна и Рене Шнейдеру. Но он не оценил в должной степени ни меры подлости Роберто Вио Марамбио, ни возможностей, предоставленных мятежному отставному генералу. Конечно, Шнейдер не знал о неудавшихся на него покушениях, бесспорно, предвидел их. Убедительным доказательством служит тот факт, что он рекомендовал своим помощникам ежедневно менять маршруты следования на службу и домой. Его информация президенту Фрею и министру внутренних дел о шантаже и угрозах, о готовящемся заговоре не

побудила их к мерам по охране жизни главнокомандующего. Сам же он ограничился тем, что стал постоянно носить с собой пистолет. К сожалению, этого было слишком мало.

22 октября рано утром Рене Шнейдер выехал на службу и, точно предчувствуя роковую минуту, положил рядом портфель с пистолетом. На одной из улиц «додж» заговорщиков ринулся в бок генеральскому «мерседесу», и шофер рванул руль к тротуару, едва увернувшись от удара. Но тут же перед самым его радиатором неожиданно и резко затормозили два «пежо», а сзади налетел на него и стукнул «джип». Вырваться из этого кольца было невозможно. Генерал выхватил пистолет, но Сильва Доносо уже успел разбить молотком стекла, а Коопер, Мельгоса и другие — разрядить в него автоматы и пистолеты.

Так свершилось убийство. Восприняли его по-разному. Кое-кто из высших чинов, кому по распределению ролей и надлежало в этот момент свершить переворот, пришли в замешательство, ибо они все-таки ожидали похищения главнокомандующего, а не убийства, поднявшего на ноги страну. Именно вот это последнее обстоятельство — страх за собственную шкуру — и остановило тех, кто готовил уже для себя большие портфели. А бояться было чего. Во-первых, весьма решительную позицию заняли такие генералы, как Карлос Пратс. Было объявлено, что «доктрина Шнейдера» остается в силе, гарантируется нормальное проведение сессии Национального конгресса, где предстояло утвердить президента.

Видимо, не малую роль в том, что высшее командование армии заняло подобную позицию, сыграли действия самого Сальвадора Альенде. Еще за три недели до убийства генерала Рене Шнейдера будущий президент встретился с командующими всех родов войск, где и высказал свою точку зрения на роль армии в жизни страны. Он заявил, что армия, естественно призванная стоять на страже безопасности государства и точного соблюдения конституции, является не органом, стоящим рядом с чилийским обществом, в стороне от него или над ним. Она является частью общества и должна органически участвовать в его развитии.

Альенде заявил, что, если будет избран президентом, не станет вмешиваться в сугубо внутренние дела армии

и примет меры к улучшению условий жизни военнослужащих. Он согласился с просьбой командующих родами войск не отказываться от действующих военных соглашений между Чили и США, а также не занимать роль диктатора в армейских кадровых вопросах, предоставив их решать самим военным после консультаций с ним.

Конечно же, эта беседа не могла не оказать воздействия на высшее офицерство армии после убийства Рене Шнейдера, и оно с решительностью своего погибшего командующего заявило о верности конституции.

В эти напряженнейшие минуты жизни Чили трудящиеся в полной мере восприняли широкие разъяснения всех демократических партий и профсоюзного центра о подлинных целях убийства главнокомандующего. Всеобщая двухчасовая национальная забастовка против действий заговорщиков и мягкотелости к ним правительства Фрея явилась внушительным предупреждением реакции о том, что захватить власть ей не дадут.

Говоря о периоде между выборами президента и утверждением его парламентом, Сальвадор Альенде заявил:

«...Во время этих решающих 60 дней, которые мы только что пережили, Чили и весь мир стали свидетелями недвусмысленных, нечестных попыток подорвать дух нашей конституции, свести на нет волю народа, нарушить ход экономической жизни нашей страны и, наконец, путем трусливых действий, вызванных отчаянием, спровоцировать кровавое, насильственное столкновение.

...Этот дикий эпизод (убийство Р. Шнейдера.— А. С.), который история расценит как гражданскую войну в зародыше, длившуюся всего лишь один день, продемонстрировал еще раз преступное безумие отчаявшихся. Это наемники меньшинства, на котором еще со времен испанского господства лежит тяжелая ответственность за эксплуатацию нашего народа в своих корыстных интересах, за передачу наших богатств в руки иностранцев».

После убийства Рене Шнейдера генерал Пратс, назначенный на пост главнокомандующего, действовал решительно. Были арестованы почти все участники заговора. Высшие судебные органы с той же оперативностью и энергией мешали установлению истины. Апелляционный суд, и не имея на то никаких оснований, освободил нескольких обвиняемых, и они тут же сбежали за пределы

страны. Верховный суд во главе с его председателем Рамиро Мендесом запретил привлечь к ответственности некое высокопоставленное лицо, хотя его участие в заговоре сомнений не вызывало.

В стране было объявлено чрезвычайное положение. Движение людей и всех видов транспорта тщательно контролировалось, а в ночное время запрещалось.

До заседания парламента оставался один день. Большинство в парламенте принадлежало группе партий, не входивших в Народное единство. По предварительному сговору все они, попирая извечные традиции, должны были проголосовать не за кандидата, набравшего наибольшее количество голосов, а за представителя правых Хорхе Алессандри, идущего по списку вторым, под тем предлогом, будто победа на выборах Альенде вызвала в стране панику и террор.

Однако реакция видела, как поднялся против нее народ в связи с убийством Шнейдера. Она не могла не видеть, что при создавшейся обстановке любой ее трюк, направленный против Народного единства, неизбежно вызовет взрыв, который может смести ее с лица чилийской земли.

Что касается империализма, отмечал Луис Корвалан в те дни, прежде всего американского, то ему, разумеется, претит то, что происходит в нашей стране. Победа, одержанная чилийским народом, застряла в горле американского империализма, как кость, которую он не может проглотить. Дело в том, подчеркивал Генеральный Секретарь Чилийской компартии, что представители Народного единства пришли к власти, если так можно выразиться, на законном основании, то есть путем демократических выборов. Конечно, сам этот факт не остановил бы империалистов, но они боятся реакции общественности, прежде всего международной, на такое поправление ими же восхваляемой буржуазной демократии. Кроме того, победа Народного единства была достигнута в момент, когда в Латинской Америке происходил новый подъем революционной борьбы. В подобных условиях, указывал Луис Корвалан, непросто открыто выступить против Чили. Такой шаг создал бы угрозу подрыва позиций империализма в других странах, кто знает во скольких.

На такой риск международный империализм идти не мог. Но и отдавать власть не хотел.

Борьба за власть

До победы Народного единства кандидатура Сальвадора Альенде трижды выставлялась на пост президента. Дважды он был близок к победе. Его поражения объяснялись главным образом тем, что блок демократических сил, чьим кандидатом он являлся, не был достаточно широким и единым. Компартия Чили, входившая в этот блок, ясно видела, в чем его слабость, и все усилия направляла на сплочение и объединение левых сил. В многочисленных партийных документах, в решениях ЦК неоднократно указывалось на эту главную задачу в политической борьбе за власть трудящихся.

Монополии США и чилийская буржуазия понимали, что две партии рабочего класса Чили — коммунистическая и социалистическая — могут объединить вокруг себя все левые силы, и тогда приход их к власти станет реальностью. Предвидя для себя такую опасность, еще к началу избирательной кампании 1964 года внутренняя реакция предприняла соответствующие шаги.

Президентом в ту пору был представитель крайне правых, один из крупных капиталистов, владевший не только акциями в национальной экономике, но и в английских компаниях, Хорхе Алессандри. Такой президент вполне устраивал американские монополии и чилийскую олигархию. Однако снова выставить свою кандидатуру он не мог, ибо по чилийской конституции на второй срок подряд президент не может быть избран. Поэтому монополии США делают ставку на кандидата христианско-демократической партии Эдуардо Фрея, хотя его программа была значительно прогрессивней, чем у Алессандри. В частности, христиано-демократы обещали провести аграрную реформу и другие демократические преобразования.

Тем не менее Фрей устраивал противников левых сил, ибо как и доказал он, когда стал президентом, — одно дело обещания и совсем иное их реализация.

Пока еще не раскрыт и не оглашен план действий реакции, приведший Фрея в президентский дворец в 1964 году, однако из секретных материалов, проникших в печать, о которых речь пойдет ниже, стало ясно, что подрывная работа против блока левых сил, противостоящих Фрею, финансировалась Соединенными Штатами. «Уже не секрет, — писала «Вашингтон пост», — что ЦРУ

оказало мощное содействие победе господина Фрея на выборах 1964 года». Та же газета сообщала, что на избирательную кампанию 1964 года было израсходовано до 20 миллионов долларов из американских средств. В ней участвовало 100 американских сотрудников. По сравнению с масштабами американской поддержки Э. Фрея в его борьбе за президентское кресло в 1964 году, писала газета, события 1970 года «кажутся мелочью».

Что же представляет собой эта «мелочь»?

21 марта 1972 года «Вашингтон пост» начала публиковать статьи Джека Андерсона, где приводились секретные документы компании «Интернэйшнл телефон энд телеграф» — ИТТ, показывающие, как она грубо вмешивалась во внутреннюю жизнь Чили, отпуская огромные средства тем, кто стремился не допустить победы Народного единства на президентских выборах 1970 года.

Поскольку компания прямо причастна к фашистскому перевороту — краткая справка о ней.

ИТТ — фактически самостоятельное государство, тесно связанное с высшими государственными деятелями США и ЦРУ. Компания имеет собственный разведывательный аппарат. Это одна из самых могущественных империалистических монополий не только США, но и всего капиталистического мира. Ее капиталы вложены в банки, промышленность и другие отрасли экономики 90 стран. Ее годовой оборот — 7,5 миллиарда долларов. 331 филиал ИТТ и 708 их отделений обслуживают более 400 тысяч человек. Как выразился один из американских журналистов, «на ее содержании находится политика США».

Не знаю, из каких соображений, возможно, просто за деньги конкурентов ИТТ, но ее суть наиболее образно и точно охарактеризовала газета «Уолл-стрит джорнал», писавшая: «ИТТ — это ненасытное чудовище, которое протягивает свои когти ко всему, что может захватить, и оно находится в постоянной готовности, чтобы наброситься на очередную жертву».

Очередной жертвой этого чудовища еще в конце двадцатых годов стала Чили. ИТТ перекупила у английской компании чилийские телефонные линии. Затем ее щупальца пошли вширь и вглубь. За короткий срок она овладела всеми средствами связи Чили и их производством. В шестидесятых годах ИТТ вывозила из страны в виде

доходов 7 миллионов долларов, а в 1970 году — 17 миллионов. К этому времени на предприятиях ИТТ в Чили работало шесть тысяч человек. Программа Народного единства предусматривала выдворение всего иностранного капитала. И «чудовище» начало действовать, не жалея миллионов.

О разоблачениях Андерсона лондонская газета «Обсервер» писала: «24 страницы памяток и писем, представленных для всеобщего обозрения, рассказывали в зловещих подробностях, как официальные представители ИТТ обсуждали между собой и с видными деятелями ЦРУ и государственного департамента, в какой мере было возможно помешать Альенде стать президентом Чили, страны, в которой ИТТ имела значительные капиталовложения».

Уже будучи президентом, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 году, Сальвадор Альенде говорил: «ИТТ, гигантская корпорация, капитал которой превышает государственные бюджеты многих латиноамериканских стран, вместе взятых, и даже государственные бюджеты некоторых промышленно развитых стран, с самого момента получения известия о победе народа на выборах 1970 года развернула злобную деятельность с целью помешать мне занять пост главы государства».

Между сентябрем и ноябрем упомянутого года в Чили имели место террористические акты, запланированные за пределами наших границ при участии местных групп фашистов, конечным итогом их явилось убийство главнокомандующего армией генерала Рене Шнейдера Шеро, честного человека и выдающегося военного, символизировавшего верность вооруженных сил Чили конституционным нормам.

В марте нынешнего года были опубликованы документы, разоблачающие причастность ИТТ к этим коварным замыслам. Компания ИТТ признала, что в 1970 году она даже обратилась к правительству Соединенных Штатов с предложением вмешаться во внутривнутриполитические события Чили. Это подлинные документы. Никто не осмелился их опровергнуть...»

Выступления Андерсона — не обычные журналистские или полемические статьи. Как говорил Альенде, они полностью основывались на документах, исключавших какие бы то ни было опровержения или иные толкования,

кроме главного — государственные органы США, и в первую очередь ЦРУ совместно с ИТТ, не только разрабатывали план, как не допустить к власти Народное единство, но и практически, затрачивая большие средства, вели подрывную работу, вмешиваясь в жизнь Чили.

Андерсон привел множество документов об источниках финансирования заговора. Среди них — заявление представителя ИТТ о готовности компании пожертвовать для намеченной им цели «сумму, выражающуюся семизначной цифрой».

Это — секретное сообщение, ставшее известным. Но они не стеснялись говорить об этом и громко.

12 мая 1976 года в американском городе Финикс состоялась ежегодная конференция ИТТ, на которой присутствовало около пятисот акционеров компании. Отчитываясь перед собравшимися, председатель правления и административный директор Гарольд С. Дженнин заявил, что в 1970 году непосредственно после президентских выборов в Чили ИТТ направила туда 350 тысяч долларов в целях прямого подкупа сенаторов Национального конгресса страны.

Подлинные затраты ИТТ на античилийскую кампанию выразились куда более крупной суммой, чем названа в этом циничном признании.

Против законно избранного президента Чили действовали не только монополии, но и правительство США. Грубо попирая важнейшие принципы международного сотрудничества о невмешательстве стран во внутренние дела друг друга, которые не уставая, декларируют руководители США, требуя этого от других, они начали борьбу против Народного единства еще до прихода его к власти.

Как только выяснилось, что большинство голосов получил Сальвадор Альенде, свой голос подал и Г. Киссинджер, бывший тогда специальным помощником по национальной безопасности президента США Р. Никсона.

Не на тайных переговорах, не в секретном письме, а во всеуслышание на пресс-конференции он заявил: «Избрание Альенде имеет серьезные последствия для американских интересов в Чили, а также для интересов безопасности США. Думаю, что мы не должны питать иллюзий в отношении того, что приход к власти Альенде не создает для нас самих и наших сил в Латинской Аме-

рике серьезных проблем и, конечно в целом для всего Западного полушария».

Бесцеремонный и бесстыдный призыв к вмешательству в чужие дела. Как бы, интересно, реагировал тот же Киссинджер, если, например, официальный представитель какой-либо страны заявил о своей неприязни к вновь избранному президенту США и попытался бы помешать ему занять президентское кресло. Как можно без горькой усмешки воспринять официальное заявление этого государственного деятеля США, будто приход к власти Альенде будет угрозой «безопасности США». Как можно всерьез произнести такие слова!

Что касается проблем, которые возникнут для «всего Западного полушария», то здесь Киссинджера, как и монополии США, чьи интересы он представлял, можно понять. Это для них приход к власти народа создает проблемы. А для народов Западного полушария «чилийский пример» обладал огромной притягательной силой.

Потому и не унимался «специальный помощник». «Я не понимаю,— говорил он,— почему мы должны стоять в стороне и смотреть, как страна сползает к коммунизму, благодаря безответственности ее собственного народа». К слову сказать, в ту пору Генри Киссинджер уже не стоял в стороне, а фактически возглавлял специальную группу, занимавшуюся выработкой политики по отношению к Чили.

Столь же активную позицию занял и бывший президент США Р. Никсон. 15 сентября 1970 года он довел до сведения директора ЦРУ Хелмса, что для Вашингтона «неприемлем» приход к власти правительства во главе с Альенде. ЦРУ было дано указание приложить все усилия, чтобы помешать этому.

«Я информировал Хелмса... что для успеха этих усилий необходимо заручиться поддержкой военных фракций Чили». Так заявил Никсон специальной комиссии сената по расследованию деятельности ЦРУ. Спустя несколько часов после приведенной беседы Никсона с Хелмсом посол США в Чили Эдвард Корри получил послание от государственного департамента, в котором от имени президента ему поручались действия самых широких масштабов для того, чтобы не допустить Альенде к власти.

Впоследствии на заседании сенатской комиссии по иностранным делам конгресса США Э. Корри сказал:

«Правительство США желало поражения Альянде, и только лунатик мог бы думать иначе».

Дело, однако, далеко не ограничивалось «желанием».

В 1970 году латиноамериканский отдел секретной службы ЦРУ возглавлял Уильям Броу. Вместе с ним руководство ИТТ разработало план создания в Чили экономического хаоса, который стал бы поводом для вмешательства армии и свершения ею переворота.

О том, как планировалась дезорганизация чилийской экономики, убедительно свидетельствует преданное огласке секретное сообщение вице-президента ИТТ Э. Дж. Джеррети своему шефу президенту компании Гарольду Дженнину. В частности, в нем говорилось:

«1. Банки не должны возобновлять кредиты или должны затягивать их предоставление.

2. Компании должны задерживать посылку денег, поставки, отправку запасных частей и т. д.

3. Сберегательные и кредитные компании в Чили переживают трудности. Если оказать нажим, они вынуждены будут закрыть свои двери и тем самым создать в стране напряженное положение.

4. Мы должны прекратить оказание всякой технической помощи».

Одновременно принимались меры к тому, чтобы подготовить чилийскую армию для переворота. В этой области действовал член совета директоров ИТТ и ее исполкома, бывший руководитель ЦРУ Джон Маккоун. Вице-президент ИТТ, ведавший ее вашингтонским отделением, Уильям Мерриам писал ему: «Мы продолжаем обращаться к отдельным представителям вооруженных сил Чили в надежде побудить их возглавить какое-либо восстание».

Подрывная деятельность сопровождалась античилийской кампанией всех средств массовой информации. «Христианско-демократическая партия,— писала в те дни «Нью-Йорк таймс»,— имеет основание требовать твердых заверений в сохранении демократической системы в Чили, прежде чем она подаст голоса, необходимые для избрания сенатора Сальвадора Альянде на пост президента... Если Альянде на посту президента попытается не выполнить свое обязательство... вооруженные силы в таком случае получают законное основание для выступления в защиту конституции». И правая верхушка ХДП восприняла эти призывы.

Началось лихорадочное политическое трюкачество. Народное единство имело в парламенте 80 мест. Христианско-демократическая партия (ХДП) — 78 и национальная партия — 42 места. По количеству полученных голосов первое место на президентских выборах, как мы знаем, получил Альянде, второе — кандидат реакционной национальной партии Алессандри и третье — представитель ХДП Томич. Формально парламент имел право утвердить одного из первых двух кандидатов. В выгодном положении оказались христианско-демократы. За кого они отдадут свои голоса, тот и станет президентом. За их голоса и начала отчаянную борьбу национальная партия.

Прежде всего она заявила, будто избирательная кампания еще не закончена и результаты голосования еще не окончательны. Подобные утверждения повторялись изо дня в день и сопровождались яростными нападками на Народное единство. Не умолкали призывы не допускать к власти марксистские силы, которые разрушат все демократические устои и экономику, приведут к хаосу в стране и подчинят ее «коммунистическому диктату». Распускались слухи, будто правительство Альянде немедленно конфискует содержание всех банковских сейфов. Слухи действовали. Началось массовое изъятие банковских вкладов. Ограничила свои действия фондовая биржа. Реакционные силы организовали ряд диверсий — взрывов, пожаров, волнений на предприятиях. Каждый день был отмечен разнузданными провокациями, направленными на идеологическую обработку населения.

На одном из массовых митингов Альянде привел факты, разоблачающие действия правых сил. Например, группы лиц, выдававшие себя за сторонников Народного единства, сообщил он, обходили квартиры, регистрируя количество детей в семьях. На естественный вопрос — зачем это надо, провокаторы отвечали: если у вас, например, шесть душ детей, двое будут отправлены на воспитание в Советский Союз и двое на Кубу.

Нельзя, конечно, сказать, будто в подобный бред все верили. Однако в умы наиболее отсталых слоев населения закрадывались сомнения. Правые силы кричали — угроза прихода к власти Альянде уже создала в стране хаос, что же будет, когда власть окажется в его руках.

На фоне этих событий рефреном звучало утверждение

национальной партии, будто голосование — лишь этап в избирательной кампании и не является окончательным.

Представители Народного единства разоблачали провокации, доказывая, что победа Альянде бесспорна и окончательна. Она является не результатом дебатов, а волеизъявлением народа. Высказали свое мнение несколько сенаторов левого крыла ХДП — они отдадут свои голоса за Альянде.

Создавшаяся ситуация вынудила и верхушку ХДП выступить по этому поводу. И хотя она это сделала не столь определенно, как представители левого крыла, тем не менее в специальном заявлении осудила действия реакции, кричащей, будто результаты выборов еще не окончательны.

Вот тогда-то Алессандри и поддерживающие его силы пошли на прямой авантюризм. Еще задолго до выборов, уверенный в своей победе, демонстрируя свое «благородство», он заявил: если не получит подавляющего большинства голосов населения, но будет утвержден в качестве президента парламентом, он подаст в отставку и не сядет в президентское кресло.

Теперь, повторив свое заявление, сделал маленькое добавление — и не выставит своей кандидатуры на следующих выборах. Этот политический стриптиз обнажил его планы. Отказ от поста президента согласно конституции повлечет за собой новые выборы спустя два месяца и не позднее чем через три месяца. На новых выборах уже мог баллотироваться Э. Фрей. И Алессандри, отказываясь выставить свою кандидатуру, дает понять, что правые будут голосовать за кандидата ХДП. Вместе с голосами ХДП это составит абсолютное большинство и президентом снова станет Фрей. Главари национальной партии не скрывали, что идут на сделку — «лучше Фрей, чем коммунисты».

Для Фрея открылась заманчивая перспектива. Однако на пути к ней стояло немало препятствий. По существу, национальная партия и ХДП постоянно враждовали. Вовремя избирательной кампании ХДП резко выступила против Алессандри. Это способствовало привлечению на ее сторону средних слоев населения. ХДП, как было указано выше, осудила заявления правых, будто результаты выборов еще не окончательны.

Отдать голоса за Алессандри, когда явно победит

Альенде, что и подтвердила ХДП в своем заявлении, а ее кандидат Томич послал Альенде поздравительную телеграмму — в таких условиях проголосовать в парламенте за Алессандри означало для ХДП, и прежде всего для Фрея полную потерю авторитета и доверия к нему, привело бы к отколу от партии значительного количества ее членов. Кроме того, у руководства ХДП не было уверенности в поддержке затеваемой махинации всеми сенаторами своей партии.

Стало ясно, надо голосовать за Альенде. Тем не менее руководство ХДП начало куражиться. Лидер партии заявил: без определенных условий нельзя отдавать власть в руки двух марксистских партий — коммунистической и социалистической, являющихся решающей силой Народного единства. Наши голоса, заявил он, мы отдадим Альенде, если получим от него твердые гарантии в неприкосновенности конституции и демократии. Затем последовали перечисления, что именно должно оставаться в неприкосновенности.

Демократические свободы, резонно ответил Сальвадор Альенде, которые требует ХДП, сам он объявил в своей избирательной программе. Какие же еще нужны гарантии?

Это заявление ХДП признала недостаточным. Началась длительная возня, сводившаяся к одному — Альенде не желает давать гарантий.

Так готовились «законные основания» для военного переворота. Один за другим совершались террористические акты, провоцировались уличные столкновения, нарастала инфляция. ХДП все с большей настойчивостью требовала разработать «статут конституционных гарантий», надежно обеспечивающий сохранение демократического режима.

«Статут» в конце концов и был разработан представителями ХДП и Народного единства. В нем говорилось, что правительство гарантирует свободу деятельности политической оппозиции, профсоюзов и других общественных организаций, свободу печати без цензуры, поддержание традиционной автономии университетов. «Статут» обязывал правительство не формировать никаких вооруженных отрядов вне армии и полиции, не вмешиваться в кадровые вопросы внутри армии, не смещать с постов гражданских лиц в зависимости от их политических убеждений.

Народное единство вынуждено было согласиться и с требованием не национализировать ни одно из средств массовой информации, в том числе крупнейшие газетные концерны, радиостанции, телецентры. Этот «Статут», имевший конституционную силу, был одобрен в октябре сенатом и палатой депутатов.

В 1970 году потерпели крах и план «мирного» отстранения от власти Народного единства, и план военного переворота. 3 ноября 1970 года Сальвадор Альенде занял пост президента.

Тяжелое наследие от прошлых режимов досталось народу. Острый кризис переживала вся экономика. Ни одна страна мира не имела такого огромного внешнего долга, как Чили, исчислявшегося в четыре миллиарда долларов. Иностранные монополии глубоко вклинились во все отрасли народного хозяйства, варварски эксплуатирова и захватывая богатства страны. 73 процента земельной площади находилось в руках 3 процентов лати-фундистов. Катастрофически росла инфляция и безработица. При сохранении зарплаты почти на одном уровне за десять лет до 1970 года цены выросли в 10 раз. Ужасающая нищета охватила не только полумиллионную армию бездомных и сотни тысяч безработных, но и все трудящееся население. Около 70 процентов рабочих получали менее прожиточного минимума. В стране насчитывалось 600 тысяч детей, умственно отсталых в результате постоянного недоедания с первых дней жизни.

Если к этому прибавить все нарастающее наступление реакции на Народное единство, станет ясно, с какими трудностями оно столкнулось после завоевания власти. А задачи перед ним стояли гигантские. В его программе говорилось, что народные и революционные силы Чили объединились не для борьбы за простую замену одного президента другим и не для того, чтобы на смену одной правящей партии пришла другая. Они объединились для того, чтобы осуществить коренные преобразования, которых требует положение в стране, на основе передачи власти старых правящих группировок рабочим, крестьянам, прогрессивным средним слоям города и деревни.

Подобная программа дала основание Сальвадору Альенде заявить, что возглавляемое им правительство является правительством трудящихся. Впервые в стране трудящиеся взяли власть в свои руки.

Выступая на многотысячном митинге после того, как были объявлены итоги голосования на президентских выборах, Сальвадор Альенде сказал:

«Мы создадим народное правительство, которое будет защищать интересы страны, народа. Это правительство будет проводить независимую внешнюю политику и бороться за экономическую независимость Чили. Оно будет поддерживать дружеские отношения со всеми странами мира. Народное правительство будет соблюдать принципы самоопределения и невмешательства. Оно направит свои усилия на благо Чили и всего чилийского народа».

Программа Народного единства, предусматривавшая изменение всей экономической структуры, начала претворяться в жизнь с первого же дня нового строя. В первую очередь предстояло ликвидировать господство иностранных и местных монополий и латифундизма. Без поправок в конституции выполнять такую задачу было невозможно. И правительство разрабатывает соответствующие изменения и добивается их утверждения парламентом.

Это была огромная победа, открывшая путь для коренных социально-экономических преобразований. За три года демократическое правительство сделало для страны и народа больше, чем все предыдущие режимы за 150 лет после получения Чили так называемой независимости. Все крупные предприятия и банки перешли в руки народа. Были экспроприированы земли латифундистов. Природные богатства: медь, уголь, селитра, нефть, железная руда — все, что таили в себе недра земли, чем завладели монополии США и национальная буржуазия, перешли в собственность нации, которой они и принадлежали по праву. Все иностранные монополии, весь иностранный капитал были выдворены из страны.

Преодолевая трудности, в том числе искусственно создаваемые реакцией, Народное единство добилось больших успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, всей экономики в целом. Был разработан и успешно выполнялся чрезвычайный план строительства жилищ, значительно сократилась безработица, повысилась зарплата низкооплачиваемых рабочих и служащих.

Может быть, главным достижением Народного единства явилось вовлечение трудящихся в управление хозяйством и политической жизнью страны во всех областях и на всех уровнях — от крестьянского кооператива до

промышленного предприятия, до высших государственных и общественных органов. Впервые в истории Чили народ почувствовал себя свободным, впервые не попиралось, а воспитывалось в нем чувство собственного достоинства.

В соответствии с программой в стране были созданы три формы собственности — общественная, смешанная и частная. В общественную вошли отрасли экономики, имевшие стратегическое значение, государственные предприятия, все национализированные компании как иностранные, так и национальной буржуазии, банки и страховые компании, внешняя и крупная оптовая торговля.

Смешанная состояла из предприятий, в том числе торговых, куда были вложены и государственный, и частный капитал. Управлялись они администрацией из представителей обоих секторов.

Средние и мелкие предприятия оставались в руках частных владельцев.

Успехи сопутствовали новой народной власти. Вопреки предсказаниям реакции о неизбежном развале экономики, несмотря на организованный ею саботаж, в 1971 году промышленное производство выросло на 13 процентов, а валовой национальный продукт на 8,5 процента. В 1972 году было произведено меди на 60 тысяч тонн больше, чем в 1970 году. Повысился выпуск изделий всех главных отраслей хозяйства. Более 200 тысяч безработных получили работу. Увеличился размер пенсий и заработная плата низкооплачиваемых трудящихся.

В течение 1972 года были экспропрированы почти все поместья, превышающие 80 гектаров поливных земель, пять миллионов гектаров земли перешли в руки крестьян.

Для всех слоев населения стало доступно образование. В 1972 году школы посещало 99 процентов детей, неизмеримо больше, чем при старых режимах. Легче стало получить среднее и высшее образование. Значительно улучшилось здравоохранение.

В стране начали действовать Комитет по национальному планированию и Комитет по национальной экономике. Правительство совместно с Единым профсоюзным центром разработало формы участия трудящихся в управлении экономикой. На предприятиях появились адми-

нистративные советы, состоявшие из представителей государства и данного предприятия.

Формой участия трудящихся в управлении государственными заводами и фабриками явились также созданные самими трудящимися производственные комитеты, которые стали следить за выполнением планов, трудовой дисциплиной, за всей работой цехов.

На частных предприятиях возникли комитеты надзора за производством. Они вели борьбу с саботажем, препятствовали свертыванию производства, активно помогали увеличить выпуск продукции, обеспечить подвоз сырья, максимально использовать оборудование.

Народное единство покончило с политикой ориентации только на капиталистические страны, главным образом на США, как это было раньше, провозгласив независимую политику суверенного государства.

Первой внешнеполитической акцией нового правительства, которая произошла спустя неделю после его формирования, было восстановление дипломатических отношений с Кубой. Широкое сотрудничество в области экономики, науки, культуры началось с Советским Союзом, всеми социалистическими странами.

Выступая на митинге в Сантьяго в связи с пятидесятилетним юбилеем Компартии Чили, Луис Корвалан сказал: «Все, что делается ныне в Чили при правительстве, возглавляемом товарищем Сальвадором Альенде, направлено на достижение полной независимости родины, подлинной свободы, самой широкой демократии, на достижение того, чтобы все чилийцы освободились от нищеты, имели крышу над головой и справедливо оплачиваемую работу».

Особенность создавшейся в стране обстановки заключалась в том, что трудящиеся не имели всей полноты политической власти. Правительство, то есть исполнительная власть, состояло из представителей левых партий, а в Национальном конгрессе — законодательном органе — большинство имели правые силы.

Таким образом, возникли два центра власти, стремившиеся обладать ею полностью. Пользуясь арифметическим большинством в Национальном конгрессе, реакция отклоняла или тормозила принятие многих прогрессивных законопроектов.

Например, в связи с инфляцией правительство предложило увеличить зарплату трудящимся за счет повы-

шения налогов на 10 тысяч представителей наиболее богатых слоев населения. Этот законопроект Национальный конгресс заморозил.

Один из важнейших органов государственной власти — Верховный суд — состоял из реакционеров, деятельность которых направлялась на саботаж и подрыв правительственных мероприятий.

В министерствах, ведомствах, государственных учреждениях имелись реакционные элементы, тормозившие проведение государственных решений.

Неоднороден был блок правых партий. В него входили крайне реакционная национальная партия, выражавшая интересы крупных промышленников и латифундистов, чисто фашистские организации, такие, например, как «Патриа и либертад»; в противовес правому большинству христианско-демократической партии, также стоявшей за свержение Альенде, левое ее меньшинство придерживалось прогрессивной позиции. Правые партии, хотя формально не объединенные, заранее согласовывали свои действия против Народного единства.

Правительство столкнулось с серьезными финансовыми и экономическими трудностями.

В счет огромного внешнего долга необходимо было выплачивать ежегодно более двухсот миллионов долларов. А валютные поступления резко снизились. Во-первых, потому, что международные банки прекратили кредитование. Во-вторых, из-за искусственно созданного резкого падения цены на медь на международном рынке, хотя в прошлом она отличалась стабильностью. С 62 центов за фунт при правительстве Фрея она упала до 47 центов. Как известно, основным источником валютных поступлений для Чили был экспорт меди, и падение цены только на один цент за фунт означал для страны убытки в 18 миллионов долларов. А падение цены произошло не на один, а на 15 центов.

Были необходимы крупные капиталовложения для замены сильно изношенного оборудования на национализированных предприятиях. Сельское хозяйство находилось на очень низком уровне и также требовало капиталовложений.

Не терпящими отлагательства являлись проблемы бездомности и безработицы.

Чрезвычайный

Бездомные... Постоянный спутник капиталистических городов. О них говорил президент Сальвадор Альенде на первой же пресс-конференции для участников «Операции правда». Человеку советской действительности это трудно представить. Мы сами знали разруху и острейшую нехватку жилья. Ютились в коммунальных квартирах. Но бездомные ведь совсем другое. Это то же, что и беспризорные, но только не дети, а взрослые. Впрочем, и дети вместе со своими родителями. Целые семьи беспризорных. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч бездомных Чили. Одно из наследий, доставшихся Народному единству.

Как же выходить из кризиса? Какие шаги в этом направлении принимало правительство? Что реально сделано за тот, пусть короткий срок, с тех пор как власть перешла в руки блока левых партий.

Эти вопросы я задавал на одной из пресс-конференций и хотел сам убедиться, как страна выходит из бедствия. Я хорошо понимал — новому строю меньше года. За такой срок можно лишь приступить к решению проблемы. Но ведь президент сказал, что она одна из острейших. Значит, что-то серьезное, масштабное должно было уже предприниматься.

Я увидел, что уже сделано. И узнал вещи удивительные. Узнал одну из славных страниц истории борьбы Коммунистической партии Чили. В долгие годы господства в стране иностранного капитала и чилийской олигархии компартия наращивала силы для решительных штурмов и одновременно стремилась даже в тех условиях улучшить жизнь людей, особенно бездомных, казалось, обреченных на вечную нищету.

...На окраине Сантьяго я увидел много сараев. В них живут люди. Были там сараи добротные, сделанные из досок, без щелей, крытые не кусочками битого шифера, а целыми листами, и никакой дождь им не страшен. А иные сооружены из разнообразных картонных ящиков, крепкой упаковочной бумаги, обрезков фанеры и жести, поржавевшей в тех местах, где облупилась краска.

Педро Кабесас жил в хорошем сарае. Таких во всем поселке не найдешь и сотни. Стены — из узких дощечек в паз, даже пол не земляной, а деревянный, даже электрическое освещение есть.

Поселок из сараев называется Бандера, и он входит в крупнейший район столицы — Гранха, насчитывавший 220 тысяч жителей. При желании Педро Кабесас мог бы иметь еще лучшее жилье. Он мог бы жить в каменном доме, где есть отопление, канализация и другие удобства, ибо он — алькальд, то есть глава всего муниципалитета Гранха, фактически целого города, и не маленького. Но сарай в жизни многих чилийцев — это страница истории борьбы коммунистов Сантьяго и других чилийских городов.

...Это было давно. Задолго до победы Народного единства. Во главе организации стоял плотник с мебельной фабрики коммунист Педро Кабесас. Он и его соратники решили, что операция пройдет успешно, если удастся осуществить ее внезапно, одним ударом. Начать часа в два ночи и закончить на рассвете. Если так и получится, полиция уже ничего не сможет сделать. Если же о ней проноухают раньше времени, провал неизбежен. Ведь точно такая операция, какую задумали они, провалилась в Пуэрто-Монте только потому, что люди не сумели сохранить тайну. В результате — девять убитых, а остальные ушли ни с чем.

На окраине столицы Педро и его товарищи присмотрели пустырь. И хотя он никем не охранялся, дело было не из легких. Пустырь — так только говорится, потому что никто никогда его не использовал, а сквозь его каменистую почву пробился чертополох, и нанесло сюда всякого мусора и отбросов, но пустырь — это земля. Пусть каменистая, пусть ни к чему не пригодная, но земля. Значит, есть и ее полноправный владелец, которому она принадлежит вместе со всем, что на ней есть, — и этим чертополохом, и камнями, что валяются сверху или торчат из нее, и теми, что скрыты под внешним покровом, и всем, что в ней есть на любой глубине.

Пустырь принадлежал династии Костабалов. И это вполне устраивало Педро. Будь здесь человек не очень богатый, имеющий всего гектаров сто, они не стали бы трогать его землю. А у Костабалов тысячи и тысячи гектаров. Не обеднеют.

Осваивать решили, конечно, не весь пустырь. Действуя осмотрительно, чтобы не вызвать подозрений, наметили участок, на котором можно будет разместить триста семей — примерно полторы тысячи человек. Количество участников операции не должно быть маленьким, чтобы

полиция не могла с ними легко расправиться. Но и не настолько большим, чтобы потерять управление огромной массой совершенно неорганизованных людей. А полторы тысячи — цифра вполне подходящая. Рассчитали, чтобы каждой семье достался участок метров десять на двенадцать.

Конечно, на первый взгляд многовато. Ведь каждый должен соорудить только шалаш или палатку. Для этого нужен просто клочок земли. Но ведь и о перспективе надо думать, если уж идти на такое рискованное дело. Если все пройдет хорошо, постепенно раздобудут доски и построят большие сараи, перегородят их картоном или мешковиной, чтобы, как у людей, отдельно была кухня, отдельно широкий топчан для детей, а если их много, то и два топчана, и отдельно для главы семьи и стариков, если они есть.

На это надо тридцать пять — сорок квадратных метров земли. Но Педро взял широкий размах. Ему хотелось, чтоб осталось еще вдвое больше места для двора, где люди смогут развести кур и другую живность, где свободно играли бы дети, которых немало давили или калечили машины, пока они жили под мостами и на улицах.

Педро Кабесас и его товарищи — их было человек двадцать, все коммунисты — условились, что в целях конспирации ни один из тех, кто получит место, не должен об этом знать до самого последнего момента. Так вернее. Но подобное решение накладывало на них большую ответственность. Надо никого не обидеть. Из четырехсот тысяч бездомных Сантьяго надо отобрать только полторы тысячи. При отборе решили исходить из количества детей у бездомного и степени бездомности. Если, скажем, небольшая семья прилично устроилась где-либо под скалой, да еще сумела кусками жести прикрыться от дождя и солнца, ее учитывали в последнюю очередь.

Составить список поручили самым справедливым. Механику по линотипам Эрасмо Мойорике предстояло подобрать пятьдесят семей, плотнику Нельсону Хофре — тоже пятьдесят и еще четверым коммунистам — по пятьдесят. Им разрешили включить в список по десять резервных семей, чтобы потом уже сообщая точно все решить.

Руководители полусоток, как их называли, постоянно консультировались друг с другом, чтобы их группы были

одинаковыми. В каждой примерно одинаковое количество детей, одинаковое количество безработных, стариков и равное количество коммунистов.

Немало времени требовала разметка пустыря. Ведь в момент, когда полторы тысячи людей ринутся туда, определять, кому где строиться, будет поздно. Если заранее пойти с рулеткой — значит, наверняка провалить дело. Заметят. Поэтому на пустыре появлялись парочки влюбленных, которые бродили по нему, то и дело целуясь или садясь отдохнуть, и никому не могло прийти в голову, что они считают шаги, что, садясь, будто для забавы, собирают в кучку камни или закрепляют на булыжнике цветную тряпочку, словно занесло ее сюда ветром, зацепилась она за колючку и просто лежит. Или вдруг пьяный забредет на пустырь и, покачиваясь, медленно вышагивает, старательно, как и положено пьяному, но все равно на ногах держаться трудно, он падает и, поворочившись немного, с трудом поднимается, снова идет и снова падает.

Так ставились первые вешки, делалась первая разбивка пустыря, еще не точная, но хоть примерно определявшая границы полусоток, а по возможности и отдельных участков.

А руководители полусоток и их помощники бродили по городу, беседовали с бездомными, будто от нечего делать, но точно выведывали необходимые им данные, а отойдя, заносили их в блокноты. Опасаться, что бездомного в нужный момент не окажется на месте, не приходилось, потому что таких, кто спит там, где их застала ночь, было очень мало, как правило холостяки. Остальные имели точный адрес. Каждая семья все-таки как-то устраивалась на постоянное жилье. Одни под мостами или у глухих складских стен, другие у вокзала, у подножия гор, а немало их снимало угол в ветхих домиках или навес во дворе, принадлежавшем таким же беднякам, как и сами бездомные.

Долго пришлось повозиться и с национальными флагами. Их требовалось триста штук, чтобы каждая семья могла вонзить древко в землю на своем участке во время операции, а потом водрузить на шалаше, ибо сорвать национальный флаг не всякий карабинер решится. А сделать чилийский флаг не просто.

К концу подготовки, на которую ушло около трех месяцев, круг посвященных в это дело расширился. Сна-

чала руководители полусоток сообщили о предстоящей операции коммунистам своей группы, а за два дня до назначенного срока с их помощью — всем остальным.

Бездомных предупредили, что с собой они должны иметь запас воды и пищи, хотя бы на три дня, ибо скорее всего полиция блокирует пустырь и выйти оттуда удастся не сразу.

Педро Кабесас и его штаб понимали: если полторы тысячи людей одновременно ринутся из города со своим скарбом в одном направлении к пустырю, их обязательно заметят. Поэтому задолго до назначенного срока бездомные уходили в самых разных направлениях поодиночке, совершали большие обходы только по маршрутам, указанным руководителями, не подозревая, что они окружают пустырь.

Операция была назначена на два часа ночи. Командиры полусоток сверили часы и разошлись в разные стороны, где рассредоточились люди.

В час ночи пошел дождь. К двум он превратился в ливень. Люди радовались этому. Ровно в два ринулись на пустырь, как в атаку. Бежали, стараясь не выпустить из виду своего руководителя, ибо, куда именно надо бежать, никто не знал. Бежали с тюками, рюкзаками, детьми, знаменами, рейками, картонными и фанерными листами. В мокрой одежде, с мокрыми вещами по размокшей земле пустыря в сплошной темноте бежали, задыхаясь, люди, и у всех хватало сил, потому что убегали они от проклятой бездомной жизни с великой верой и надеждой.

На месте их ждали организаторы операции и по шесть членов комитетов полусоток, созданных заранее. А каждый член комитета отвечал за свою группу из восьми семей.

Дождь не утихал, темнота не рассеивалась. Под плач детей началась стройка, как штурм. Первый этап — воткнуть в землю древко знамени, вбить колья, накинуть на них тряпье, создать хоть подобие шалаша, чтобы на нем водрузить национальный флаг.

Люди строили жилье для себя, но по указанию членов комитета безропотно оставляли свои участки, чтобы помочь немощным. Жилье, пусть самое примитивное, пусть только контуры его, едва прикрытые, должно быть готово на всей территории одновременно, иначе ее не удержать.

И вместе с поселком рождалось нечто иное, куда более важное, что каждый ощущал, не отдавая себе в том отчета.

Те, кто имел работу, знали, что у ворот фабрик и заводов ходят толпами безработные, готовые в любую минуту заменить их. Им казалось, будто те, что у ворот, только и ждут, чтобы кого-нибудь выгнали, чтобы покалечился кто-нибудь, все, что угодно, только бы освободилось место. Те, кто не имели ночлега, завидовали хорошо устроившимся под мостами или навесами, успевшим захватить лучшие места.

Всю свою жизнь каждый из них в одиночку боролся за это место под мостом, за место на медных рудниках, на скотоводческих фермах. И в каждом, кто так же в одиночку боролся за свое место в жизни, видел конкурента. Всю свою жизнь эти люди, будучи незнакомыми, неприязненно, а то и с ненавистью относились друг к другу.

Строя шалашный поселок, впервые ощутили, что они — люди одного класса, один коллектив и интересы у них общие и главный их враг — Костабалы и им подобные. Впервые ощутили великую гордость и ответственность за общее дело, ибо десятки и десятки бездомных, бродящих в комитеты матерей, безработных, молодежных, бытовых и еще нескольких, организованные в каждой полусотне коммунистами, которые уже в первый час стройки создали свою территориальную организацию в этом новом поселке, названном «Бандера», что значит — знамя.

А стройка продолжалась. Уже заканчивали натягивать палатку для медпункта, когда налетели карабинеры, оцепившие лагерь.

Слишком поздно. Светило раннее солнце, сушились во «дворах» вещи, бегали возбужденные ночным происшествием дети, а на всех шалашах и палатках висели национальные флаги.

Карабинеров встретил коммунист — депутат парламента. Лицо официальное и неприкосновенное. Прибыли и другие прогрессивные деятели — опытные юристы, заранее подготовившие петиции к властям от имени застройщиков, которые, оказывается, делали какие-то взносы в строительную корпорацию, и хотя деньги небольшие, даже смешно называть их деньгами, но все-таки это взносы, и надо еще разобраться, действительно ли их мало, чтобы занять участок. Правда, без ведома

Костабалов пустырь вообще занимать нельзя, но и тут надо разобраться, кто это все так напутал. В петициях было дано множество ссылок на законы, поправки к законам, и становилось ясно: просто сгонять сейчас людей с пустыря нельзя. Вопрос может решить только суд.

Это и объяснил депутат парламента полицейскому начальнику. И тот охотно принял подобное объяснение. Он хорошо знал характер чилийцев, видел, что их здесь полторы тысячи, а откуда полетит в голову камень, не увидишь. И перед начальством есть оправдание: не разрешил сносить шалаши депутат парламента.

Блокада поселка длилась пять дней. За эти дни многие наголодались, многие лишились работы, но утвердились на пустыре прочно. Судебная тяжба — дело долгое, и платить судебные пошлины должен тот, кто в суд обращается. Впрочем, на этот раз вопрос решился быстро. Спустя полгода правительство Фрея не то выплатило Костабалам стоимость земли, не то предоставило им другой участок.

А еще через полгода очередные триста семей бездомных заселили по соседству еще часть пустыря. Операция прошла более успешно. Во-первых, потому, что уже имелся опыт, а во-вторых, люди первого поселка, состоявшего теперь не из шалашей, а сараев, вышли ночью на помощь вновь прибывшим.

К 1970 году был «освоен» весь пустырь. Теперь здесь больше тысячи сараев. Это и есть поселок Бандера, входящий в столичный район Гранха, где алькальдом — коммунист, бывший плотник с мебельной фабрики Педро Кабесас. На последних муниципальных выборах он получил больше всех голосов. И вообще коммунисты в этом районе пользуются огромным авторитетом. Но и ответственность на них, на социалистов, на представителей других партий Народного единства, легла огромная. Жить в сарае, конечно, лучше, чем под мостом. Но сарай остается сараем. Керосиновое освещение, земляные полы, отсутствие канализации не могут не тревожить алькальда и весь муниципалитет.

Сегодня жилищная проблема в Чили едва ли не самая острая, сказал мне Кабесас. В стране не хватает четырехсот тысяч жилищ для трех миллионов жителей. Каждый третий чилиец либо не имеет жилья, либо оно непригодно для жилья. Сто тысяч домов не имеют воды. По восемь человек живут в одной комнате. Это наследие прошлых

режимов тягчайшим грузом легло на правительство Народного единства. И оно приняло «Чрезвычайный план строительства ста тысяч жилищ». Уже первое полугодие показало, что план будет перевыполнен.

Немалое место в «Чрезвычайном плане» отведено району Гранха. Я осматривал этот район, особенно поселок Бандера, и меня поражало одно обстоятельство. Поселки нищеты в разных странах разные. В Сингапуре, например, они сосредоточены на старых баржах. Перепрыгивая с одной на другую, рыщут там голодные собаки, но чаек не увидишь: ничто съедобное не летит за борт. По дну барж ползают дети. Здесь они рождаются, здесь умирают. В Индии жилье нищеты чаще всего сделано из упаковочного материала, и их карликовые картонно-фанерные домики лепятся друг к другу, как ячейки в сотах. Совсем по-другому выглядят трущобы Парижа. Но есть одно общее для всех поселков нищеты: лица и фигуры людей. Они выражают безнадежность. Полное безразличие ко всему окружающему. Кажется, людям совсем неважно, будут они жить или нет.

Поселок Бандера, особенно та его часть, где еще не успели соорудить сараев,— одна из разновидностей поселков нищеты. Но вот лица людей не могут не удивлять. Жизнерадостные, веселые. Чему же радоваться?

— Поедьте, посмотрите,— сказал секретарь райкома коммунистической партии Оскар Рамос.

Мы поехали вчетвером — Оскар Рамос, Педро Кабесас и архитектор района коммунист Франциско Эйхо. В глубине поселка Рамос сказал мне:

— Остановите машину, где вам хочется.

— Ну, хотя бы здесь.

У ограды какая-то женщина кричала:

— Реже, Реже, сейчас же домой!

Мы вышли из машины, и Кабесас спросил, можно ли войти в ее дом. Она радостно заулыбалась. Видно, хорошо знала своего алькальда. Конечно, можно.

В доме две комнаты, одна из них — детская, и кухня. Всего тридцать два квадратных метра. Три кровати. Здесь живут восемь человек. Рабочий лесопильного завода Филимер Арамед, его жена Гирея и их шестеро детей. Филимер и Гирея имеют отдельную кровать, а дети спят по трое на одной. В земляной пол вбиты четыре кола, на них щит. Это единственный стол в доме. Три самодельных стула, лавка. Стены и потолок сделаны из

горбыля. Повсюду щели. В детской много тряпичных кукол. Они аккуратно рассажены на постелях.

— Когда идет дождь,— радостно говорит Гирея,— нам все равно где находиться — на улице или в доме. Здесь все заливает.

Она улыбается, улыбаются и мои спутники.

— Ну, хватит,— говорит Педро Кабесас,— пошли во двор.

Позади жилища Гиреи на ее участке строится кирпичный дом. Еще немного, и подведут под крышу. А готов он будет через три месяца. И переедет сюда Гирея со своей семьей.

Темнело. Но вдоль всей улицы, по обе ее стороны, были отчетливо видны позади сараев кирпичные остовы будущих коттеджей. Вот почему улыбались люди поселка нищеты. И еще потому, что теперь Гирея получает бесплатно три литра молока в день. По пол-литра на ребенка, как получает каждый ребенок Чили.

Стены огромного сарая, где помещается контора строительства городка, заклеены списками, в которых точно указано, кто и когда получит новую квартиру. А на большом плакате дана таблица, по которой определялась очередность. Здесь два главных критерия: зарплата и количество детей. Чем меньше зарплата и больше детей, тем быстрее семья получит квартиру.

Как же не радоваться простому люду из поселка нищеты!

Вдумайтесь! В стране идет острейшая политическая борьба, реакция разжигает беспорядки, панику, террор. Экономической блокадой зажата промышленность. Машины и оборудование американского производства требуют ремонта, а поставка запасных частей прекращена. Правительство вынуждено выплачивать внешние долги, вкладывать в экономику большие средства. А средств нет. И вот в таких условиях — «Чрезвычайный план». Рассчитанный на год-два. Сто тысяч жилищ. Вложенные в строительство средства не принесут доходов. Но это шаг, уверенный, широкий в решении проблемы, которую правительство считает острейшей. Кроме обеспечения жильем бездомных, он несет в себе еще одно благо для народа — сокращение безработицы — на стройки шли безработные.

Саботаж

Вторжение монополий США в Латинскую Америку стало особенно ощутимым в 1947 году. Тогда же странам того континента навязали договор о «взаимной помощи». Таким образом, был создан под иностранным контролем военно-политический блок, который усиливал политическую и военную зависимость латиноамериканских стран, ограничивал их суверенитет. В том же году под давлением империалистов Чили разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом.

В следующие годы американский капитал все глубже проникал во все отрасли жизни страны и контролировал чилийскую экономику.

И вдруг — полный суверенитет Чили. Никакого вмешательства извне. Не такова сущность империализма, чтобы смириться с этим.

Ряд банков, такие, как «Международный банк», «Межамериканский банк развития» и другие, прекратили кредитование чилийской промышленности. Многие фирмы США отказались от поставки запасных частей, чем поставили в тягчайшее положение многие предприятия, в особенности по производству меди, ибо станки и оборудование были американскими. Резко сократилась отгрузка оборудования, готовых изделий, продовольствия, медикаментов.

В экономическом саботаже участвовали все американские монополии, имевшие капитал в Чили. Он проводился не исподволь, не постепенно, а как удар ножа в спину. Например, в июле — августе 1970 года «Форд мотор компани» поставляла чилийской промышленности запасные части и оборудование на сумму 200—300 тысяч долларов в месяц, а в первые же месяцы после избрания Альенде поставки сократились в 36—50 раз. К марту 1971 года экспорт запчастей и оборудования этой компании в Чили был произведен на сумму лишь 1,8 тысячи долларов, то есть уменьшился в среднем почти в 140 раз.

Началась прямая агрессия против правительства Чили. И хотя число военных действий не было, линии фронта не существовало, агрессия стала реальностью.

Сальвадор Альенде в одном из своих выступлений в декабре 1972 года сказал: «Как говорил наш большой друг и товарищ, лауреат Нобелевской премии поэт Пабло Неруда, Чили превращается в «молчаливый

Вьетнам», без грохота самолетов и разрывов гранат, но с теми же чувствами: миллионы наших соотечественников чувствуют то явное и неявное окружение, которое существует вокруг нашей страны».

В конце 1970 года лозунг реакции «Не допустить Альенде к власти» сменился новым — «Свергнуть правительство Альенде». Методы остались те же — подорвать экономику страны, развернуть диверсионную деятельность, вызвать в стране хаос и совершить военный переворот.

31 марта 1972 года в Сантьяго была создана специальная комиссия по расследованию фактов вмешательства иностранных концернов и ЦРУ во внутренние дела Чили.

В ответ на многие неопровержимые доказательства о грубом вмешательстве США и их действиях, направленных на свержение правительства, 23 марта 1972 года Государственный департамент США заявил, что Соединенные Штаты не занимались «никакой неподобающей деятельностью во время выборов в Чили в 1970 году».

Спустя десять дней орган компартии «Эль Сигло» опубликовал интервью с Джеком Андерсоном. Фактически опровергая заявление Госдепартамента, он сообщил, что ИТТ не отказалась от мысли свергнуть правительство Альенде и что он в ближайшее время опубликует новые материалы, которые затем и последовали.

Как свидетельствуют документы, оглашенные Андерсоном, представитель ЦРУ Уильям Броу посетил вице-президента ИТТ Джеррити-младшего в его нью-йоркской квартире, чтобы предложить ИТТ принять участие в планах создания хаоса в чилийской экономике и тем самым вызвать военный переворот и отстранить Альенде от власти.

Один из деятелей, представлявших ИТТ в Чили, Джек Нил выразил глубокую озабоченность президента компании ИТТ и председателя ее правления Гарольда Дженнина развитием событий в Чили «не только с точки зрения наших огромных капиталовложений, но и в связи с угрозой всему полушарию».

Глубокая озабоченность не мешала, впрочем, руководству компании с оперативной быстротой контролировать и направлять каждый шаг чилийской контрреволюции. Накопленные за все эти годы свидетельские показания, выступления печати, документы, ставшие достоя-

нием гласности, вместе собранные, обнажили весь механизм империалистических методов порабощения народов. Совершались сделки с целью задушить силы, стремившиеся к свободе и прогрессу, безжалостно уничтожались национальные богатства.

Варварские планы свержения законного правительства влекли за собой неизбежное массовое обнищание населения, разорение мелких и средних слоев общества, грубое вторжение в жизнь чужой страны.

А если учесть несомненный факт, что значительная часть архива ИТТ находится вне пределов досягаемости, то вывод будет только один — весь период пребывания у власти правительства Народного единства компания ИТТ не только не занимала позицию стороннего наблюдателя, проливая слезы по поводу «утраченных» капиталовложений, как она пыталась это представить, но вела с ним борьбу не на жизнь, а на смерть.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1972 года, Альенде сказал: «Господа делегаты! Перед лицом общественного мнения я обвиняю ИТТ в попытке спровоцировать в моей стране гражданскую войну. Подобные действия мы называем империалистическими».

3 июля 1972 года вокруг ИТТ разразился новый скандал. Он был вызван публикацией американской «Нью-Йорк таймс» разработанного компанией и переданного 1 октября 1971 года в Белый дом плана прямой агрессии против Чили. Его программная часть, состоявшая из 18 пунктов, началась со слов о том, что положение в Чили требует преимущественного внимания всей администрации и что следует делать все, чтобы Альенде не продержался больше, чем в течение ближайших критических шести месяцев. Далее Белому дому рекомендовалось создать внутри Совета национальной безопасности специальную «рабочую группу» для давления на Чили.

Восемнадцать пунктов охватывали практически все факторы жизнедеятельности страны. Финансово-экономическая изоляция, абсолютный отказ в кредитах, ведение подрывных акций, включая подкуп газет и журналов, проникновение в вооруженные силы — вот далеко не завершенный перечень тяжеловесных снарядов, метивших в наиболее уязвимые места. Это были не просто пункты, а аналитически обоснованные, подробные рекомендации. В 7-м пункте, например, указывалась необходимость заручиться доверием армии, наладить с ней

надежные контакты. Одновременно предлагалось задерживать поставку горючего в авиацию и флот, чтобы вызвать недовольство правительством. «Чтобы избежать разоблачения,— говорилось далее,— это следует делать с большой осторожностью».

Специально учрежденная «рабочая группа» при Совете национальной безопасности, руководствуясь поэтапной программой ИТТ, разработала так называемый «План Кентавр». На его реализацию администрация Никсона отпустила 8 миллионов долларов, полномочия исполнения плана были возложены на ЦРУ.

Под давлением множества разоблачительных материалов делом ИТТ вынуждена была заняться сенатская комиссия по иностранным делам конгресса США. В ее распоряжении, как сообщала печать, имелось «несколько сот страниц документов».

«Вашингтон пост», подводя итоги работы сенатской комиссии, писала в редакционной статье от 5 апреля 1973 года: «Правительство официально заняло в 1970 году позицию невмешательства. Тем не менее и тогда, и позже США использовали свое влияние в международных банках, чтобы помешать предоставлению Чили всяких новых кредитов на том публично высказанном основании, что финансовое положение и кредитоспособность Чили ненадежны. Не Соединенные ли Штаты своими собственными делами способствовали этой самой «ненадежности»?»

Во внутренние дела Чили вмешивались и компании по производству меди — «Кеннекот купер корпорейшн» и «Анаконда».

По навязанному Чили в 1951 году соглашению ее правительство имело право использовать внутри страны только 20 процентов меди, производимой там компаниями США, запрещалась продажа меди социалистическим странам, устанавливался ряд других ограничений.

После национализации меднорудной промышленности американские монополии развернули и финансировали подрывную деятельность с целью свертывания производства меди и препятствию ее реализации. Из Чили, как уже отмечалось, уехали американские специалисты. Было искусственно вызвано недовольство правительством среди части чилийского технического и административного персонала. Как и в другие отрасли промыш-

ленности, американские монополии прекратили поставку запасных частей на меднорудные предприятия, без которых они не могли нормально работать. Компании не выполняли своих договорных обязательств по капиталовложениям.

Уильям Мерриам, давая показания в сенатской подкомиссии по делу ИТТ, признал, что «Анаконда», «Кеннекот» и некоторые другие компании провели ряд совещаний, на которых обсуждались меры против правительства Народного единства.

Одной из таких мер явилось резкое, искусственно спланированное снижение цен на медь на мировом рынке.

Монополии США начали чинить препятствия продаже чилийской меди. Они наложили эмбарго на счета, имущество и медь Чили, находившиеся за границей.

11 февраля 1972 года суд штата Нью-Йорк удовлетворил иск компании «Кеннекот» и наложил эмбарго на банковские счета медной корпорации Чили. 24 февраля было наложено эмбарго на текущие счета государственной авиакомпания ЛАН, национальной горнорудной компании Чили ЭНАМИ, Центрального и Государственного банков, горнорудной компании «Компания де асеро дель Пасифико» (КАП) и корпорации промышленного развития (КОРФО). Распоряжение об этом отдал верховный судья южного района города Нью-Йорк.

В марте компания «Анаконда» также добилась в федеральном суде США решения об эмбарго на находящиеся в банках США счета Чилийской медной корпорации.

В качестве ответной меры чилийское правительство наложило арест на имущество «Анаконды» и ее текущие счета и акции, находившиеся в распоряжении различных чилийских компаний.

9 марта по решению суда штата Нью-Йорк было наложено эмбарго на отгрузку двумя фирмами запасных частей и оборудования для меднорудных предприятий Чили.

В апреле 1972 года в Париже состоялось совещание по вопросу внешних долгов Чили. В ходе совещания основные кредиторы Чили всячески старались не допустить заключения соглашения об отсрочке платежей на льготных условиях. В частности, США, оказывая давле-

ние на западноевропейских кредиторов Чили, пытались навязать ей контроль со стороны Международного валютного фонда. Тем не менее чилийцы добились отсрочки платежей, о чем было заключено соглашение, к которому вынуждены были присоединиться и США.

Американские медные монополии оценивали свои убытки от национализации в 750 миллионов долларов. По данным чилийского правительства, сверхприбыли от эксплуатации природных ресурсов страны, полученные американскими медными компаниями за последние 15 лет, намного покрывали «убытки» от национализации. На основании этого чилийское правительство считало, что его «долг» компании «Кеннекот» составляет 10 миллионов долларов, а компании «Анаконда» — 18 миллионов долларов.

14 августа по требованию компании «Анаконда» американский суд наложил новое эмбарго на банковские счета Чили. Газета «Ультима Ора» расценила это как «объявление тотальной войны против Чили».

8 сентября 1972 года компания «Кеннекот» отозвала своих представителей из специального трибунала, рассматривавшего вопрос о выплате чилийским правительством компенсаций за национализацию медных рудников. Руководство компании заявило, что оно будет проводить политику наложения эмбарго на текущие счета чилийских предприятий, находящиеся в банках США, и осуществлять всевозможные репрессивные акции по отношению к Чили. Как сообщала печать, компания «Кеннекот» «...объявила, по существу, финансовую войну против правительства Альенде. Речь идет об очевидной попытке закрыть международные рынки для чилийской меди — основного источника доходов этой страны».

Октябрь 1972 года — период наиболее активной деятельности внутренней реакции — явился месяцем самых ожесточенных атак компании «Кеннекот» на экономику Чили. 5 октября парижский трибунал удовлетворил иск «Кеннекот» и наложил эмбарго на чилийскую медь стоимостью 6800 тысяч франков.

Частные банки Канады и Голландии приняли решение прекратить выдачу кредитов Чили до урегулирования спора с «Кеннекот».

Тем временем компания продолжала расширять сферу экономических репрессий против Чили. Юристы «Кенне-

кот» добились вынесения гамбургским судом решения о наложении эмбарго на три тысячи тонн чилийской меди, доставленной в Гамбург советским судном.

Одновременно с диверсией в Гамбурге «Кеннекот» потребовала наложения эмбарго на груз чилийской меди в итальянском городе Ливорно и возбудила судебные процессы против трех итальянских компаний, отказавшихся выплатить ей стоимость приобретенной чилийской меди на сумму 4 миллиона долларов.

В эти трудные дни на помощь чилийскому народу пришел Советский Союз и другие социалистические страны.

Был подписан ряд торговых договоров и соглашений о всестороннем сотрудничестве.

Успешно развивались политические и торговые отношения с рядом стран Латинской Америки и Западной Европы.

В январе 1973 года стало известно, что японское правительство предоставит Чили ряд займов на сумму около 2700 миллионов иен. В счет этого займа Чили закупит в Японии горношахтное, электротехническое и рыболовное оборудование, а также оплатит услуги японских специалистов. Одновременно было заключено соглашение с Испанией о предоставлении Чили кредита на сумму около 42 миллионов долларов.

Правительство Чили в этот период использует все возможности для нейтрализации акций «Кеннекот», подрывавших экономику страны. В конце ноября 1972 года был отменен запрет парижского трибунала на выплату 6,8 миллиона долларов чилийской стороне. Это постановление вынес парижский гражданский суд, правда оговорив при этом обязательство Чили выплатить сумму компании «Кеннекот» в дальнейшем: «Хотя Чили имеет суверенное право использовать свои природные ресурсы, французский закон не признает национализации без справедливой компенсации».

Были признаны неправомерными и отменены притязания «Кеннекот» к трем итальянским компаниям. Вслед за итальянским судом отменил судебное постановление об эмбарго и земельный суд Гамбурга, взыскав судебные издержки со скандальной компании «Кеннекот». Победа чилийской государственной внешнеторговой фирмы «КОДЕЛКО» и ее западногерманского партнера — получателя «Норддойче-раффинери» создала прецедент

для борьбы с происками американских монополий в будущем.

Правительства Чили и ФРГ заключили соглашение об отсрочке платежей на основе соглашения, подписанного на заседании «Парижского клуба» в апреле 1972 года.

В декабре в Вашингтоне закончился первый тур переговоров с правительством США по вопросу уплаты внешних долгов Чили, имевших, по сообщению посольства Чили в Вашингтоне, «положительный характер». Однако в январе переговоры зашли в тупик и были прекращены.

Реакционная печать, пытаясь представить монополии США защитниками «принципа правильного и справедливого возмещения убытков», продолжала говорить о «чрезмерности» требований Чили, хотя многочисленные судебные и политические инстанции неоднократно подтверждали законность этих требований. Чтобы прекратить поток «медной» клеветы, в апреле 1973 года Альенде заявил, что его страна в одностороннем порядке созывает международный трибунал для посредничества в спорах с монополиями США. «Правительство Народного единства, — заявил президент, — намерено продемонстрировать готовность использовать существующие общепринятые легальные пути для разрешения спора».

Действия американских монополий вызвали возмущение, многочисленные протесты и за пределами Чили. На заседании Межправительственного совета стран — крупнейших экспортеров меди (СИПЕК) — министр горнодобывающей и нефтяной промышленности Перу заявил, что акции, предпринятые «Кеннекот купер», «напоминают революционному народу Перу позорное прошлое, связанное с деятельностью «Интернейшил петролеум К°», окончательно изгнанной из страны революцией». Участники заседания СИПЕК квалифицировали эти действия как экономическую агрессию и решили предложить своим правительствам (Перу, Заир, Замбия, Чили) прервать торговые и экономические отношения с «Кеннекот купер».

В защиту суверенных прав Чили выступила Венесуэла. «Палата депутатов конгресса Венесуэлы, — говорилось в ее резолюции, — решительно осуждает экономическую агрессию, жертвой которой стала Чили, и от имени венесуэльского народа выражает полную солидарность

с чилийским народом в его борьбе за достижение экономической независимости».

В Гавре, в Роттердаме портовые рабочие отказались разгружать чилийскую медь, на которую самопроизвольно было наложено эмбарго. Протест портовых рабочих поддержали трудящиеся всего мира, высказавшись за созыв Всемирного конгресса профсоюзов, чтобы выработать меры по защите от иностранных монополий.

Единым фронтом с американскими монополиями и часто по их планам и под их руководством действовали реакционные силы внутри страны.

К началу 1973 года местная олигархия по-прежнему располагала сильными позициями в Национальном конгрессе, государственном аппарате, судебных органах. Она владела мощными средствами массовой информации.

Пользуясь правом, которым конституция предоставляла свободу действий оппозиционным партиям, реакционные радиостанции, газеты, телевидение вели яростную клеветническую кампанию, направленную на создание в стране условий для свержения правительства.

Насколько подлыми методами пользовалась реакция в своей пропаганде, можно судить хотя бы по такому факту. После прихода к власти Альенде ее радиостанции каждое утро начинали свои передачи похоронным маршем. Изю дня в день под эту музыку, несущуюся из рупоров, люди вставали и шли на работу.

Против правительства выступал и ряд групп, именовавших себя «левыми». Особо выделялась ультралевая группа «Революционное движение левых» (МИР).

Чего хотели «левые»? Они хотели «ускорить» революционный процесс, происходивший в стране, требуя немедленной и полной национализации всей промышленности, в том числе средних и мелких предприятий, немедленной экспроприации всей земли.

Ультралевые требовали немедленно приступить к вооруженным действиям против правой оппозиции.

Таким образом, «левые» хотели вооруженного столкновения. Но ведь этого же, как мы видели выше, как раз и добивалась реакция. Этого добивались и иностранные монополии. В широко опубликованных документах ИТТ есть инструкция, где, в частности, говорилось: «...Спровоцировать ультралевых на насильственные действия, которые создадут предлог для военного вмешательства».

Практически действия «левых» также направлялись на свержение правительства Народного единства, на запугивание средних и некоторых других слоев населения.

Видный чилийский писатель и журналист Хоакин Гутьеррес писал, что члены правого реакционного блока проникли в некоторые ультралевые организации, а в ряде случаев сами создавали группы ультралевых террористов, которых использовали с провокационными целями, превращая их в пугало для средних слоев, искажая с их помощью истинное представление о политике правительства.

Агент ЦРУ О. Ромо также проник в организацию МИР, где и возглавил одну из террористических групп.

Крайне правые оказывали покровительство ультралевым, часто поддерживали их.

17 января 1973 года «Меркурио» опубликовала обращение МИР «К рабочим, крестьянам, студентам и солдатам», направленное на подрыв программы Народного единства.

А 3 апреля 1973 года уже четыре правые газеты — «Меркурио», «Пренса», «Трибуна» и «Терсера де ла Ора» предоставили свои полосы ультралевым. Они опубликовали призыв руководства МИР к борьбе против политики правительства Народного единства.

Резко усилились антиправительственные действия и правых и «левых» в конце лета и в особенности осенью 1972 года. Это был новый план свержения правительства Сальвадора Альенде, план скрытого мятежа. Усилился саботаж и террор, дело шло к вооруженным столкновениям. Провоцировались беспорядки в ряде городов, в том числе в столице Чили Сантьяго.

Был совершен налет на дом министра труда и социального обеспечения Марейи Бальтра, а машину, в которой она ехала, обстреляли. Нападением подверглись дома министра экономики, развития и реконструкции Карлоса Матуса и главнокомандующего вооруженными силами Чили генерала Карлоса Пратса.

1 сентября 1972 года в Сантьяго начались уличные беспорядки.

На сентябрь реакция Чили наметила «генеральное наступление». Было решено в ходе осуществления так называемого «сентябрьского плана» создать в стране обстановку террора, скомпрометировать правительство,

разжечь гражданскую войну. На 18 сентября намечалась студенческая демонстрация, которая, по мысли правых, явилась бы сигналом к общенациональной политической забастовке. Вскоре Альенде заявил о раскрытии заговора против конституции.

30 сентября в городе Сан-Ховьеро в толпу рабочих на полной скорости был направлен грузовик. В результате один из них — Педро Толедо Толоса — погиб. В тот же день террористы обстреляли автобус с рабочими и совершили нападение на помещение комитета социалистической партии, которое пытались поджечь.

В городе Вальдивия правые экстремисты забросали камнями радиостанцию «Камило Энрикес». 2 октября они разгромили помещение компартии в Сантьяго. 3 октября в столичном театре при поддержке членов фашистских организаций «Патриа и либертад» и «Роландо Матус» состоялся митинг реакционеров, где выступил Альберто Лаббес, кандидат в сенаторы от национальной партии, заявивший: «Мы физически в состоянии защитить Чили».

8 октября произошли два взрыва на нефтепроводе в городе Талькауано. В результате взрывов возник пожар.

11 октября в столице Чили состоялась антиправительственная демонстрация, организованная правыми элементами.

В этот день началась забастовка владельцев грузового транспорта. Организовал ее профсоюзный босс владельцев частных грузовиков. Поводом для забастовки послужило намерение правительства создать федеральную транспортную службу в провинции Айсен. В провинциях Талька и Курико было объявлено чрезвычайное положение.

Однако забастовка продолжала расширяться. 12 октября к водителям грузовиков присоединились таксисты. Чрезвычайное положение было введено в 13 провинциях. Спустя три дня на чрезвычайном положении находились уже 17 из 25 провинций страны.

Правительство приняло решительные меры по урегулированию конфликта. Оно организовало охрану предприятий от провокаций, привлекло добровольцев из молодежи в помощь рабочим грузового сообщения, выделило для государственного сектора 1500 новых грузовиков. Было улучшено снабжение автоколонок бензином.

Установлен контроль над средствами информации. Иностранных торговцев лишили чилийского гражданства за саботаж. В провинции Сантьяго ввели комендантский час с 12 ночи до 6 утра.

Во время забастовки, которая длилась около месяца, произошли серьезные волнения в ряде городов. Экстремистские и фашистские элементы совершили свыше 70 диверсионных актов, они взрывали мосты, линии связи, железнодорожное полотно, воздвигали на шоссе баррикады и разбрасывали острые предметы для проколов покрышек автомобилей, нападали на активистов Народного единства.

Владельцы автотранспорта не выпускали машины в рейс. Возникли серьезные перебои в снабжении населения и промышленности важнейшими товарами и сырьем.

Большие размеры приняла забастовка в области торговли, в особенности на крупных и средних предприятиях оптовой торговли. Из-за нехватки продовольствия в ряде мест население оказалось в критическом положении.

Как заявил Единый профсоюзный центр трудящихся Чили, это была забастовка предпринимателей. Сто процентов рабочих, 90 процентов крестьян и 80 процентов служащих отказались участвовать в ней.

Незаконная забастовка предпринимателей и торговцев нанесла большой ущерб экономике республики. Из-за перебоев в транспорте погибли десятки тысяч кур, было испорчено большое количество сельскохозяйственных продуктов, потеряно около 10 миллионов литров молока.

По опубликованным данным Национального управления планирования (ОДЕПЛАН), незаконная забастовка владельцев грузовиков и торговцев нанесла стране ущерб, оцениваемый более чем в 5 миллиардов эскудо.

В октябре в центральных районах Сантьяго правые экстремисты терроризировали лавочников, заставляя их прекратить торговлю. Одновременно совершались нападения на представителей власти.

17 октября на железной дороге Сантьяго — Картасена произошел взрыв. В этот же день экстремисты обстреляли грузовик с продовольствием, взорвали автоцистерну со сжиженным газом. В пассажирский автобус бросили гранату с зажигательной смесью.

20 октября провалилась попытка реакции организовать забастовку инженеров, врачей и банковских служащих. Интеллигенция создала новую массовую организацию, поддерживающую правительство Народного единства, — «Патриотический фронт работников умственного труда». Крестьяне организовали «Национальный крестьянский комитет» в поддержку действий правительства.

24 октября реакция решила провести так называемый «день молчания», который стал бы акцией гражданского неповиновения правительству. В этот день ряд врачей, юристов, банковских служащих, студентов и школьников — в основном в буржуазных районах Сантьяго — не вышли на работу, не явились на занятия. Однако большинство населения провело этот день в нормальном трудовом ритме.

За 13 дней октября правые совершили 53 акта саботажа. Были повреждены телефонная сеть, железнодорожные линии, подожжены несколько домов. За этот период убыток составил около 100 миллионов эскудо.

Саботаж владельцев автотранспортных фирм и части коммерсантов, отмечал Корвалан, нанес большой ущерб национальной экономике и серьезно обострил трудности в снабжении населения товарами первой необходимости. В некоторых провинциях в течение нескольких дней не было хлеба. Трудящиеся выдержали это испытание и еще теснее сплотились вокруг Народного единства.

Правительство действовало решительно, применив к фашистским организациям «Патриа и либертад» и «Роландо Матус» «Закон о безопасности государства». В 20 провинциях объявили чрезвычайное положение, а в двух — комендантский час. Были национализированы чилийское отделение американской компании «Доу Кемикл» и крупные чилийские компании, принимавшие участие в забастовке, в том числе компания по оптовой торговле продовольственными товарами СЕНАДИ.

В создавшихся условиях коалиция Народного единства пришла к выводу о необходимости реорганизовать правительство.

В новый состав, кроме деятелей партий Народного единства, вошли представители профсоюзов и вооруженных сил.

Единый профсоюзный центр трудящихся Чили (КУТ) объединял более миллиона рабочих и служащих.

В состав правительства вошли председатель и генеральный секретарь КУТ. Таким образом, было усилено представительство рабочего класса в правительстве. Вошли в него и представители трёх родов войск. Пост министра внутренних дел занял главнокомандующий армии генерал Карлос Пратс. Он заявил, что армия и карабинеры обеспечат порядок и спокойствие в стране, что они выполняют «профессиональный долг в интересах нации».

В связи с реорганизацией правительства ЦК Коммунистической партии Чили сделал заявление, в котором, в частности, говорилось: «...Создание правительства с участием представителей трех родов вооруженных сил и при ярко выраженном представительстве рабочего класса и народного движения вызвано необходимостью, продиктованной политической обстановкой в стране».

Партии и правительство Народного единства призвали весь трудовой народ, все население страны дать отпор реакции, повести решительную борьбу с саботажем, увеличить промышленное производство.

Многие рабочие и другие слои трудящихся горячо откликнулись на этот призыв. На ряде предприятий вместо сокращения производства, которого добивались правые, производительность увеличилась. Например, на металлургическом комбинате в Уачинато выпуск продукции повысился на 34 процента. На фабрике «Фабрилана», принадлежавшей ранее текстильному магнату Яруру, пряжи стало производиться вдвое больше прежнего. Шахтеры национализированного угольного бассейна Лота-Швагер увеличили добычу с 3490 тонн угля в день в 1970 году до 5570 тонн в 1972 году.

Во время забастовки было много добровольцев, которые бесплатно трудились в свободное время, участвовали в погрузочно-разгрузочных работах на транспорте, несли круглосуточное дежурство по охране промышленных объектов. Многие предприятия торговли трудящиеся взяли под свой контроль и обеспечили их работу.

Среди людей, добровольно участвовавших в таком патриотическом движении, были все слои трудового населения — рабочие, служащие, студенты, интеллигенция, домашние хозяйки, представители вооруженных сил и даже коммерсанты. Из-за отсутствия общественного транспорта в связи с забастовкой трудящиеся вынуждены были преодолевать пешком огромные расстояния до места работы.

Партии и правительство Народного единства разоблачили клеветнические измышления правых, разъясняли причины трудностей, во многом унаследованные от предыдущих режимов, на фактах доказывали, что эти трудности усугубляются экономическим бойкотом Чили со стороны империалистов, саботажем и диверсиями внутренней реакции.

Нехватка продовольствия — одна из важнейших проблем, вставших перед правительством.

Какими причинами она была вызвана?

Главной из них явился саботаж в области торговли, приведший к «черному рынку», спекуляции, заготовкам впрок.

Спекуляция дефицитными товарами на «черном рынке» стала едва ли не основным видом торговли. Надо не забывать, что в период забастовки снабжение населения товарами примерно на две трети находилось в руках частных предпринимателей, многие торговцы принимали участие в саботаже. Активно способствовали спекуляции клеветнические слухи, которые распространялись печатью и радио, будто вскоре в продажу не будут поступать вообще многие товары, например сахар, растительное масло, спички, промышленные изделия. Реакция угрожала средним и мелким торговцам, честно выполнявшим свои обязанности.

Раньше многие товары первой необходимости импортировались в Чили в большом количестве. В связи с махинациями монополий цены на медь на мировом рынке, как было сказано выше, значительно снизились и поэтому резко сократились валютные поступления. Кроме того, на мировом рынке повысились цены на продовольственные товары, поэтому уменьшились возможности делать закупки за границей.

Недостаток в продуктах и товарах первой необходимости объяснялся к тому же ростом покупательной способности населения.

В результате увеличения заработной платы низкооплачиваемым трудящимся, повышения зарплаты на 100 процентов многодетным рабочим, увеличения минимальной зарплаты рабочим на 66 процентов, повышения пенсий и т. д. трудящиеся стали покупать значительно больше продуктов, чем раньше. Увеличение спроса населения увеличило в какой-то мере дефицит продовольственных и некоторых других товаров.

Зажиточные и неустойчивые средние слои населения начали покупать продукты «впрок», «на всякий случай», а те торговцы, которые принимали участие в забастовке, прятали продукты, продавали их из-под полы.

О тактике реакции с оголенным цинизмом писала «Меркурио»: «В той степени, в какой победит «черный рынок» и в какой возрастут очереди за продуктами, в той же мере марксизм в нашей стране будет сокрушен».

Обречь десятки тысяч трудящихся на голод, заставить сотни тысяч простаивать часами в очередях за продуктами, перенести на «черные рынки» товары, без которых невозможна нормальная жизнь,— вот к чему стремились правые, чтобы вызвать недовольство населения.

Несмотря на меры, принятые правительством, в том числе разъяснительного характера, реакция в известной мере добивалась своего. Недостаток товаров первой необходимости, продуктов питания, восстанавливал какую-то часть населения против правительства, вызывал недовольство домашних хозяек и средних слоев населения.

Подрывная деятельность правых и ультралевых оказала свое влияние и на некоторую часть рабочих. Были случаи, когда наиболее отсталые их слои необоснованно, не считаясь с реальной возможностью, требовали еще большего повышения зарплаты. На медном руднике «Чукикамата», а позже и на «Теньенте» удалось спровоцировать кратковременные забастовки.

В чреве медной горы

Посещение «Теньенте» программой «Операции правда» не предусматривалось. А мне очень хотелось побывать там. Это не только рудник, но и большой комплекс предприятий, удельный вес которого в производстве чилийской меди довольно высок. Непосредственно к шахте примыкал большой поселок, который тоже хотелось посмотреть. Посмотреть, как живут люди.

Вблизи гостиницы «Карера», где остановилось большинство участников «Операции правда», находился ее Центр, наделенный большими полномочиями. По его

планам министерства, ведомства, предприятия знакомили приехавших с жизнью Чили.

Памятуя слова президента о том, что, если вопросы, интересующие участников операции, выйдут за пределы программы Центра, они будут разрешены в индивидуальном порядке, и я отправился туда с просьбой показать мне «Теньенте». Просьбу обещали выполнить.

Трудности появились там, где я их не ждал. Администрация медных рудников «Теньенте» объяснила представителю Центра, что по техническим причинам поездка на рудник откладывается на день-два. Потом снова откладывалась. Сообщая мне об этом, сотрудник Центра чувствовал себя неловко. Казалось, и сам он не очень верит в «технические причины». Но именно такие доводы выставляли ему в управлении внешних сношений «Теньенте», находящемся в Сантьяго.

Это управление обязано было незамедлительно выполнить просьбу Центра. Тем более что ссылка на технические причины выглядела несостоятельной. В самом деле, меднорудный комплекс «Теньенте» действовал на полную мощность, каждый день на работу выходили тысячи людей, почему же нельзя побывать там еще одному человеку, коль скоро производство не секретное? Мне особенно хотелось посетить шахтерский поселок, расположенный у шахты, где проживало 12 тысяч человек. Но поездка даже в поселок лимитировалась «техническими причинами».

Чилийские друзья объяснили мне создавшуюся ситуацию.

В Кордильерах, внутри исполинской каменной горы на высоте трех тысяч метров, находится самый большой в мире медный рудник под землей. А снаружи, на крутом склоне горы в скалах — жилища шахтеров.

Это и есть знаменитые чилийские медные копи «Теньенте». Чилийские в том смысле, что они находятся в Чили и добывают медь чилийцы. А хозяевами здесь были другие. В Нью-Йорке я видел их главный штаб. А в Чили — только поставленных ими администраторов. Администраторы живут и отдыхают не в скалах, а в другом месте. В этом другом месте я тоже был и немножечко отдохнул, как они. Я расскажу об этом потом.

Хозяев в «Теньенте» было много, начиная с испанцев. Потом появились англичане, немцы, французы, итальянцы, конкурировавшие друг с другом в борьбе за чилий-

скую медь. Чилийцев к этому делу они не допускали. Постепенно всех вытеснили американцы. Первым, кто пустил чилийскую медь в американское русло, был Вильям Брейден. Его большой портрет, писанный маслом, в золоченой раме я видел в Сантьяго в управлении внешних сношений «Теньенте».

Около семидесяти лет на руднике безраздельно господствовал иностранный капитал. Потом пришлось поделиться. Контрольный пакет оказался в руках чилийского государства — 51 процент акций. Так при народном правительстве в «Теньенте» прекратила свое существование могущественная «Кеннекот купер корпорейши» и появилась «Сосиедад минера эль Теньенте». Внешне это выглядело хорошо. Тот, кто владеет большей частью акций, является полным хозяином. В действительности медные магнаты делали все, чтобы в условиях нарастающей борьбы народов за независимость не упустить чилийскую медь. В их руках теперь находилось менее половины акций, но компания осталась, как и была, частной, а не государственной, а главное — остался поставленный американцами административный аппарат. Поэтому сохранили на стене и портрет человека в золоченой раме, первого, кто начал выкачивать в США богатства Чили. Сохранили как символ власти американских монополий над чилийской медью.

Правительство Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде не желало мириться с полумерой. Прежние владельцы понимали — у них обязательно выкупят все 49 процентов акций. Но пока что они не отдавали. Говорили, это противоречит чилийской конституции. И верно, противоречило. Ничего не скажешь. Они ведь большие специалисты по чилийской конституции. Не без их участия она создавалась. И заботятся не о себе, а о справедливости и чилийцах, чтобы конституция свято выполнялась. Не зря же они были столь дальновидными, что при создании конституции предусмотрели возможность создавшейся ситуации. Правда, не догадались — ведь в конституцию жизнь может внести поправки. Именно те, какие уже были к тому времени внесены на утверждение парламента.

Для монополий США потеря чилийской меди — удар чувствительный.

Более 90 процентов меди, добываемой в стране, приходилось на их долю. Политический обозреватель газеты

«Эль Сигло», органа ЦК Компартии Чили, Эдуардо Лабарка Годдард в своей книге «Вторжение в Чили. Репортаж об иностранном вмешательстве» привел следующие данные. Владельцы американских медных компаний «Кеннекот купер корпорейшн» и «Анаконда» за пятьдесят лет эксплуатации медных рудников Чили вывезли из страны в виде доходов более четырех миллиардов долларов. На добыче селитры иностранные монополии «заработали» около четырех миллиардов долларов. Компания «Бетлехем стил корпорейшн», захватив чилийские залежи железной руды, получила около миллиарда долларов прибыли.

«Иными словами,— пишет Э. Лабарка,— до 1963 года иностранные компании, занимающиеся добычей меди, селитры и железной руды, вывезли из Чили 9013 миллионов долларов. Эта цифра превышает стоимость (9 миллиардов долларов) всего национального богатства, созданного гражданами Чили за последние 400 лет. В число этого богатства входят шоссе, железные дороги, транспортные средства, порты, аэродромы, средства связи, капитал, вложенный в сельское хозяйство и горнорудную промышленность, промышленные предприятия, административные здания, строительная индустрия, жилища, курорты, торговля, банки и т. д.»

Рассматривая эти данные, невольно думаешь: какого же прогресса могла достигнуть страна, если бы ее богатства, и прежде всего медь, были поставлены на службу народу.

По запасам медной руды Чили занимает первое место в капиталистическом мире. Семьдесят процентов всей экономики страны — это медь. Восемьдесят процентов ее экспорта — это медь, по добыче которой Чили стоит на третьем месте в мире.

Один миллион долларов в день вывозили американские монополии из этой страны. Впрочем, не будем подсчитывать их потери и не будем убиваться. Именно у тех, кто владел чилийской медью, оставались богатейшие рудники и заводы в США, Канаде и других странах.

На «Теньенте» американцы обычно не пускали посторонних. В крайних случаях показывали копи «Чукикаматы», где добыча ведется открытым способом, а шахтерский поселок вообще доступен для посетителей. А вот путь в «Теньенте» был перекрыт уже за одиннадцать километров до поселка. И хотя к моменту, о кото-

ром идет речь, в руках монополий США оставалось лишь 49 процентов акций, они пытались безраздельно командовать копиями. Видимо, они и не желали допустить на шахту советского представителя «по техническим причинам», используя для этого поставленный ими административный аппарат, но настойчивые требования Центра «Операции» привели к тому, что разрешение в конце концов было получено.

Вместе с переводчиком Перето и представителем управления внешних сношений «Темьенте» мы выехали из Сантьяго рано утром. Перето — коммунист, партийная принадлежность представителя фирмы мне не была известна. Знал лишь, что образование он получил в Калифорнийском университете и около двадцати лет прослужил на американских предприятиях по добыче меди. Это один из тех администраторов, которых сохранила медная корпорация после потери контрольного пакета акций, кому щедро платят.

До шахтерского центра — города Ранкагуа — девяносто километров. А до рудника оттуда еще километров пятьдесят. Дорога широкая, асфальтированная, едем быстро. Спустя минут двадцать увидели поперек нее сооружение из трех арок. У каждой выглядит из окошечка служащий или стоит у порожка с квитанционной книжкой. Наша, как и другие машины, притормаживает, и на ходу шофер вручает служащему десять эскудо, одновременно получая приготовленные заранее квитанцию и три эскудо сдачи.

Оказывается, дорога платная. Подобных арок на ней немало. Перед ними, вытянувшись в длинную цепочку, на высоких столбах надписи с крупными цифрами: три, пять, семь, двенадцать. Это стоимость проезда в зависимости от вида транспорта. Справа и слева от дороги — бедные поселки и деревушки. Надписи на стенах, на камнях, на крышах... Альенде... Алессандри... Томич... Никто не стирает фамилий кандидатов, добивавшихся президентского поста. Приятно удивляет огромный серп и молот на скале рядом с портретом Альенде.

В самом начале пути на редкие вопросы представитель фирмы отвечал не сразу, медленно, демонстрируя свое величие. И я не стал больше задавать ему вопросов. Всю дорогу мы разговаривали с Перето, а наш спутник хранил гордое молчание. Я спросил Перето, не пытались ли враги Народного единства использовать против Аль-

еinde эмблему труда, которую я не раз встречал в Сантьяго и вот сейчас здесь, у шоссе.

Конечно, говорит Перето, враги народной власти пытались серп и молот обернуть против нее, и кое на кого их пропаганда оказывала влияние. Но, думаю, символ Советского Союза рядом с фамилией Альенде дал ему немало голосов.

На сороковом километре второй раз заплатили за проезд по шоссе. И тут же начались хижинки из травы. Вернее, из снопов.

— Как живут эти люди? — спрашиваю переводчика.

— Не живут. Существуют.

Движение на шоссе негустое, многие машины обращают на себя внимание. На маленькой легковушке нарисован огромный кувшин. Почему кувшин? Захотел и нарисовал. Огромные цистерны, не меньше железнодорожных, ярко раскрашенные, мчатся с большой скоростью. В них — вино. К слову, чилийское вино, как утверждают знатоки, не уступает лучшим винам, завоевавшим мировую популярность.

Величественно следуют гигантские тягачи с тридцатитонными прицепами, груженными чушками красной меди. Это уже с «Теньенте». Незаметно въезжаем в Ранкагуа, где расположено несколько управлений медных копей и городок шахтеров. Почти все домики одноэтажные, маленькие, красивые, выкрашенные в разные цвета.

От Ранкагуа сворачиваем с главной магистрали. Едем по отлично асфальтированной дороге, недавно построенной фирмой «Теньенте». Горы, то покрытые кустарником, то голые, вдоль и поперек пересечены колючей проволокой. Такие преграды переполосовали всю страну и введены они владельцами земли. Каждый ограждал свои тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч гектаров. Сейчас значительная часть земель национализирована. Но ограды остались как границы сельскохозяйственных кооперативов, государственных и частных владений. Впрочем, «национализировано», можно сказать, условно, ибо государство не отбирает землю, а выкупает. Правда, выплачивается лишь 10 процентов ее стоимости, а остальная сумма — с рассрочкой на двадцать лет.

Постепенно горы становятся выше, исчезла растительность. Их поверхность напоминала слоновью кожу. Неожиданно за поворотом мы увидели дым. Очень много

дыма. Густой, тяжелый, он двигался, расползался, накрывая огромную территорию. Дым не уходил вверх, а оседал, и от него темнело на дороге. Было противоестественно. Горы, совершенно дикие, только голые горы со всех сторон, исполинские, обрывистые, и не может быть здесь ни жизни, ни дыма. Но это не мираж. Где-то далеко внизу из ущелья показались трубы. Только верхушки труб, из которых валил дым. Трубы медеплавильного завода.

Мы поднимаемся выше и едем по дороге, каких мне не приходилось видеть. Обычная горная дорога идет серпантинном. С самолета она кажется извилистой ступенькой. По одну ее сторону — гора, по другую — пологий спуск или обрыв. А тут либо она разрезает гору и едешь в образовавшемся ущелье, либо обрывы с обеих сторон. Машина движется, как по дамбе. Но все равно вокруг только горы. На них ни деревца, ни кустика, ни травы, ни земли. Сплошной серо-черный камень.

Исполинские массивы, что высятся со всех сторон, не назовешь и скалами. Скалы предполагают выступы, углы, плоскости. Ничего подобного здесь нет. Это и не гладкий камень, обветренный, обмытый, как валун. Будто плавился исполин, оплывал при сильном ветре, образовавшем морщины или рябь, и так все это и застыло. Что-то от сотворения мира. Безмолвное, безжизненное, вечное... Кордильеры...

Машина петляет в горах одинокая, маленькая, точно муравей среди небоскребов, от которых трудно оторвать глаз, и на глазах они меняют цвет. Значит, небезжизненные, значит, что-то таинственное, фантастическое происходит в этих немислимых горах.

Мчится машина, часто меняя направление, солнце оказывается то справа от нас, то слева, и не сразу понимаешь, что это его лучи так преображают горы.

Неожиданно совсем близко открываются промышленные здания и узкоколейка с длинным составом непривычно высоких хопров, перегораживающих нам путь. Это обогатительная фабрика меднорудного комплекса «Теньенте». Сверхсовременное предприятие.

Где-то под землей в одиннадцати километрах отсюда по крутым трубопроводам несется с шахты руда, так же под землей попадает в бункеры, под которыми движутся составы, автоматически нагружаемые и идущие по подземной электрорельсовой дороге сюда на обогатительную

фабрику. Здесь руда дробится, мелется, смешивается с водой, автоматически переходит с одного агрегата на другой, густой массой движется по конвейерным лентам, по трубам, через гигантские бассейны, и всюду происходят какие-то процессы, химические или механические, пока не отделятся от нее восемнадцать примесей меди, тоже представляющих ценность. А медный концентрат потечет на медеплавильный завод.

Главный цех обогатительной фабрики — это очень высокий корпус из стекла, бетона и металлических конструкций, разделенный на разных уровнях железными решетками этажей на десять, где сосредоточены сотни и сотни машин и механизмов. Стоя у одной стены, разглядишь противоположную разве что в морской бинокль. Вращаются гигантские барабаны шаровых мельниц, жужжат маховики и зубчатки, щелкают рычаги и клапаны в агрегатах, где пенится, вот-вот выплеснется через край, но не выплескивается густая масса медного концентрата. И на всем необозримом пространстве цеха — ни одного рабочего. Впрочем, у какой-то машины возятся двое. Но она отключена от общей линии и ремонтируется. Где-то высоко-высоко, будто стеклянный скворечник, — пульт электронного управления фабрикой.

Мы долго осматривали это совершенное производство, слушая объяснения инженера и редкие реплики представителя фирмы, с которым приехали. Потом, взглянув на часы и официально улынувшись, он сказал:

— А теперь пора обедать.

— На рудник поедem после обеда?

— На какой рудник? — удивился он. — После обеда, если останется, конечно, время, взглянем на медеплавильный завод, потом — домой.

Он был официален и тверд. Никаких других поручений у него нет, к кому обращаться, не знает. Он обязан показать лишь то, что назвал, затем доставить уважаемого гостя в Сантьяго, а точнее, в гостиницу «Карера».

Стало ясно, что здесь недоразумения не разрешить. Но хоть завод посмотреть до обеда можно? Ведь не исключено, что потом «не останется времени».

Пожав плечами, он согласился. До завода, расположенного на высоте более двух тысяч метров, ехали минут десять. Может быть, потому, что с фабрики, построенной на основе последних достижений техники, сразу попали на старый завод, он произвел удручающее впечатление.

Стиснутый скалами бескрайний навес с изломанным профилем — это и есть завод.

Конверторные печи в черных наростах окутаны дымом, гарью, копотью. Черные бесформенные глыбы шлака то и дело преграждают путь. Вся площадь вокруг печей, должно быть, при строительстве не была выровнена, поэтому повсюду много каких-то мостиков, переходов из кирпича и железобетона, обваливающихся, осыпавшихся под ногами. Из печей под куполом бьется обуглившееся несгоревшее топливо. Глубокий слой пыли и гари, в котором утпают ноги, перемешан с кусками шлака. Повсюду валяются вышедшие из строя или отслужившие срок части машин, куски металла, какой-то хлам. Пыль поднимается, а копоть и несгоревшее топливо оседает, и воздух заполнен этой смесью. Хотя стен нет, дышать нечем. По сторонам от навеса — накалинные скалы, а внизу — шевелящийся черно-сизый туман. Он движется медленно, пластами, совершая какой-то круговорот то вверх, то вниз, то в стороны, но никуда не уплывает из-под навеса. Люди ходят с твердыми, похоже непроницаемыми повязками, закрывающими нос и рот. Уже через несколько минут машинально ощупываешь затылок, лезешь за воротник и тщетно пытаешься стряхнуть кристаллики гари с влажной шеи. Пыль и гарь заползают в нос, хрустят на зубах.

По одну сторону от навеса — подсобные здания и жилые дома, врубленные в скалы, с окошечками, под самой крышей. Они тоже, точно черной коростой, покрыты толстым бесформенным слоем из грязи и копоти. И кажется, не пятьдесят лет этому заводу, как сказал представитель фирмы, а тысячелетия. И наросты эти образовывались тысячелетиями.

При нас начали чистить одну из печей, и стало ясно, откуда здесь столько шлака и заводских отходов. Гигантский крюк, спущенный краном в печь, ворочал там раскаленные глыбы, вытаскивал наверх, и они рушились, дымя и быстро остывая. Потом те, что не разбивались на кусочки, оттащат в сторону, и, видимо, на том дело и кончится. От едкого запаха першило в горле.

На соседней печи медь поспела. Тонкой струйкой она течет в изложницы карусельного конвейера. Изложниц, расположенных по кругу, — штук пятьдесят. Струйка течет в них безостановочно, заполняя одну за другой расплавленным металлом. Его охлаждают водой,

Сначала только капли воды попадают на металл, потом душ сильнее, гуще, и вот уже мощная струя воды окатывает отвердевшую чушку. Вздываются клубы пара, и окутанный этим паром рабочий с двумя крюками выковыривает чушку, вернее, отрывает от места.

Чуть дальше изложница опрокидывается в узкую ванну с проточной водой, по дну которой движется конвейер, вытаскивающий наверх уже охлажденную чушку. Ее подхватывают крюками двое рабочих, бросают на тележку, и третий рабочий бежит с ней, грузит на платформу — прицеп, к которой через несколько минут подойдет тягач.

Ни одной лишней минуты не лежит здесь готовая медь. Высшего качества красная медь, приносившая американским капиталистам один миллион долларов прибыли в день.

Работать на этом заводе тяжело. Только очень здоровым и сильным это по плечу. Только таких и брали сюда. Благо, безработица давала все возможности большого выбора. Но и сильные держались не долго. Здоровье терялось, таяло, и уже не мог стоять человек у печей, стоять часами окутанный паром. Тогда его увольняли, он вливался в армию безработных. Найти применение теперь уже слабым своим силам становилось почти невозможно. Как и руда, перемалывались люди и растекались по чилийской земле.

В Центре «Операции правда», когда я туда приехал, уже знали о том, что на рудник меня не пустили. Это вызвало недовольство Центра. Мне сказали, что тем не менее поездка состоится обязательно. Помимо воли я становился чуть ли не участником конфликта. Мне не хотелось этого. Попросил отменить поездку, сказал, что надо увидеть еще многое...

Мне объяснили: теперь дело уже не только во мне, но главным образом в престиже Центра, в том, что американские администраторы не имели права менять мою программу. Их объяснения, будто они не поняли просьбы, не удовлетворили Центр.

На следующее утро за мной заехали Перето и представитель администрации. Когда машина тронулась, на всякий случай я спросил:

— Значит, мы едем на рудник «Теньенте», где я буду иметь возможность спуститься в шахту, а потом посмотреть поселок?

— Нет,— улыбнулся представитель.— Мы покажем вам нечто куда более интересное.

Мне не хотелось смотреть куда более интересное. Я хотел на рудник, о чем и сказал ему.

— Извините,— развел он руками.— Такого поручения у меня нет. Да и попасть туда мы уже не успеем. Не успеем на поезд узкоколейки, который скоро уйдет, а другого пути на шахту нет.

Я знал: реакция и те, кого ей удастся ввести в заблуждение, пытаются игнорировать мероприятия правительства, дискредитировать его органы. Думал, это относится к серьезным политическим и экономическим акциям. В голову не могло прийти, что даже на такой малости, как вот эта поездка, кто-то может саботировать указание Центра. Но хорошо помнил последний разговор, происшедший там,— теперь дело уже вовсе не во мне. Поэтому ехать дальше отказался.

Возвращаться в Центр было неловко, но иного выхода не видел. Там поведение американской администрации вызвало возмущение. Куда-то звонили, возбужденно о чем-то говорили. И вот мы с Перето едем в управление внешних сношений «Теньенте». Это совсем близко. Здесь я и увидел огромный портрет министра Вильяма Брейдена в золоченой раме. Он висел в приемной, где уверенно, с чувством собственного достоинства действовала секретарь управления сеньора Сильвия Сарович.

Учтивая, предупредительная, прежде всего попросила не искать в этом недоразумении политической подоплеки, так как поездка на рудник, по ее словам, проблема чисто техническая. Предложила кофе, подарила набор образцов меди «Теньенте» и отлично изданный проспект всего меднорудного комплекса. Не торопясь, тем не менее быстро куда-то звонила, отвечала на телефонные звонки, принимала и отправляла почту, отдавала распоряжения. Время от времени обращалась ко мне, извиняясь за задержку, объясняя, что делается все возможное для того, чтобы состоялась моя поездка.

Затем явился руководитель отдела информации управления внешних сношений «Теньенте» сеньор Уго Шиллинг. Он тоже был вежлив и тоже говорил, что посещение рудника — проблема не политическая, а техническая. Спросил, ясно ли мне это? Я сказал: «Ясно».

Вместе с Перето мы ожидали, чем все это кончится,

и он тихонько переводил мне красочный проспект. В нем дана экономическая характеристика медных копей «Теньенте» и подробнейшим образом рассказано, какое великое благо для народа Чили совершили в прошлом и совершают сейчас североамериканцы, разрабатывая чилийскую медь, как много труда и долларов вкладывали и вкладывают в это дело руководители медной корпорации на чилийской земле.

И подумалось: как же цепко они держатся за эту землю, сколько еще усилий народа потребуется, чтобы обрубить их корни, проникшие во все ее поры.

Поездка состоялась. В Ранкагуа к нам присоединился инженер из управления рудником. Мы ехали уже по знакомой дороге, пока где-то в районе обогатительной фабрики не уперлись в закрытый шлабbaum. Дальше ни шоссейной, ни грунтовой дороги нет. На узеньких рельсах стоял поезд из нескольких вагончиков, раскрашенных в разные цвета. Не будь они такими старыми и невзрачными, с облупившейся краской, ничем бы его не отличить от поездов детской железной дороги. И еще одно отличие, бросавшееся в глаза. В голове поезда стояло два тепловоза, хотя, как я подсчитал, вагончиков было всего шесть. Какие же препятствия надо преодолевать, если такой крошечный состав пускают на двойной тяге!

Вагон, куда мы вошли, был полон. Женщины, мужчины, дети. До поселка Севель, где находился рудник, — одиннадцать километров. Весь путь в диких скалах. И все время подъем. С каждым километром в среднем поднимались на сто метров. Конечно, на такую крутизну один тепловоз не вытянет состава. По склону горы вьется вырубленная в скалах ступенька, на которой едва уместаются узенькие рельсы. С одной стороны — отвесная скала, с другой — пропасть. В дождь и снегопад узкоколейка не работает. Опасно. А непогода здесь восемь-девять месяцев в году. Значит, на это время шахтерский поселок в скалах отрезан от всего мира. Да и в хорошую погоду спускаются с гор немногие. Во-первых, эти вагончики ходят один-два раза в сутки, а во-вторых, погода в горах капризна, может измениться неожиданно. Как потом попадешь на шахту?

Одиннадцать километров мы поднимались в сплошных скалах. Временами скорость не превышала двух-трех километров в час. Это в тех местах, где особенно круты

повороты и не исключена опасность свалиться. Даже если у окна сидишь, земли не увидишь. Едешь, будто по канатной дороге.

Стало ясно, почему все грузовое движение идет под землей, вернее, внутри скал. Это более надежный путь. Ему не страшна непогода. Круглыми сутками безостановочно течет руда на старую обогатительную фабрику и на новую, о которой речь шла выше. Ну а люди пока пользуются узкоколейкой.

Чем выше поднимаемся, тем страшнее и красивее. Ползет крошечный составчик в исполинских скалах, карабкается, вот-вот соскользнет и рухнет. Снеговые вершины залиты солнцем. Но кажется, будто они подсвечены изнутри. Будто хрустальные они. Хрусталь переливается, грани сверкают. Брызгами искрятся водопады. Ни одна капля воды не пропадает. Сложная система водосбора соединяет дождевые капли в ручейки, потом направляет в железобетонные хранилища. Горы обильно снабжают водой и шахту, и поселок.

Миновали вырубленный в цельном массиве камня тоннель и неожиданно попали в снежное царство. Снегом было покрыто полотно железной дороги и маленькая станция, где мы остановились, с вокзалом, похожим на вагончик наших строителей, и буквально игрушечный снегоочиститель, стоявший тут же, и вся земля или камень вокруг. Все это было неправдоподобно, похоже на декорацию, и только мальчики, игравшие в снежки, делали картину реальной.

Поезд стоял минуту. Мы продолжали карабкаться вверх, куда-то на небо, медленно, тяжело, в полном одиночестве, среди исполинских нагромождений, и почему-то думалось о космосе.

Одиннадцать километров до станции Севель, где расположены шахта и поселок, мы преодолели за час. Высота — около трех тысяч метров. Все в снегу. Снег падает, и хотя тает, его много. И только на очень крутых склонах он не удерживается, и они выдаются огромными черными пятнами.

Прямо от платформы начиналась крутая, как корабельный трап, лестница. И весь поселок в таких лестницах. Здесь нет улиц, переулков, площадей. Вместо улиц и переулков — лестницы. Вместо площадей — лестничные площадки. Здесь просто дома в скалах. Каждый дом имеет только номер. Почтовый адрес так и пишется:

Северель, дом номер такой-то. А в Севеле этом живут двенадцать тысяч человек.

В отличие от всех населенных пунктов, дома здесь стоят не рядами, а в зависимости от местности: то один над другим, то под разными углами, то перпендикулярно друг другу. Есть одиночные дома, удаленные от других, есть группы домов, и все они разбросаны в самом хаотическом беспорядке. Между домами сообщения только по лестницам, по очень добротным железобетонным лестницам, которые, кроме обычной для них функции, несут дополнительную: укрепляют скалистый грунт, чтобы не осыпался.

Дома высокие, один даже тринадцатизэтажный. Но только с фасада он тринадцатизэтажный. Как и все остальные, он прилепился к склону горы, поэтому с тыльной стороны только два этажа, двенадцатый и тринадцатый. Но хода отсюда нет, мешает гора. Вход по железному трапу — сбоку на узкую террасу, идущую вдоль всего дома со стороны фасада. С этой террасы ведет трап на следующую, и так до тринадцатого этажа. А с террас — вход в квартиры, как в каюты с палубы, как с лесов строящегося дома. Лифтов нет.

Лестницы, трапы, железные, железобетонные, деревянные, идущие в дома, куда-то вверх вдоль домов, проходящие где-то над крышами, огражденные решетками, сетками, перилами, беспорядочно переплетаются, и уже не поймешь, куда они ведут. Но чем выше поднимаешься по этим лестницам и трапам, тем яснее становится, что все они в конечном счете сходятся у главной проходной в рудник.

Мы поднялись ступенек на сто пятьдесят, а до входа было еще далеко. Остановились передохнуть на большой площадке, где изогнутый дугой по форме горы стоял длиннющий барак — какие-то механические мастерские.

Без тренировки и практики до рудника добраться трудно. Представители фирмы куда-то ходили, кому-то звонили и вернулись довольными: надо подняться еще немного, и за нами пришлют тележку грузового фуникулера.

Тележка двигалась по шести рельсам, расстояние между крайними — метров пятнадцать. Ее тянули шесть толстых стальных тросов. Рельсы были и на самой тележке, куда при необходимости загоняли один-два вагона. Тележка несколько раз останавливалась возле

производственных помещений для разгрузки или погрузки каких-то тюков и деталей механизмов.

И вот, наконец, мы в главном тоннеле. Здесь конторки, склады, ламповые, подсобные помещения. Надеваем резиновые плащи, тяжелые резиновые сапоги с застёжками, каски. Вежливо улыбаясь, прощаются с нами представители фирмы. Дальше нас будет сопровождать инженер шахты. Он же потом проведет до дрезины к узкоколейке.

Большой электрокар под непрерывный грохот колокола и вой сирены несется по тоннелю, сворачивая то вправо, то влево, и люди, которых мы обгоняем и идущие нам навстречу, жмутся к стенам. От главного тоннеля масса ответвлений. Они низкие, узенькие, как норы. Проехав километра три, останавливаемся на ярко освещенной площадке. Здесь тоже какие-то подсобные помещения. Идем в ламповую, привьючиваем к поясу аккумуляторы, на каски насаживаем лампочки. Снова долго едем, пока не упираемся в тупик. Оказывается, мы точно под вершиной горы. И в шахту надо не спускаться, а подниматься. Большая, как комната, скоростная клеть несется вверх, и штреки мелькают, будто этажи в высотном доме, когда поднимаешься в лифте. И вот, наконец, последний. Вернее, первый. Номера штреков идут сверху вниз.

Сколько же осталось до вершины этого каменного исполина? Кто знает! Известно лишь, что медную гору начали разрабатывать еще инки и запасов руды осталось на двести лет.

В бесчисленных штреках, которые мы исходили, было темно и тихо. Но в чреве каменного гиганта находились две тысячи человек. Рассеявшись по одному и привязавшись канатом над горловинами пропасти, они вгрызались изнутри в его тело.

У каждого — лом, кувалда да этот канат на поясе. Где-то внутри горы руду взрывают динамитом, крошат отбойными молотками, а местами она залегает так, что забойщик лишь отодвигает заслонки и она рушится в бездонную горловину, как горный поток. Далеко-далеко внизу попадает в многокилометровый трубопровод, в саморазгружающиеся хопры, на ленты транспортера.

Стоя на доске на краю пропасти, шахтер управляет потоком. Жизни это не угрожает. Если он оступится или

затянет его поток, канат удержит. Если ударит его камнем, он отцепит канат и побредет в медпункт. Хороший, с большой пропускной способностью медпункт. Это совсем рядом, в штреке. Правда, чтобы попасть в штрек, надо еще выбраться из узенького коридорчика, темного и душного, где трудно дышать от жары и рудной пыли, похожей на цемент, надо еще пройти в этом коридорчике, похожем на нору, по мосткам, вернее, доскам, наполовину покрывающим горловину пропасти, у которых с ломом и кувалдой стоят привязанные за столбы креплений шахтеры. Но это и хорошо, что здесь люди, потому что в случае беды любой бросит работу и поможет выбраться.

В каждом штреке таких коридорчиков или ходов великое множество, и штреков много на разных уровнях, но все ходы закрыты дверями, и звук падающей руды доносится не отчетливо, а как далекий, заглушенный горами гул.

Один из первых ударов реакция направила на самый жизненный центр Чили — медную промышленность, и прежде всего на копи «Теньенте», играющие в экономике страны весьма важную роль.

Едва ли не главным исполнителем экономической диверсии явилась «Меркурио». На ее страницах была поднята кампания, призывающая специалистов к саботажу. Указывались фирмы США и других стран, где их примут на работу. Будто по воинской команде, как по сигналу из одного пункта управления, медные копи покинули около двухсот специалистов. Одни уехали за границу, другие стали искать работу в частных фирмах, третьи просто ушли, выжидая, что произойдет дальше. Так было не только на «Теньенте». Около тысячи специалистов — и американцев, и их выкормышей — покинули чилийские медные копи.

Саботаж. Это не саботаж одиночек. Это продуманный, тщательно подготовленный и осуществленный массированный удар. Он был ощутимым, но не смертельным. Добыча меди по стране не только не уменьшилась, но увеличилась.

— А копи «Теньенте» немного полихорадило, — сказал наш спутник, — но они оправились и уверенно набирают темпы. Опытных людей у нас много, почти все опустевшие после саботажников места уже заполнены.

Забегая вперед, добавлю к словам инженера, что

после национализации копи «Теньенте» стали давать больше меди, чем когда бы то ни было.

На обратном пути он пригласил нас к себе. У него квартира из трех комнат, хорошо обставленная, но какая-то ненастоящая. Будто смотровая площадка. К какому окну ни подойдешь — внизу пропасть, перетянутая лестницами и прижатыми к скалам домами, похожими на стены, на каменные укрепления гор. Впрочем, и в квартире инженера одна стена без окон, она тоже прилегает к горе.

Хозяйка Лучия угостила нас вкусными лепешками, устала стол множеством закусок, свежими овощами и фруктами, раскрыла дверцы бара, забитого самыми различными винами, коньяками, виски.

Гостей здесь не ждали, значит, не специально все это готовили. Удивляться, особенно говоря, нечему, инженер получает двадцать одну тысячу эскудо. Значительно больше министра, в восемь-девять раз больше шахтера высшей квалификации.

Эта ставка была установлена прежними владельцами. Расчет простой — администраторам надо платить так, чтобы эти опытейшие инженеры, обладающие большими организаторскими способностями, не только с радостью соглашались жить, как отверженные, в скалах, но и выжимали бы из рабочих максимум возможного, были бы бездумно преданы хозяевам фирмы. Иначе на такой должности держать не будут.

После прихода к власти правительства Народного единства ставки инженерам были снижены на шесть тысяч эскудо, а зарплата рабочим повышена на тридцать пять процентов.

...Спустя полчаса мы отправились в дома шахтеров. Поднялись на третий этаж пятиэтажного дома. С тыльной стороны он — двухэтажный. В отличие от многих домов лестницы здесь внутренние. Длинный коридор, много дверей. Серые, облезлые, с плесенью стены, мусор, грязь.

Сопровождавший нас инженер постучал в первую попавшуюся дверь. Вышел высокий широкоплечий шахтер. Зовут его Диего.

— Да, да, заходите, — охотно пригласил он в комнату, узнав, кто мы и зачем приехали.

В комнате живут шесть человек. Железные двухъярусные нары, Сбитый из досок стол, две табуретки,

один стул. Пол и стены, как в коридоре и умывальнике, грязные, облезлые. Неубранные постели. Простыни только на двух, на остальных одеяла поверх матрасов. Из них сыплется не то истертая солома, не то опилки. Простыни темно-серые, как и одеяла. На столе остатки еды, пустые консервные банки, рубаха. Грязная одежда, носки лежат на постелях и под ними, на полу двумя горками спецодежда.

В комнате был только Диего. Трое его соседей ушли в клуб, двое на работу.

Диего жаловался: жить трудно, хотя заработки приличные. Семья в одном месте, он в другом, и родителям надо помогать.

Отвечая на вопрос, как шахтеры используют свободное время, Диего сказал:

— Да не так уж много свободного времени. Восемь часов — это только в шахте, да еще перерыв на обед двадцать минут. Ну, а дойти до шахты? Сколько, вы думаете, это занимает?

Диего рассказал подробно об их жизни. От дома до шахты не больше пятисот метров. Но взбираться туда надо долго и подолгу отдыхать на площадках. Иначе не хватит сил работать. Да и по тоннелям рудника надо пройти не один километр, пока доберешься до рабочего места. Возвращаются с работы усталыми и, зачастую не раздеваясь, валятся в постель. Иногда спускаются на первый этаж, где какая-то женщина содержит столовую. Готовых обедов или ужинов там нет. Если принесешь свои продукты, она поможет приготовить. Кое-какие запасы и у нее есть, может и из них что-нибудь состряпать. Но на все это надо много времени. Поэтому чаще едят всухомятку то, что принесут из магазина. На покупки тоже требуется время. Да и помыться надо, белье постирать, одним словом, дел хватает. Если работаешь в первую смену, вечером можно сходить в клуб.

Я спросил инженера, можно ли зайти в какой-нибудь дом, где живут семейные рабочие.

— Туда не стоит ходить, — сказал он смущенно, — Там очень плохо живут.

— А здесь?

— Ну, все-таки лучше. Пойдемте, я покажу вам клуб.

В Севеле несколько клубов, один принадлежит шахте, остальные частные. Мы пошли в первый. Огромная ком-

ната была уставлена круглыми столами. За каждым играли в карты, и тесным кольцом позади играющих стояли болельщики. От густого дыма трудно было дышать. Впрочем, дышать трудно и вне помещения. И не только потому, что на такой высоте разрежен воздух. Круглые сутки на поселок оседает дым. Он идет из труб нескольких подсобных предприятий и старой обогатительной фабрики, расположенных в Севеле, видимо, дотягивается и с медеплавильного завода. Кроме комнаты, где играли в карты, нам показали еще зал. Крошечный пустой зал с помостом вместо сцены и лавками с облупившейся краской.

В частном клубе стояло несколько маленьких бильярдных столов, а по соседству что-то вроде кафе, где можно выпить. Здесь чисто, светло. Но почти все столики были свободными. Так же примерно выглядел и второй частный клуб. Есть еще в поселке кинотеатр, где показывают американские боевики и порнографические filmy.

Удручающее впечатление усиливалось от плохой погоды. Мокрый, противный, тающий снег. Казалось бы, сплошные скалы и неоткуда здесь взяться грязи. Но ее полно и на лестницах, и на площадках, и на крошечном перроне станции, куда мы спустились. Нас ждала автомотриса. Оказывается, можно попасть в поселок даже после того как уйдет поезд, ибо в распоряжении администрации несколько автомотрис. Нас не заставили ждать поезда. Думаю, не из-за гостеприимства. Свое гостеприимство администрация уже показала, когда всеми силами препятствовала поездке сюда. А тут подогнали автомотрису, только бы побыстрее мы уехали.

Когда спустились, почти одновременно с нами появилась машина с представителем фирмы. Пока мы осматривали шахту и поселок, он отдыхал где-то поблизости в клубе, куда и пригласил нас обедать. Это всего километров десять. Здесь знойное лето. А дальше такое, чему поверить нельзя. Будто в дикие неприступные горы спустили на парашютах сказочный оазис. В центре большое современное здание, вокруг которого на огромной территории разбит парк. Аккуратно подстриженная трава, деревья, точно в дендрарии, самых различных пород. Ивы, образующие совершенно закрытые беседки. Их ветки, спускающиеся с вершин, сливаются со следующими, и так до самой земли. Раздвинешь их и по-

падешь в шатер — просторный, прохладный. Ни солнце, ни дождь сюда не пробьются.

Несметное количество цветов. Розы — не обхватишь в две ладони. Большой красивый бассейн с отделением для детей. Лесенки, увитые цветами, мостики, гроты. И будто не талантливые люди создали этот огромный парк, а сама природа: и маленькие уютные полянки, и мостики, и смотровые площадки. Только площадка для вертолетов выглядела как обычно.

Теннисные корты, площадки для бейсбола, крокетные, волейбольные, велотрек и еще множество спортивных сооружений рассеяно по всему парку. А в центре его возвышается здание клуба. Здесь огромный холл, ресторан, комнаты отдыха, а под ними — спортивные залы, помещения для игр — от детских до рулетки.

Метрдотель встретил нас в холле. Здесь диваны, кресла, столики, люстры. Но расставлял мебель, подбирал цвета обивки мебели и краски на стенах, бесспорно, художник. Несмотря на огромные размеры холла, в нем по-домашнему уютно и тепло.

Ресторан был почти пуст. Две стены из стекла. Перед глазами дикие, безмолвные, величественные горы, и этот противоестественный здесь оазис. Отсюда он кажется вообще ненастоящим. Так на лубочных картинках изображают рай.

Это клуб для хозяев и высшей администрации шахты «Теньенте» и медеплавильного завода.

Почему меня сюда привезли, я так и не понял. То ли хотели сгладить неловкость от того, что не пускали на шахту, то ли показать, что власть их здесь крепка и незыблема, то ли поразить своей фантазией, ибо это было действительно чудо, искусственно созданное среди скал.

Едва приступили к обеду, как за соседний стол сели трое американцев. Муж, жена и парень лет двадцати, должно быть их сын. Глава семейства, толстый, обрюзгший, с лицом, трясущимся, как незастывший студент. Пальцы — даже не сосиски — сардельки. Он чем-то недоволен, что-то бормочет, брюзжит. Два официанта несколько раз бегали в буфет, показывая ему все новые бутылки вина, пока, наконец, он не остановился на одной из них.

Только после этого успокоился, снял пиджак, бросил на свободный стул. Сзади из брюк вылезла рубашка.

Не немножко, а вся. Он видел это, но, не заправив ее, грузно сел.

Мы подняли тост за Народное единство. Представитель фирмы, улыбаясь, сказал:

— Всю дорогу вы задавали нам вопросы. Позвольте и мне спросить вас о жизни вашей страны.

Мы говорили тихо, я рассказывал о Советском Союзе, а Перето переводил. Американец, сидевший к нам боком, несколько раз оборачивался, и вдруг у него вырвалось:

— Да это — русский! Откуда здесь русский, что здесь делает русский?!

Я отвечал на какой-то вопрос представителя фирмы. Неожиданно Перето смущенно попросил:

— Позвольте мне в переводе немного подробнее осветить тему.

Откровенно говоря, его слова меня удивили. Перето — человек очень скромный, стеснительный, говорит тихо. За три недели нашей работы, стараясь быть совершенно незаметным, ни разу даже своего отношения к разговорам не проявил. Решительно ни во что не вмешивался, хотя человек он образованный, быстро схватывающий суть всякого дела.

— Мой ответ не ясен?

— Нет, нет, что вы, — быстро заговорил Перето, — но все же, прошу вас...

Я согласился.

Теперь в отличие от обычного Перето стал говорить громко, решительно, все более распаляясь. Это был не перевод, он словно произносил речь, в которой я понимал лишь одно, часто повторявшееся слово «советико». Но смысл его выступления был ясен. Он говорил для американца. Он чувствовал себя хозяином своей страны, своей земли, и той, что была здесь, и которую навезли, чтобы создать этот сказочный парк, и самого парка, и ресторана, хотел, чтобы американец это понял. И тот понял. Не фигурально, а буквально завертелся на месте. Ругаясь и бесцеремонно отплевываясь, швырнул на стол деньги, схватил пиджак и пошел к выходу, так и не заправив рубашку. За ним последовали его спутники.

По пути в Сантьяго Перето сказал:

— Вынесено решение разрушить поселок Севель как непригодный для жизни человека и построить городок шахтеров в Ранкагуа, где они будут жить с семьями, а ездить на работу в специальных автобусах.

Я заметил, что подобное решение было вынесено давно, когда президентом был еще Фрей.

— Это верно, — ответил Перето. — Но и земельную реформу объявил Фрей. Но за шесть лет его президентства было экспроприровано меньше земли, чем за шесть месяцев при Альенде. Конечно, трудных проблем много, решить их сразу невозможно, но народ видит, что слова нашего правительства не расходятся с делом.

Перето оказался прав. На законном основании во всех инстанциях были приняты поправки к конституции, предложенные Сальвадором Альенде, и это дало возможность национализировать всю меднорудную промышленность. Вся крупная промышленность, полностью или частично находившаяся в руках капитала США, перешла чилийскому государству.

И поселок шахтеров в Ранкагуа начал строиться быстрыми темпами. Самые большие дома в Севеле, где условия жизни были особенно невыносимы, уже опустели. Их жители получили квартиры в Ранкагуа.

Пройдет время, и опустеют уродливые дома во всем Севеле, и изгладится из памяти людей имя американского предпринимателя Севеля, которым назвал он поселок.

Так говорил Перето. В это верили шахтеры, которые видели, как много делает правительство, чтобы улучшить их жизнь.

Спустя три года я прочитал в «Новом времени»: «Взобравшись на трехтысячметровую высоту в шахтерский поселок Севель, мы нашли его почти пустым. Руководители государственной «Сосидад минера эль Теньенте» переселили рабочих в специально построенный поселок в Ранкагуа — на высоте остались только дежурные смены. Автобусы каждый день доставляют шахтеров и медеплавильщиков в их дома в долине».

Страна, осаждаемая реакцией, переживающая в этой связи невероятные трудности политического и экономического характера, сумела практически за два года осуществить столь грандиозное мероприятие — ликвидировать многотысячный поселок нищеты и построить благоустроенный жилой район в центре провинции О'Хиггинс-Ранкагуа.

Не смирились

Вместе с радостными вестями шли тревожные, вызывающие гнев и возмущение. Реакция пыталась остановить весь комплекс медных копей «Теньенте». Она понимала, на что замахнулась. Один день простоя этого комплекса — один миллион долларов убытка. Остановить поток меди — главного богатства страны — значит дезорганизовать ее экономику. Однако план реакции простирался дальше. Всеобщая забастовка на комплексе «Теньенте», то есть на руднике, медеплавильном заводе и двух обогатительных фабриках, означала бы раскол в рабочем классе, его отрыв от Народного единства.

Эта преступная акция, этот двойной удар были хорошо продуманы, подготовлены и спланированы. Начать политическую забастовку под прикрытием экономических требований профсоюзов, затем организовать «забастовку солидарности с шахтерами «Теньенте» на самом крупном в мире руднике, где добыча руды идет открытым способом, «Чукикамата», втянуть в эту орбиту всю горнорудную промышленность, вовлечь в забастовочное движение другие заводы и фабрики и вызвать всеобщую стачку в национальном масштабе.

Таковы были планы реакции, и она не пожалела денег для их осуществления и пожала некоторые плоды. Основная масса рабочих «Теньенте» не дала себя спровоцировать. Комбинат продолжал работать. Однако наименее сознательная, отсталая часть рабочих и значительное количество служащих поддались на провокацию, проводимую руками некоторых лидеров профсоюзов правого толка, и оставили свои рабочие места.

Частичная забастовка не устраивала реакцию, и она направила на «Теньенте» и в Ранкагуа огромные силы из своего антинародного арсенала. Сюда из Сантьяго были переброшены специальные отряды террористов и провокаторов, сюда были направлены все рупоры лживой информации.

В Ранкагуа было совершено множество террористических актов и диверсий. Террористы нападали на помещения коммунистической, социалистической и других левых партий, на редакции прогрессивных газет, взорвали динамит в помещении Союза коммунистической молодежи, пытались взорвать радиостанцию «Либертадор»,

захватили радиостанцию «Ранкагуа», откуда посылали в эфир антиправительственные призывы.

Отряды из «Патриа и либертад» и «Роландо Матус» пытались взорвать линию высокого напряжения, идущую на комбинат «Теньенте», вывели из строя электростанцию, в результате чего остановились поезда из Сантьяго и Ранкагуа в южные провинции.

Специальные отряды террористов нападали на рабочих, отказавшихся идти на поводу у реакционных профсоюзных лидеров, шантажировали семьи шахтеров, угрожали расправой. И не только угрожали. В течение лишь одной недели около ста раз нападали на автобусы с рабочими, направлявшимися на комбинат.

Реакции удалось спровоцировать так называемый «марш забастовщиков» в Сантьяго. Он послужил сигналом для новых вылазок и диверсий в различных городах страны, ибо рупоры реакционных средств массовой информации превращали жалкую кучку провокаторов и обманутых, прибывших в столицу, в национальных героев, а их «марш» чуть ли не в национальное явление.

Частичная забастовка нанесла государству огромный экономический ущерб. Вице-президент чилийской медно-рудной корпорации Хорхе Аррате сообщил, что из-за затянувшейся, хотя и частичной, забастовки страна вынуждена была прервать поставки меди Англии, ФРГ и Венгрии.

Прибывший на «Теньенте» для встречи с горняками Сальвадор Альенде дал оценку событиям, происходящим на комбинате. Он доказал, что частичная забастовка носит не экономический характер, как считают те, кто поддались на провокацию, а ярко выраженный политический и является составной частью плана реакции, направленного на свержение правительства Народного единства, на срыв основных социально-экономических преобразований. В высшей степени убедительно звучали его слова, обращенные к рабочим, о том, что сегодня их «защитниками» стали те, кто никогда раньше не интересовался судьбой трудящихся и не заботился об их интересах, разоблачил всю лживость их «забот».

И в самом деле, бурную деятельность в гуще происходящих событий на «Теньенте» развернули люди, вообще никакого отношения к комбинату не имевшие, равно как и к вопросам профсоюзного движения. Даже в так называемый «Комитет профсоюзного действия», пытав-

шийся разжигать забастовочные страсти, принуждавший шахтеров бросать работу, входили бывшие латифундисты, необозримые земли которых находились в ближайшей зоне и были экспроприированы правительством.

Основная масса рабочих «Теньенте» и трудящихся страны, с негодованием отвергнув «забастовки солидарности», хорошо разобрались в очередном генеральном маневре реакции и дали ей решительный отпор. 80 процентов шахтеров и 30 процентов служащих комбината, несмотря на террористические преследования и шантаж, заняли свои рабочие места.

Кадровый состав шахтеров еще не забыл, как бросили одновременно работу более двухсот специалистов «Теньенте» в знак протеста против национализации медно-рудной промышленности, считая, что без них производство остановится.

Не остановилось. Рабочие выдвинули из своей среды шахтеров высшей квалификации, в короткие сроки были обучены молодые кадры, и вакуума, на который рассчитывали бросившие работу, не получилось. Кое-кто из того же ряда остался на руднике, но остался для того, чтобы вредить. Вот теперь в качестве зачинщиков дезорганизации производства они и показали себя.

Ну что ж, говорили рабочие, пусть и эти уходят. Справились раньше, справимся и сейчас. И эту точку зрения рабочего класса полностью поддерживало правительство, все партии Народного единства и Единый профцентр страны.

Провокация

Правительство Народного единства вело отчаянную борьбу на нескольких фронтах одновременно. Больших усилий требовало сопротивление внешним финансово-экономическим диверсиям, диверсионным действиям внутри страны, искусственно создаваемым трудностям в снабжении населения.

Борьба со спекуляцией стала одной из главных забот правительства и всего Народного единства.

Еще в октябре 1971 года на собрании актива столичной организации Компартии Чили специально рас-

смаатривался вопрос о снабжении населения. Было установлено, что недостает только некоторых продуктов, в частности мяса, которого не хватало и раньше, но тогда это не так ощущалось: трудящимся просто не на что было его покупать.

На активе приводились данные о том, что в первом полугодии 1971 года по сравнению с тем же периодом 1970 года потребление мяса повысилось на 120 процентов. Так же обстояло и с некоторыми другими продуктами и товарами.

Чтобы увеличить производство мяса, правительство приняло ряд мер. В частности, установило контроль над его распределением и убоем скота. Предусматривался импорт племенного поголовья, создание крупных ферм рогатого скота, свиноводческих и птицеводческих ферм.

Специально созданная Национальная комиссия по распределению и сбыту продуктов питания и предметов первой необходимости установила контроль за производством и торговлей этими товарами. Было запрещено закрывать предприятия, выпускающие их, и магазины, торгующие ими, на период летних отпусков. Министерство внутренних дел получило особые полномочия в борьбе со спекуляцией.

Речь шла только о контроле над распределением, но ни в коем случае не затрагивались интересы мелких и средних торговцев. Более того, их деятельность поощрялась государством, им, как и мелким и средним предпринимателям, выделялся кредит.

Вокруг мер, принимаемых правительством, началась новая клеветническая кампания. Борьба со спекулянтами преподносилась как ущемление прав трудящихся, а контроль над распределением основных продуктов — как всеобщее нормирование.

Забастовка нанесла стране большой ущерб, однако цели своей реакция не добилась. Правая оппозиция потерпела очередное поражение, затеянный ею мятеж провалился. Впоследствии о целях забастовки Луис Корвалан писал: «Враг добивался вооруженного столкновения, кровавых уличных схваток между сторонниками правительства и силами оппозиции. Таким путем он хотел создать обстановку политического хаоса, анархии и ввергнуть страну в гражданскую войну».

Наступил новый этап борьбы: подготовка к выборам

в Национальный конгресс, которые были назначены на 4 марта 1973 года.

Хотя и до выборов правые имели большинство в парламенте, однако, как отмечалось, оно не было единым. В частности, ряд мероприятий правительства поддерживало левое крыло ХДП. Враги Народного единства понимали: если на предстоявших выборах реакционным силам удастся набрать две трети мандатов, они получат возможность диктовать свою волю. Они могли бы внести поправки в конституцию, сводящие на нет революционные преобразования, отклонять любые законопроекты, вносимые правительством, выдвигать «конституционные» обвинения против министров и смещать их. Абсолютное большинство в парламенте могло бы создать невыносимые условия для работы правительственных органов и на «законном» основании, «конституционным» путем сместить президента.

На этот раз правые силы не сомневались в своей победе, в том, что Народное единство потеряет немало мандатов в парламенте. В самом деле, может ли население поддерживать правительство после всех акций саботажа и диверсий, создавших значительные трудности в экономике, после антиправительственных выступлений представителей средних и других слоев чилийского общества!

Несмотря на уверенность в своей победе на выборах, реакция усилила действия, направленные на создание экономического хаоса, совершала все новые акты диверсий, террора, саботажа и содействовала спекуляции, «черному рынку», мешала распределению товаров, одновременно кричала о неспособности Народного единства обеспечить нормальную жизнь страны.

8 января 1973 года печать Чили сообщила о том, что в Сантьяго выстрелом из револьвера в упор был убит 59-летний коммунист Томас Пино Навиа. 10 января неизвестные подложили взрывчатку под дверь здания филиала Чилийского института культурных связей с СССР в городе Вальпараисо. 14 января вооруженные молодчики из штурмовых отрядов национальной партии обстреляли местное отделение компартии в местечке Пуэнта-Альте неподалеку от Сантьяго. 15 января правые напали на комсомольцев, собравшихся на встречу с Генеральным секретарем ЦК Коммунистического союза молодежи Чили Гладис Марин.

19 января генерал Пратс, министр внутренних дел Чили, обратился ко всем политическим партиям Чили с призывом «к благоразумию и доброй воле». В своем обращении он отметил, что с 6 по 17 января было зарегистрировано 20 серьезных инцидентов, связанных с предвыборной кампанией. Применялось холодное и огнестрельное оружие, что было категорически запрещено законом о контроле над оружием. В ходе столкновений, сказал Пратс, было убито 3 человека, ранено 50, арестовано за незаконное ношение оружия — 15.

3 февраля группу молодежи, писавшую на стенах предвыборные лозунги в поддержку правительства Альенде, обстреляли с нескольких автомашин. 12 февраля в районе Кинты провокаторы напали на сторонников Народного единства и ранили секретаря райкома комсомола Хосе Уэрта.

За короткий период было убито 4 человека и ранено 120 человек.

19 февраля все партии приняли решение прекратить любые виды предвыборной пропаганды и распустить все группы, занимавшиеся пропагандой. А на следующий день вооруженный отряд христианско-демократической партии напал на помещение местной организации коммунистов в одном из пролетарских пригородов Сантьяго. В результате стычки был смертельно ранен один из нападавших 18-летний Хайме Контрерас. В связи с его смертью руководство ХДП опубликовало грубое антикоммунистическое заявление. На похоронах юноши второй председатель ХДП Бернардо Лейтон провокационно обвинил правительство Альенде в смерти Контрераса.

22 февраля в Темуко было совершено покушение на министра сельского хозяйства Чили Роланда Кальдерона. 17 членов ультраправой партии бросали бутылки с зажигательной смесью в его машину. На следующий день члены организаций «Роландо Матус» и «Патриа и либертад» пытались опрокинуть автомобиль, в котором ехал префект Сантьяго Хайме Файвович.

Сторонники оппозиции в отделении Национальной электротехнической компании (ЭНДЕСА) в Тальке провели закрытое собрание и обсудили в присутствии видных деятелей ХДП вопрос о подготовке к национальной забастовке. Было предложено сформировать боевые группы для саботажа производства, создавать запасы

продовольствия, питьевой воды и горючего. Этот план разоблачили работники ЭНДЕСА.

О провокационной деятельности реакции «Эль Сигло» писала: «Правые стремятся к гражданской войне. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать заявления правых деятелей, которые изо дня в день призывают к свержению правительства. Сначала они толкали на «гражданское неповиновение», потом — на «гражданское сопротивление» и в конце концов — на «гражданское наступление». Эта эскалация имеет целью не что иное, как гражданскую войну. Они готовы на все, чтобы защитить свои привилегии, и если они не ввязались еще в кровавую авантюру, то только потому, что у них нет достаточно сил».

Накануне выборов в конгресс Луис Корвалан говорил: «Мы категорически заявляем, что коммунисты вместе с другими партиями Народного единства полны решимости помешать кровопролитию. Мы уверены, что большинство чилийцев, независимо от того, за кого они отдадут свои голоса, в таких чрезвычайных условиях выступят на стороне законного правительства, а не на стороне империализма и реакции».

2 марта прогрессивная печать опубликовала документальные материалы о подготовке ультраправыми силами Чили при поддержке из-за рубежа ряда новых заговоров. В газетах приводилась фотокопия письма Артуро Маршалла, одного из главарей ультраправых, бежавшего в Боливию после разоблачения очередного заговора, адресованного главарю организации «Патриа и либертад» Пабло Родригесу.

В нем говорилось о посылке с «надежным лицом» 15 тысяч долларов на осуществление «предварительно разработанного плана». Газеты подчеркивали, что речь идет об оружии для организации уличных столкновений.

Большие надежды в предвыборной кампании реакция возлагала на раскол блока левых сил. Для этой цели она пыталась использовать мелкобуржуазные элементы, находившиеся внутри блока.

Правые стремились раздуть даже самые незначительные разногласия, возникавшие между партиями Народного единства.

Коммунистическая и социалистическая партии, весь блок Народного единства принимали необходимые меры для сплочения трудящихся вокруг правительства.

На президентских выборах в 1970 году правые партии действовали самостоятельно. На выборы депутатов в Национальный конгресс в 1973 году они объединились в так называемую демократическую конфедерацию. В нее вошли: христианско-демократическая партия, национальная партия, национально-демократическая партия, партия радикальной демократии, левые радикалы.

Конфедерация правых партий не имела единой избирательной платформы. Их объединяла ненависть к правительству Народного единства, желание любыми средствами устранить его.

Готовясь к выборам в Национальный конгресс, коалиция левых объединилась в федерацию партий Народного единства. В нее вошли: коммунистическая, социалистическая и радикальная партии, движение Единого народного действия, Независимое народное действие и левые христиане.

Федерация партий Народного единства имела четкую, ясную платформу. Она опубликовала предвыборную программу, указав конкретные меры, которые примет для ее выполнения. Главная цель — добиться большинства в Национальном конгрессе, завоевать всю полноту власти.

«Наша основная задача заключается в том, — писал Луис Корвалан, — чтобы сплотить вокруг правительства и его революционной программы подавляющее большинство чилийцев. Это вполне возможно потому, что программа Народного единства отвечает не только интересам рабочего класса, но и чаяниям средних социальных слоев, высшим интересам страны. Иными словами, речь идет о том, чтобы изолировать основных врагов, привлечь на нашу сторону те слои населения, которые еще находятся под их влиянием. Необходимо устранить слабые стороны в проведении нашей политики в этой области и дать решительный отпор наскокам ультралевых сил, которые своими авантюристическими действиями льют воду на мельницу реакции».

Программа Народного единства предусматривала такие меры, как обеспечение независимости страны и срыв блокады, организованной империалистами, обеспечение экономического развития страны и снабжение населения, ликвидацию «черного рынка», совершенствование власти и укрепление правительства, углубление аграрной реформы и демократизацию судебных органов.

4 марта 1973 года в Чили состоялись выборы в Национальный конгресс. Впервые в них приняла участие молодежь в возрасте 18 лет. Раньше в выборах могли участвовать только лица, достигшие 21 года. Всего было зарегистрировано свыше пяти с половиной миллионов избирателей. Предстояло переизбрать 25 сенаторов из 50 и вновь выбрать 150 депутатов Национального конгресса. На 175 мест в обе палаты был зарегистрирован 361 кандидат.

Благодаря мерам, принятым правительством, избирательная кампания прошла в спокойной обстановке.

В голосовании приняло участие 3600 тысяч человек, или 81,2 процента избирателей. За кандидатов блока Народного единства проголосовало 43,39 процента избирателей, то есть значительно больше, чем во время президентских выборов. Левые партии имели 57 депутатских мандатов и 18 сенаторских. В результате голосования они соответственно получили 63 и 20 мандатов.

Это была блистательная победа Народного единства. Несмотря на все провокации, трудящиеся выразили доверие партиям Народного единства и правительству Сальвадора Альенде.

Луис Корвалан отметил, что рухнули расчеты реакции занять господствующее положение в парламенте. Правительство, возглавляемое президентом Сальвадором Альенде, заявил он, единственное в истории страны, увеличившее свою базу среди избирателей по прошествии двух с лишним лет после прихода к власти.

В связи с итогами выборов федерация партий Народного единства опубликовала заявление, в котором, в частности, говорилось: «Результаты этих выборов означают решительную поддержку избирателями правительства и программы Народного единства, их наказ — неуклонно продолжать революционные преобразования нашего общества и укреплять народную власть».

После избирательной кампании провокации правых партий начались с новой силой. «Меркурио», «Сегунда» и другие газеты усилили клеветническую кампанию против правительства и лично Сальвадора Альенде. Реакция накаляла обстановку, пытаясь создать такое же положение, как в октябре 1972 года.

17 марта произошло столкновение между жителями столичного пригорода Ла-Флорида и вооруженной группой молодежной организации ХДП. Мать одного из уби-

тых обвинила ХДП в смерти сына, который получал еженедельно 1000 эскудо за участие в вооруженных столкновениях.

18 марта в Бюро городского благоустройства Сантьяго, расположенном в центре столицы, произошел взрыв бомбы. 21 апреля члены организации «Роландо Матус» и молодежной группы ХДП напали на редакцию газеты «Ультима Ора». На следующий день правые экстремисты взорвали бомбу у подножия памятника Че Геваре.

Предлогом для очередной провокации послужили намеченные изменения в системе образования. Диверсанты начали разжигать на перекрестках улиц костры, строить баррикады, парализовали движение транспорта, совершили нападения на ряд государственных учреждений, на помещения левых партий и молодежных организаций, на банк. Часть заговорщиков прорвалась к президентскому дворцу и забросала его камнями.

За два дня, в течение которых происходили беспорядки, в Сантьяго было ранено около ста человек и один убит.

Во время бандитских нападений реакции находящиеся под ее контролем радиостанции вели клеветнические, подстрекательские передачи с призывом к населению «дать бой марксизму».

Правительство приняло должные меры к прекращению уличных беспорядков. Трудящиеся выступили с решительным протестом против провокационных, бандитских действий контрреволюции. У президентского дворца состоялся митинг в поддержку правительства, где выступил Сальвадор Альенде с призывом к сплочению всех прогрессивных сил страны, к бдительности и спокойствию.

Для борьбы с правительством реакция использовала все возможности. Арифметическим большинством голосов парламент отклонил поправки президента к проекту конституционной реформы о трех секторах национальной экономики, хотя по конституции для такого отклонения требовалось большинство в две трети голосов. Депутатами христианско-демократической партии был внесен собственный проект реформы. В случае ее принятия она дала бы возможность возврата многих предприятий их бывшим владельцам.

В Верховном суде

Еще в период подготовки к убийству главнокомандующего сухопутными войсками генерала Рене Шнейдера в 1970 году крайне реакционно настроенный молодой адвокат Пабло Родригес Грес, мечтавший об установлении в Чили фашистского режима, нашел общий язык с одним из главных организаторов покушения — генералом Роберто Вио Марамбио. Уже тогда он подбирал головорезов из уголовных и деклассированных элементов, которым, по сути, было глубоко безразлично, какие «идеи» защищать, против кого бороться, только бы иметь возможность «красиво» жить, бесшабашно и безнаказанно убивать точно так, как это происходит в гангстерских кинофильмах.

Это были люди, не имевшие понятия о моральных устоях и каких бы то ни было принципах и не желавшие их знать. Для них не имело значения, в кого разрядить «кольт», кого изуродовать дубинкой с натканными в ней гвоздями. Они не задумывались над тем, что именно поджечь, что взорвать, куда бросить бутылку с зажигательной смесью. Для них имело лишь значение, сколько за это заплатят.

Подобный гангстерский отряд отъявленных негодяев был находкой для самой реакционной национальной партии Чили. Конечно, чтобы не компрометировать себя перед лицом общественности, она ни официально, ни формально не связывала своей деятельности с шайкой Родригеса, но щедро финансировала ее, помогала добывать оружие, поощряла во всех провокациях.

Пользуясь такой поддержкой, Пабло Родригес довольно быстро сколотил отряд человек в двести.

Уже через неделю после победы Народного единства на президентских выборах вся эта банда объявила себя политической организацией «националистического движения» — «Патриа и либертад».

Ее сущность определялась не только символом типа свастики, какой они себе придумали, но и ярко выраженными действиями фашистского образца, самим ее организационным построением. Оставаясь на содержании крупного капитала, в полной мере отрабатывая полученное террором и диверсиями, «Патриа и либертад», обрастая новыми, достойными ее зачинателей кадрами, обособилась, заявила о своей самостоятельности и своих

целях. Национальная партия, финансируемая из тех же истоков, что и «Патриа либертад», создала свою молодежную террористическую организацию «Роландо Матус».

Объявив главной целью борьбу против коммунизма, «Патриа и либертад» начала обвинять правые партии в нерешительности, подбивая их к более активному сопротивлению правительству, стремясь завербовать на свою сторону наиболее реакционные их элементы.

Построена эта организация была по старым фашистским образцам на военный лад, с соответствующими подразделениями. Они находились на выучке опытных офицеров в отставке, бывших командиров кадровой армии из богатых и аристократических семей и давно известных носителей самых крайних реакционных идей.

Существование в Чили подобной организации стало возможным потому, что ее террористическая подрывная деятельность не только не пресекалась Верховным судом, призванным стоять на страже государственных законов, но и всемерно поощрялась реакционными силами, господствующими в суде.

Вот один из бесчисленных примеров, показывающих, как это происходило на практике.

В ночь с 24 на 25 марта 1972 года главари «Патриа и либертад» вместе с реакционно настроенными военными-отставниками решили убить президента Сальвадора Альенде, захватить президентский дворец Ла Монета и совершить государственный переворот. Благодаря бдительности органов национальной безопасности заговор был своевременно раскрыт.

24 марта отряды, специально уполномоченные властями, оцепили несколько помещений мятежников и, имея на то все основания, в полном соответствии с законом, произвели обыск. Это даже не был обыск в обычном понимании слова, когда представителям власти приходится разгадывать тайны, чтобы обнаружить спрятанное преступниками. В данном случае оружие лежало в помещениях, точно на складах, и его не пришлось искать. Было изъято незаконно приобретенное и содержащееся лицами, не имевшими на то права, сознательно игнорирующими категорические предупреждения властей, огнестрельное и другие виды оружия. В том числе пластиковые бомбы, бутылки с зажигательной смесью, железные прутья, кастеты и другие средства террора.

Схваченных на месте преступления, уличенных в незаконном хранении оружия и подготовке заговора, главарей «Патриа и либертад» — Пабло Родригеса, Серхио Пареса Кабесаса, Роберто Тима и других, а также реакционных отставников генерала Альберто Грина, бывших офицеров — Фернандо Нифальда и Адольфо Баласа арестовали. Бывший майор Артуро Маршалл, которому предстояло вместе с группой подчиненных непосредственно осуществить убийство, успел унести ноги в Боливию. Уже находясь там, он опубликовал в боливийской газете «Ультима Ора» заявление о том, что главной целью заговора было устранение президента Сальвадора Альенде и создание военного националистического правительства.

Таким образом, официальные органы имели весомые данные, вещественные доказательства для того, чтобы судить главарей разбойничьих отрядов. За решеткой были эти главарь и их подручные. Оставалось провести следствие и вынести справедливый приговор верхушке движения «Патриа и либертад», что нанесло бы чувствительный удар реакции. Потому-то верный своему реакционному существу судебный аппарат отказался возбудить судебное преследование, «не усмотрев» в их неопровержимых и тяжелых преступлениях состава преступления, и освободил их.

Такова была практика антинародного чилийского суда, верного ставленника крупного капитала. Это не случайный, а типичный пример того, как Верховный суд страны поощрял разбой, террор, диверсии, направленные на свержение законного правительства.

Поэтому невольно вспоминается слово «Zex» — закон, которое бросается в глаза уже на подходах к зданию Верховного суда.

Мне хотелось побеседовать с его председателем Рамиро Мендесом. Спросить, почему отпустили из-под стражи обвиняемых в убийстве генерала Рене Шнейдера, дав возможность некоторым главным его участникам сбежать за границу. Почему не только не судят, но не разрешают даже вести следствие и выпускают на свободу пойманных с поличным провокаторов и террористов.

Откровенно говоря, у меня вызывала сомнения возможность встречи с реакционером Мендесом. Как я думал, учитывая опыт посещения «Теньенте», он мог не согласиться на беседу с советским представителем.

Опасения оказались напрасными. Видимо, Мендес не хотел демонстративно проявить свое враждебное отношение к столь объективной акции правительства, как «Операция правда». На телефонный звонок из Центра ответил, что готов к беседе в любое удобное гостю время.

Я пришел минут за пятнадцать до назначенного часа и имел возможность осмотреться.

Серая громада здания суда, почерневшего от времени, производила странное впечатление. Будто исполинский склеп: красиво и гнетуще. Тяжелые высоченные колонны, тяжелые, кованные медью врата высотой в два этажа вместо обычных дверей, а высоко-высоко под самой крышей гигантскими буквами не то высеченными из камня, не то выложенными камнем слова: «Суд справедливости». Близ входа — изваяние Фемиды и отлитое в бронзе грозное «Zex» — закон. Это же слово метровыми буквами выложено из травы близ входа. И еще в нескольких местах внутри здания — тот же «Zex». Довольно настойчиво пытаются убедить вас в том, что все здесь подчинено закону.

Длинные галереи направо и налево от входа, образованные железной колоннадой, тускло освещены застекленным куполом, железные переплеты которого держатся на этих колоннах. Широкие, словно предназначенные для массовых шествий ступени ведут на второй и третий этаж. Черные колонны, черные переплеты, могучие стены, высотой во все здание, тяжелые, глухие, незыблемые. Возможно, так и должен выглядеть суд. Что-то неприступное, неумолимое, вечное. А может быть, мрачное впечатление создавалось или по меньшей мере усиливалось беззаконием Верховного суда, о чем я уже знал по фактам.

В глухом здании суда человек, к которому я шел, призванный следить за соблюдением законов, грубо и открыто попирает их. Может быть, сознание этого и вызывало определенные эмоции.

В его приемной, как в картинной галерее, стены увешаны огромными портретами, написанными маслом. И под каждым — фамилия и две даты — рождения и смерти. Это предшественники сеньора Рамиро Мендеса за последние столетия. И каждый из них провел в этом здании долгие годы — всю жизнь.

Рамиро Мендесу без малого семьдесят. Поначалу он показался подтянутым и бодрым. Но очень скоро я уви-

дел, что передо мной суетящийся, полный неожиданных эмоций старичок, то и дело повторяющий только что уже сказанное им. Он курил, вернее, посасывал погасшую сигару, ежеминутно откладывая ее и, как только снова брал, спрашивал: «Не хотите ли сигару?» Не дав ответить, спохватывался: «Ах, да, не хотите», и, теряя мысль, нетерпеливо щупал пальцами воздух, точно пытаюсь извлечь ее оттуда.

Ему хорошо в своем огромном кабинете, еще более тяжелом, чем все в этом здании, и не только из-за массивной мебели и кресел, которые не сдвинуть с места, но и от толстенных сводов законов, какими уставлены стены. Мендесу уютно здесь, ибо кабинет этот предоставлен ему на всю жизнь и практически нет силы, которая могла бы его сместить. Так думал Мендес.

— И знаете, хи-хи-хи,— тоненько, совсем по-детски смеялся он,— в учреждениях люди стремятся поскорее на пенсию, конечно, если у них есть деньги, а у нас, ну, решительно никто. Вот члену Верховного суда Армандо Сильва семьдесят четыре. Но дело, конечно, даже не в годах. На заседании он дремлет, а на пенсию не идет... Хи-хи-хи...— И он хлопал ладошками по коленкам.— В стране три самостоятельных, независимых друг от друга взаимоконтролируемых начала: парламент, президент и Верховный суд,— продолжал Мендес,— на этих трех китах держится государство. Суд — это пирамида. Целая система судов, охватывающая все области жизни народа. На самой вершине — Верховный суд, состоящий из тринадцати человек и возглавляемый председателем, в данном случае — мною.

При этих словах Мендес улыбается радостно, искренне, непосредственно, как ребенок, получивший красивую заводную игрушку, которую может пускать, куда ему вздумается.

Все судьи, объяснил Мендес, назначаются на всю жизнь, то есть согласно закону «до тех пор, пока хватает сил».

Когда иссякают силы, определяет только сам член Верховного суда, но что-то Мендес не мог припомнить случая, чтобы кто-нибудь из его коллег заявил об этом.

Новых членов Верховного суда формально назначает президент, фактически же сам суд, ибо президент не волен предложить свою кандидатуру. Он может лишь выбрать из числа рекомендуемых судом.

Эта «независимая демократическая» система была мне действительно непонятна. Я сказал: «Тринадцать членов Верховного суда остаются на своих постах десятилетиями. За такое время кто-либо из них может отстать от требований жизни, потерять объективность, наконец, не оправдать доверия, да мало ли что может случиться. Как же назначать на всю жизнь!»

Пока я говорил, Мендес все более радостно улыбался. И лицо его выражало: «Боже мой, какие наивные еще есть люди».

— Все предусмотрено! — победно сказал он. Оказывается, парламент вправе отозвать судью, «не выполняющего своего долга». Но это теоретически. Практически же отзыв невозможен. Не только из-за сложнейших и длительных процедур, какими должна сопровождаться подобная акция, но главным образом потому, что члены Верховного суда подбираются из могущественной касты, верно служащей капиталу. Потому никогда и не возникал вопрос об отзыве судей с любой ступени пирамиды.

А формально демократия соблюдается. Существует даже квалификационная комиссия, ежегодно определяющая служебное соответствие судей.

— А кто назначает комиссию? Из кого она формируется?

— Кто же компетентен судить о члене Верховного суда? — снова удивился Мендес моему вопросу. — Только Верховный суд. Он и назначает из своей среды комиссию.

А я и в самом деле не мог понять, как это люди сами себя назначают и сами себя проверяют. Потому так убедительно звучали для меня слова Луиса Корвалана, который сказал: «Мы предлагаем такое существенное изменение в системе судебных органов. В настоящее время действует реакционная система самоназначения судей — членов Верховного суда. Ее следует заменить выбором этих судей единой палатой Национального конгресса... Мы за государство, основанное на праве, на законах, на более демократических законах, чем те, которые действуют сейчас в нашей стране».

Мендес еще долго и с упоеанием говорил о «пирамиде», на вершине которой сидел, и я начал постепенно переходить к делу, по которому пришел.

В одной из провинций произошли волнения на землях латифундистов. Были они результатом и загибов сверхлевацких элементов, и искренних заблуждений одних,

подавшихся провокационным лозунгам, и правильных действий других, вызванных обстановкой. Но так или иначе во время этих событий погибли люди от рук латифундистов. Виновники убийств были арестованы. Однако по указанию Верховного суда их немедленно освободили. Так вот, не может ли сеньор председатель разъяснить, какими мотивами он при этом руководствовался.

— Вот видите! — торжествуя, сказал Мендес. — Вы живете эмоциями, а я — законом. Поинтересовались ли вы, где именно были убиты люди?.. Вот видите! — повторил он так, будто уличил меня в преступлении. — А ведь хозяева латифундий стреляли в крестьян на своей собственной земле, — поднял он вверх ладонь.

— Значит, латифундист может стрелять в человека, если увидит его на своей земле, скажем, площадью в сто тысяч гектаров?

— А как же! — поразился Мендес. — Собственность неприкосновенна и охраняется законом.

Вот так сеньор Рамиро Мендес толкует закон. Что-либо доказать ему было бесполезно, и я перешел к делу генерала Шнейдера. Почему Верховный суд запретил не только судить, но и допрашивать одного из сенаторов, который участвовал в заговоре об убийстве генерала Рене Шнейдера и обеспечивал доставку оружия из-за границы?

— Конечно, убийство Рене Шнейдера глупое, жестокое преступление, — сказал Мендес, — но судить за это сенатора противозаконно, хотя к такому выводу Верховный суд пришел не единодушно.

И дальше шли длинные и путанные объяснения, в которых ясна была лишь их реакционная сущность: то, что одни считают заговором, другие — прогрессивным движением. И судить за это нельзя. Выходит, можно убивать, бросать бомбы, совершать поджоги, только бы своевременно прикрыться ширмой демократии.

Как ни старался Мендес опираться на закон, он не мог скрыть, что верно стоит на защите интересов реакционных сил. Потому и свершались все новые провокации и покушения на государственных и общественных деятелей, что заговорщики были уверены в безнаказанности, в том, что высший судебный орган, как и его глава, на их стороне.

Заканчивая беседу, Рамиро Мендес сказал:

— Но лично я войду в историю Чили тем, что оставлю

свой пост досрочно и, как только мне исполнится семьдесят, выйду на пенсию.

Нет, не этим вошел в историю Рамиро Мендес. Его имя осталось на черных страницах истории страны в числе тех, кто проложил кровавый путь хунте к захвату власти. Его имя стоит одним из первых в списке тех, кого ждет суровое возмездие. Своими действиями он создавал огромный стимул для расширения террора фашиствующих организаций типа «Патриа и либертад», вооруженных отрядов «Роландо Матус» и любых враждебных народу сил. И хотя сам он не стрелял в безоружных людей, но не смыть ему их кровь со своих рук.

Как далеко стали простираться действия «Патриа и либертад», можно судить по тайным документам ее главварей. Копии их для опубликования в советской печати получили в свое время у чилийских друзей журналисты В. Волков и Х. Кобо и рассказали о них на страницах «Нового времени». Из приведенных материалов видно, что с 21 марта по 1 апреля 1973 года в Сантьяго на улице Рафаэль Каньяс, в доме № 214 заседал так называемый расширенный национальный совет «Патриа и либертад», принявший множество «рекомендаций» для всех слоев населения, кроме, пожалуй, рабочего класса, к которому еще не рисковали соваться со своими «советами», направленными на создание новых экономических и политических трудностей, нового напряжения нервов трудящихся, новых форм саботажа.

Так было и с операцией «САКО». Одновременно в ряде городов и в столице на заборах и стенах появилась таинственная надпись: «САКО» проводится в жизнь». «САКО» — в переводе на русский язык «мешок».

Что же это за «мешок», который проводится в жизнь? Оказывается, это слово составлено из начальных букв фразы: «Система организационного гражданского действия». Эта «система» наставляет различные слои населения, как они должны себя вести, что и в каких случаях делать, а чего не делать, по какому руслу вести саботаж, как игнорировать правительственные решения и еще уйма советов и рекомендаций, направленных в одну точку — создать в стране невыносимые условия для жизни, чтобы взорвать изнутри правительство Народного единства.

Промышленникам частного сектора по этой «системе» рекомендовалось:

«1. Укрывать не менее 20 процентов поступающих материалов, что позволит создать запас на случай чрезвычайных обстоятельств.

2. Создать склад запасных частей в подвальных помещениях вне предприятия, поддерживая лишь минимальный ритм производства...

10. Распределять продукцию предприятия только через посредников «САКО». В случае репрессивных мер со стороны правительства государственному сектору должна поставляться продукция самого низкого качества и в минимальных количествах».

Промышленникам давалось двенадцать подобных рекомендаций. В том числе их призывали выгонять с работы тех рабочих и служащих, кто поддерживает Народное единство, а там, где это не удастся, составлять на них черные списки, которые были бы всегда наготове. Неустойчивую часть работников «САКО» советовало всячески поддерживать, переманивать на сторону реакции, стимулировать материально.

Чтобы не отпугнуть промышленников дополнительными затратами, их тут же предупреждали, что речь идет лишь о мелких подачках, «не влияющих существенным образом на расходы предприятия».

Рассказывая далее о плане «мешок», В. Волков и Х. Кобо писали:

«Специалистам — противникам Народного единства — авторы инструкций рекомендовали прежде всего представлять «Патриа и либертад» самую подробную и многообразную информацию о себе, о производстве, на котором они работают, в том числе сведения об объеме продукции, об оборудовании, системе финансирования, запасах материалов и запасных частей, всех видов энергоснабжения. Особо подчеркивалось: «указать аварийные источники электроэнергии». Специалистам предписывалось не делиться своими техническими навыками и знаниями со сторонниками Народного единства, при возможности запутывать на месте архивы и документацию».

Специальные рекомендации были разработаны для женщин. Им предлагалось: «Проводить постоянные кампании по психологическому запугиванию, распространяя различные слухи и страшные истории, предназначенные для женщин и детей из семей сторонников Народного единства». Обеспечение соответствующими материалами «Патриа и либертад» брало на себя.

Далеки от педагогических концепций строки обращения к студентам: «Не помогайте сторонникам Народного единства, не давайте им книг. Садитесь рядом с ними только для того, чтобы выведать у них информацию».

Результаты рекомендаций коммерсантам особенно наглядно показывают, как «Патриа и либертад» пыталась дезорганизовать нормальную жизнь в стране. Их подбивали к тому, чтобы ничего не продавать людям, преданным Народному единству, или обеспечивать их в самых малых количествах и плохими товарами... Не сообщать заранее ни одному стороннику правительства о времени продажи товаров, дне и часе их поставки. Далее коммерсантам предлагалось получить от «Патриа и либертад» списки лиц, которые «должны обеспечиваться в первую очередь», за это им обещали подсказать, «где, как получить товары и как их перевозить».

Нельзя сказать, что антинародное движение «Патриа и либертад» являлось единой, сплоченной силой. Оно было полно внутренних противоречий, шла склока среди его главарей. В этой внутренней борьбе они пользовались теми же кровавыми методами насилия и расправы, какие применяли и против сторонников Народного единства.

4 мая 1973 года была организована очередная вылазка головорезов из «Патриа и либертад» в самом шумном районе столицы — в торгово-деловом ее центре. Хулиганствующие оравы с кастетами на руках, размахивая дубинками и цепями, выкрикивая антиправительственные призывы, стремясь посеять панику среди многочисленных прохожих, двигались по улице Уэрфанос.

И вдруг, кого-то заметив, бросились к зданию своего главного гнездилища. Оттуда раздались выстрелы. Двое из метнувшихся к зданию рухнули на асфальт, остальные рассеялись.

Оказалось, убит руководитель столичной организации «Патриа и либертад» Марио Агилар и ранен главарь ее молодежных военизированных отрядов Эрнесто Миллер.

Многочисленные свидетели этой сцены, люди самых разных убеждений и ориентаций, подтвердили, что схватка произошла между враждующими группами из одной и той же «Патриа и либертад». И дело не в том, что вину за это террористы попытались, как и все беды, свалить на Народное единство, а в убедительном доказательстве кровавой грызни в лагере антинародного

движения. Тем не менее прогрессивные силы страны понимали, что «Патриа и либертад» являлась хотя и малочисленной, но, по существу, фашистской организацией, способной при благоприятных для нее условиях стать серьезной угрозой демократии страны.

На Огненной Земле

Столь же активно, как и в промышленности, реакция действовала в сельских районах. Саботаж, диверсии, террор. Проведение аграрной реформы подрывало корни латифундизма, однако политическое влияние помещиков на крестьянские массы оставалось весьма значительным. Помещичья олигархия имела еще большие возможности саботировать развитие сельского хозяйства, уменьшать выпуск продукции. Специальный план диверсионных действий был направлен на подрыв доверия к правительству. Широко распространяемая клевета и провокации ультралевых элементов, подстрекавших крестьян к захвату поместий, приводили к вооруженным столкновениям и жертвам.

Массовый убой скота, в том числе маточного поголовья для экспорта, угон скота в Аргентину, преднамеренное сокращение посевных площадей создавали для правительства большие трудности.

Мне хотелось поближе познакомиться с ходом аграрной реформы. Побеседовать не только с крестьянами, но и с латифундистами. По совету товарищей отправился к одному из них, Николасу Симуновичу, избравшему особый вид саботажа.

...Летом на Огненной Земле ветры не дуют. Но лето короткое — самый конец декабря и январь. И зимние месяцы — июнь, июль, август — почти безветренны. А в остальное время года стихия бушует. Ее выдерживают только самые устойчивые сорта красного дуба. На нем незарастаемые следы тягчайшей борьбы. Листьев почти нет. Каждую ветку будто крутили вдоль оси, а потом заламывали назад, пытаясь завязать петлю, но так и оставили, и торчат они в неестественно согнутом состоянии. И ствол скручен, он весь в узлах и наростах, будто исполинская сила выжимала из него соки, как выжимают

белье, а скрутив до отказа, еще и выгибала то вниз, то вверх, то в стороны. Волокна в стволе идут не прямо, а свернуты в клубки, и колоть его почти невозможно. Так и стоит на Огненной Земле красный дуб, страшный и великолепный в своем уродстве.

Я смотрел на деревья, слушал скотоводов, тех, кто всю жизнь разводил овец в степях Огненной Земли, и тех, кто, охваченный золотой лихорадкой, пересекал материки и океаны, чтобы достичь Магелланова пролива, готовый хоть вплавь перебраться на заветный берег Огненной Земли.

Здесь они жаждали бури. Жаждали увидеть вздыбленный штормовой океан. В такие дни проклинали все на свете моряки, они гибли в обломках разбитых о скалы кораблей, а игроки удачи в безумной радости и сами, точно обезумевшие, метались по берегу.

Бывший золотоискатель, а ныне скотовод Натали Масло рассказал мне, что в тихие дни он намывал не больше двух граммов золота, а в сильную бурю — до пятидесяти, а иной раз и до ста граммов.

Но и большая удача страшна. Ни отдыхать, ни спать не придется, пока не выберется счастливчик куда-нибудь подальше от свидетелей своего богатства. Нередко на добычу уходили двое, а возвращался один. И этот один с двойной добычей страшился не суда. Какие там суды! Страшился, что в любую минуту может стать добычей третьего. А у тысяч тех, кто шел на Огненную Землю за золотом и не находил его, кто, отчаявшись, проклинал жизнь, не имея средства выбраться оттуда, оставался единственный выход — идти пеоном в могущественную компанию латифундистов «Огненная Земля». Компания имела миллион гектаров земли, миллион овец, сотни мясокомбинатов, заводов по переработке шерсти и кожи. Ее владения распластались по обе стороны Магелланова пролива, захватив почти всю Огненную Землю, включая и ту часть острова, что принадлежит Аргентине, и просторы чилийской Патагонии с обширным районом Последней Надежды, и всей провинции Магальянес.

Компания насчитывала семь тысяч акционеров. За этой цифрой маскировалось меньше двух десятков подлинных хозяев, в руках которых находилось до 80 процентов акций. Среди владельцев — Педро Подкленович, Кампос Менендес, бывший президент Видела, церковь, представители иностранного капитала.

Компания торговала со многими странами, то и дело тесня на международном рынке шерсти таких сильных конкурентов, как Австралия и Англия. И чем больше были ее доходы, тем сильнее гнула и скручивала людей, отбирая самых сильных из множества жаждущих работы. Ее могущество росло, и казалось, как невозможно укротить стихию, уродующую красный дуб Огненной Земли, так и не найти силы, способной обуздать «Огненную Землю», и она вечно будет властвовать над людьми.

Победа Народного единства обезглавила компанию, экспроприировав все ее владения.

Мне предстояло посмотреть, как управляют ими те, кто был у компании пеонами, пастухами, рабочими. Именно в их руки перешли земли, стада, предприятия компании.

С тревогой пересекал я Магелланов пролив, ибо до этого имел немало встреч с открытыми и замаскированными врагами нового строя, немало перелистал страниц «Меркурио», еще находился под впечатлением беседы с одним из главарей чилийской реакции — председателем Верховного суда. И все они в разной форме, то откровенно злобно, то пряча злобу за пеленой демагогии о благе народа, рисовали мрачную перспективу для экономики, что принесет аграрная реформа.

Тихим и ласковым, трогательно заботящимся о людях выглядел беспощадный и жестокий Николас Симунович, один из крупнейших латифундистов страны. Он принял меня в своем особняке в центре провинции Магальянес, городе Пунта-Аренасе на берегу Магелланова пролива.

— Я родился и вырос на Огненной Земле, — сказал он. — Начал свою карьеру на голом месте, и все, чего достиг, это только вот этими руками, — и поднял ладонями вверх, развел в стороны свои большие и сильные руки. — ...И головой, — добавил, помолчав.

На вопрос, чего же он достиг, Симунович отвечал задумчиво, как бы оглядываясь на всю свою жизнь. Не так уж и много, другие добиваются большего, но все-таки не стыдно ему перед людьми. Кое-что, конечно, сделал.

В его рассказах несколько пропусков, поэтому, приводя их, я тоже в соответствующих местах буду делать пропуски.

Восемьдесят лет назад его отец отправился на Огнец-

ную Землю искать золото (пропуск). Когда Николасу исполнилось двадцать лет, отец послал его в Европу изучать шерсть. Несколько лет провел в Англии, Австрии, Бельгии, Югославии... На какие деньги?.. (пропуск). Затем вернулся на Огненную Землю и поступил в качестве рядового служащего на фирму по перепродаже шерсти, принадлежавшую англичанину, французу и немцу. Вскоре стал их компаньоном на равных началах (пропуск). Потом выкупил их пай (пропуск) и стал единственным владельцем фирмы. Чтобы заниматься не перепродажей, а продавать кожу и шерсть собственного производства, пришлось купить около тридцати тысяч овец (пропуск). По местным условиям, чтобы прокормить овец, нужен гектар земли. Купил (пропуск) тридцать три тысячи гектаров земли. Обработкой шерсти и кожи, производством мяса, естественно, выгоднее заниматься самому. Купил (пропуск) и построил мясокомбинат и кожевенный завод в Пунта-Аренасе, мясокомбинат и фабрику по переработке шерсти в Сантьяго (пропуск), ну, еще на паях с компаньонами — банк (пропуск), вскоре открывший отделения в других городах.

Вот и все, чего он достиг собственными руками. Дальше Симунович говорил так, как пишут у нас в фельетонах, если хотят карикатурно изобразить капиталиста. Но говорил серьезно, убежденно, прижимая руку к груди:

— Поймите, мне ведь два обеда в день не надо. И два костюма одновременно я не надену. Для того чтобы хорошо жить, достаточно одного маленького предприятия. А я постоянно увеличиваю свое хозяйство. Во имя чего? Только для того, чтобы дать людям работу, чтобы сделать их счастливыми. Это приносит мне огромное удовлетворение, во имя этого я живу.

Спустя несколько дней мы поехали с Симуновичем на его предприятия. Ему хотелось показать, как умело организовал он производство, а мне хотелось посмотреть на осчастливленных им людей. Не стану подробно описывать технологический процесс убоя овец и разделки туш. Неэстетично. Скажу лишь о необходимом. Именно на производстве я убедился, что в главном Симунович прав: чтобы увеличить богатство, он работал головой. Я не видел, как он работает собственными руками. А вот головой... Судите сами.

Стадо овец медленно движется в загон сквозь узкую дверь. Здесь двое рабочих хватают по овце, забивают

их и туши бросают на конвейер. В нескольких шагах еще двое навешивают туши на движущиеся крюки и совершают первую операцию по разделке. Туши движутся, переходя из рук в руки, пока освежеванные, выпотрошенные, вымытые не попадают в холодильное помещение. По другим конвейерным путям идут шкуры, потроха, отбросы.

Чтобы увеличить производство, Симунович не стал ускорять ход конвейера. Он увеличил штат. Раньше на убой овец стоял один человек, а Симунович поставил двоих. И на разделку стало поступать ровно вдвое больше туш. И ровно вдвое быстрее пришлось работать всем остальным. Казалось бы, пустяк — увеличил штат только на одного человека, а производительность предприятия удвоилась.

Это результат работы головы Симуновича и рук рабочих. Я видел, как они работают. Как жонглеры. Движения молниеносны и точно рассчитаны. За их руками невозможно уследить. Их руки с ножами мелькали, как спицы в велосипедном колесе. А два огромных парня все забивали и забивали овец, и туши неумолимо двигались на людей. И стоял человек возле этих двоих, не то надсмотрщик, не то администратор, только затем, чтобы не дать им снизить темпа убоя. Он стоял и тупо смотрел на них, и под его взглядом те два парня бросали и бросали на конвейер обезглавленные туши, и казалось, будто они сыплются из необъятного бункера.

Восхищенно смотрел на эту картину Симунович, то и дело подталкивая меня локтем, чтобы и я любовался ею, чтобы в полной мере оценил плоды его труда. Из меланхолично-задумчивого, каким он был у себя дома, этот человек превратился в комок энергии. Он полностью включился в темп своего предприятия. С нестарческой поспешностью бегал от одного агрегата к другому, раздражаясь оттого, что я не тороплюсь за ним. В огромном складе-холодильнике поднимал и бросал на бетонный пол туши, чтобы я слышал, как они хорошо заморожены, стучал пакетами в целлофане друг о друга и шептал с придыханием: «Почки... мозги... языки... Это в Европу». Точно полоскал руки в высушенной и распушенной шерсти, растягивал мокрые обработанные шкуры: «Это тоже в Европу, в Италию...»

Потом позже, уже без Симуновича, я видел, как, отработав смену, шли домой рабочие. Шли молча, тяжело,

с упавшими на грудь головами, как идут каторжники. А у ворот с завистью смотрели на них десятка два безработных. Я видел их, стоявших у ворот, и в тот момент, когда шел вместе с Симуновичем. Они и на него смотрели. С мольбой и надеждой. Он их не заметил. Успокоившись, объяснял мне, что психологически готовится к трудным дням, которые неизбежно наступят. Ему заплатят лишь 10 процентов стоимости, а остальное с рассрочкой на двадцать лет. И он останется ни с чем, даже пенсию не дадут. И плоды его труда не достанутся сыновьям. Впрочем, за сыновей он спокоен. Оба они учатся в университете и будут твердо стоять на ногах.

Главное, что беспокоит, — это необразованность тех, в чьи руки попадет его добро. Надо ведь знать, как воспроизводить стада, какой процент молодняка оставлять для потомства. Надо очень много знать. Шерсть на мировом рынке все больше вытесняется синтетикой, и цены на нее падают. В прошлом году он продавал килограмм шерсти за 1,2 доллара, а в этом году — по 0,7 доллара. Надо внимательно следить за конъюнктурой мирового рынка. Как же с этим справятся пастухи и пеоны?

Симунович объяснял мне все это, как бы ища сочувствия и поддержки, подчеркивая, что не о себе заботится, а о людях. Он говорил как-то просяще, словно надеясь, авось я похлопочу за него и останется в его жизни все по-прежнему.

Я не стал хлопотать. Тем более что за его сыновей я тоже спокоен. Ведь доллары, которые платит ему сегодня Европа, он больше не вкладывает в производство. Сейчас он только продает, а доллары оседают на его счетах в иностранных банках. Такой «оригинальный» вид саботажа он избрал: ни килограмма мяса и шерсти на внутренний рынок, только за границу.

Посмотрев на несметные его стада, на ограды колючей проволоки, за которыми, как тихие волны, колыхались спины овец, я отправился на Огненную Землю. Хотел узнать, как ведется хозяйство на фермах, принадлежавших компании «Огненная Земля». Как, в самом деле, пастухи и пеоны управляют с делом.

Мы отправились вместе с известным чилийским писателем-коммунистом Франсиско Колоане и директором КОРА провинции Магальянес Америко Фонтано Гонсалесом (КОРА — государственный орган министерства

сельского хозяйства по проведению аграрной реформы).

На юге Чили — и в районах Последней Надежды, и на Огненной Земле, и во всей провинции Магальянес — Колоане знают не только потому, что он лауреат Национальной премии и его произведения включены в хрестоматии и школьные программы. Его знают лично, ибо здесь его родные места, где он был и пеоном, и пастухом, и моряком, и рыбаком, где охотился на китов и тюленей, где учился, и пешком исходил эти земли, и знает водные пути в бесчисленных фиордах, и бескрайнюю Патагонию, и дикие пампы, и индейские поселения острова Чилоэ.

Человек удивительного обаяния и большого писательского дара, горячо любимый людьми, он не упускал случая, чтобы не рассказать им о политике и делах коммунистической партии и правительства Народного единства. Его слушали, то затаив дыхание, то громко смеясь, то с гневными возгласами, когда речь шла о внутренней и внешней реакции. И подобная пропагандистская работа имела большое значение, ибо реакция в это тревожное время наращивала провокационную деятельность. Об этом подробно рассказал Америко Фонтано Гонсалес, голубоглазый светлый шатен, молодой и скромный, даже стеснительный. Он возглавлял один из острейших участков борьбы чилийского народа за свои права. Человек большой эрудиции и сильной воли, получивший специальное образование по технологии животноводства, отлично знающий все изменения в конъюнктуре на мировом рынке шерсти, твердый в решениях и добрый к людям, он так же, как и его друг Колоане, радостно встречался со скотоводами Огненной Земли, рабочими-нефтяниками, фермерами, пеонами. Из его рассказов я узнал многое.

Пять миллионов гектаров земли провинции Магальянес, занимающей самую южную часть земного шара, не подлежат обработке. Это камни, скалы, вечные снега, вечные льды. По четыре миллиона занимают леса и пастбища. Из трех с половиной миллионов гектаров пахотной земли два миллиона принадлежат частным лицам. Среди них и такие, как Симунович, и те, кого по нашей терминологии можно назвать бедняками, середняками, кулаками. И как только началась экспроприация крупных хозяйств, сработал заранее подготовленный механизм для контрудара. Началась продуманная, провокационная кампания реакции. Как чума, распространился по всей

Патагонии слух, будто землю, даже бедняцкую, отберет государство. Чтобы люди поверили в этот нелепый слух, были организованы налеты сверхлевацких элементов на частные земли, были спровоцированы кровавые столкновения, и все это раздутое, разукрашенное, расцвеченное лихой фантазией «Меркурио» и реакционной печатью Запада распространилось среди чилийских крестьян. И немало владельцев мелких и средних хозяйств, конечно же не подлежавших экспроприации, поверили. Одни из них заняли выжидательную позицию, другие стали лихорадочно сбывать продукцию своего труда, пусть даже по бросовым ценам, и едва ли кто думал о дальнейшем развитии хозяйства.

Предчувствуя не мнимую, а реальную угрозу, латифундисты бросились было сбывать землю и стада. Да кто же купит в такое смутное время? И оттого, что землю можно взять совсем по дешевке и никто не берет ее, тревога увеличилась.

...На Огненную Землю из Пунта-Аренаса мы летим втроем. Наняли маленький самолетик, и его владелец, добродушный летчик Леонидас Кобас, в знак особого уважения к советскому человеку, предложил без дополнительной оплаты показать с воздуха всю провинцию Магальянес. Нет, не города и поселки, а ее дикую природу.

Фиорды, фиорды, фиорды... Тысячи, тысячи островов, островков, скал. Вулканы, вечные снега, вечные льды, вечное безмолвие. Особенно низко летим над районом плавучих ледников. Величественно течет с гор самый большой глетчер. Пока были на высоте двух тысяч метров, казалось, что он широк, как Волга. Но вот мы совсем низко, идем на ледник, будто на посадку. Я сижу рядом с Кобасом, который говорит: «Ширина глетчера — пятнадцать километров. Толщина льда — до пятнадцати метров». Прозрачный и удивительно нежной голубизны лед иссечен, и образовались острые, как на исполинской пиле, зубья.

— Удобное для посадки место, — смеется Франсиско, а летчик делает разворот над этим глетчером, и мы летим над озером, где плывут льдины, спустившиеся с гор.

Берем курс на Огненную Землю. Где-то очень далеко снега и льдины создали фантастическую, но воспринимаемую совершенно реально картину. Будто в блеске солнца тянутся могучие крепостные стены, и сама кре-

пость, и нагромождение домов... Это западное побережье острова, самая его высокая гряда. Вблизи миражи рассеиваются, и кажется, что попали в Антарктиду.

А восточное побережье — степи, холмы. Где-то там и поныне бродят, точно отверженные, одиночки в поисках золота. Два океана омывают остров и властвуют так, как хотят. От них и льды, и нестерпимая жара.

Пролетев над Портвиниром — столицей Огненной Земли, приземлились далеко на юго-западе от нее на чистом поле, близ поселений скотоводов Камерона и Тимаукеля. Самолет попрыгал на кочках, подрулил к маленькому навесу и стал.

Полное разочарование. Какая же это Огненная Земля? Степь, степь да невысокие холмы. Прибывшая за нами машина выезжает на грунтовую дорогу, забитую кикенами — дикими гусями. Уступить дорогу они не хотят, поднимаются в воздух тяжело и ленно, буквально перед самым радиатором. Едем вдоль Магелланова пролива. На большой отмели длинная, полукругом низенькая каменная ограда. Ее построили еще индейцы. Во время отлива она задерживала рыбу.

Неизменная деталь чилийского пейзажа, как только выедешь за пределы города, — колючая проволока. Ею перегорожены поля, леса, перелески, гористая местность, вся земля. Это границы бывших частных владений. Проволокой расчерчена и Огненная Земля. И еще характерная черта пейзажа. На полевых дорогах обязательно встретишь пастуха на лошади, а за ним — запасную оседланную лошадь и несколько собак. Собаки умные, отлично несущие службу. Они остро чувствуют малейшие нюансы в свисте пастуха, и по его свисту легко управляют многотысячным стадом.

Животноводческая ферма Камерон, куда мы прибыли, лежала в ложбине. Небольшой разбросанный поселок. Изуродованный ветрами красный дуб. Повсюду сушатся овечьи шкуры. На специальных перекладах, на перилах моста, на деревьях. Раньше ферма Камерон принадлежала компании «Огненная Земля». Теперь — госхоз — государственное хозяйство. Им управляет исполнительный комитет из пяти человек, избранный на общем собрании. Председатель комитета Рауль Казанова, человек солидный, авторитетный. Два года он работал на образцовых фермах Новой Зеландии, изучая скотоводство и корма. Затем шестнадцать лет на Ог-

ненной Земле в качестве администратора маленькой фермы. Теперь ему доверено крупное хозяйство Камерона: 186 тысяч гектаров земли, 130 тысяч овец, 1700 коров — 460 лошадей. Членом исполкома и правой рукой председателя является старший пастух Альберто Баркес. Высокий, красивый, с большими баками, сильный человек. Опыта и ему не занимать. Из своих тридцати шести лет он двадцать два в скотоводстве. Член исполкома Мануэль Эляскес — фигура весьма ответственная — мастер по стрижке овец. Мастер высокого класса. Механик Ромон Вильегас ведает в исполкоме тракторами и автомашинами. Пятым членом исполкома является леон Ромон Баскес, человек энергичный, трудолюбивый, всеми уважаемый.

Мы сидели в здании исполкома фермы и беседовали о ее делах. На вопрос, не упали ли доходы после экспроприации, Альберто Баркес удивленно развел руки:

— Как же они могут упасть? Ведь все хозяйство и раньше мы сами вели. Только доходы в другое место шли.

— Понимаете, — вмешался в разговор Америко Гонсалес, — на этой ферме внешне почти ничего не изменилось. Зарабатывают люди столько же, сколько и раньше. Продукции дают не больше, хотя, конечно же, и не меньше. А по существу, здесь произошла революция. Главное в ней то, что люди стали людьми. Из одиночек, постоянно находившихся под страхом остаться без работы, неуверенных в будущем, они превратились в коллектив, имеющих собственное хозяйство. И весь коллектив о нем заботится. Впервые в жизни люди несут общественные функции. Созданы комитеты, отвечающие за состояние дорог, за бытовые условия, за рост поголовья. Человеку из Советского Союза, привыкшему к тому, что общественные функции несут сами же трудящиеся, видимо, трудно сразу оценить, как преобразило это людей, как подняло их достоинство и наполнило гордостью. На общее собрание идут как на праздник. А когда впервые на него пригласили женщин, впервые в жизни, и предложили им занять первые ряды, это было событие, равное рождению человека. Вы хотите видеть новое, — продолжал Гонсалес, — поедemте.

Мы поехали. В нескольких километрах от фермы — хозяйственные и складские здания, огромное помещение для стрижки овец. А чуть подальше среди деревьев —

два аккуратных домика. Это школьный интернат. Нас встречает учитель Эдуардо Соварсо. В интернате двадцать восемь детей. Вот спальня мальчиков. Аккуратно заправлены кровати, чисто, уютно. Спальни девочек в другом помещении. На одной из кроватей у подушки трогательно примостилась куколка с обиженным лицом.

Учебные помещения скромные, но повсюду чистота, на стенах детские рисунки, стенная газета.

Пять дней в неделю дети находятся в интернате, два дня — дома.

И все это на Огненной Земле, там, где властвовала «Огненная Земля». Интернат полностью содержится на государственные средства. Уже через полгода после победы Народного единства в 19 из 25 провинций Чили под контроль КОРА перешло 381 крупное имение. Свыше пяти тысяч крестьян получили землю. Темпы аграрной реформы нарастали. Для выкупа земли у латифундистов отпускались большие средства. Бюджет КОРА увеличился втрое и составлял более трех с половиной миллиардов эскудо. Эти деньги шли на выкуп земли для тридцати тысяч крестьян.

Я разговаривал со многими рабочими на нескольких фермах. И, пожалуй, лучше всех объяснил мне внутреннее состояние людей бывший объездчик диких лошадей Мануэль Симантрано. Ему пятьдесят восемь лет, но он крепок и ловок. Это старый приятель Франсиско Колоане, который нас познакомил и рассказал историю своего знакомства с Мануэлем. Объездчик охотился за дикими быками, и они вместо того, чтобы убегать, вдруг ринулись на него, забили рогами лошадь, и Мануэль оказался на земле. И то ли подумали быки, что он тоже мертв, то ли хотели показать человеку свое благородство, но они не тронули его. Вот тогда-то Франсиско и поехал к объездчику, чтобы подробнее расспросить об этой истории.

Мануэль сказал мне:

— Мы будем очень стараться, чтобы у нас все шло хорошо, будем стараться потому, что раньше доходы шли хозяевам «Огненной Земли», а теперь на оплату миллионов литров молока, что бесплатно получают все дети Чили, на бесплатные интернаты, на строительство ста тысяч квартир, на все, что улучшает жизнь народа.

На следующий день Франсиско Колоане показал мне запись в своем блокноте:

«Мы побывали на четырех фермах и у нефтяников Огненной Земли. Возвращались домой на большом пароме. Спускаться вниз не хотелось. Мы стояли на палубе. Была ночь, были огромные звезды, были воды Магелланова пролива. И на душе было хорошо».

Паром, на котором мы пересекали Магелланов пролив, шел в Пунта-Аренас. Это центр провинции Магальянес на самом юге материка. Отправлялись мы с большим опозданием. Было досадно — не успевали к началу собрания, на котором очень хотелось побывать.

Городское собрание коммунистов Пунта-Аренаса и тех, кто помогал им в избирательной кампании, было посвящено победе левых сил на муниципальных выборах. В нем участвовало человек двести. Вместе с Франсиско Колоане и переводчиками мы приехали в город, когда собрание уже началось. Устроиться тихонько сзади на свободных местах не удалось — Колоане здесь многие знали в лицо. Встретили его радостно, шумными аплодисментами, пригласили пройти вперед, в президиум. Когда люди утихли, председательствовавший объявил, что вместе с Колоане прибыл советский писатель.

И вот тут-то и произошло совершенно невообразимое. Зал гремел от аплодисментов и здравий в честь Советского Союза. Со всех сторон неслись возгласы, отчетливо выделялись слова «советико» и «коммунисти». Зал рукоплескал стоя.

Откровенно говоря, я растерялся. Надо было как-то унять бурю. И тут в голову пришла мысль, на которой хотелось бы остановиться. За рубежами нашей Родины бывают тысячи советских людей. Многие потом делятся впечатлениями, выступая в печати, по радио, телевидению. И о том, как их встречали, либо совсем не говорят, либо скороговоркой сообщают о теплых улыбках и рукопожатиях, торопясь при этом заверить, что вся теплота относилась не лично к ним, а к нашей стране.

Подобной оговорки можно бы и не делать за абсолютной очевидностью этой истины. Тем не менее люди стесняются рассказывать о проявлениях к ним симпатии. А мы ведь знаем, как встречают, например, в той же Латинской Америке представителей США. Не очень тепло встречают. В лучшем случае — безразлично. И это тоже характеризует отношение не к данному гражданину, а к строю его государства. Так пусть они стесняются сообщить о своих встречах за рубежом.

Когда на собрании в Пунта-Аренасе я лихорадочно думал о том, как остановить шквал приветствий, и пришла в голову эта мысль: «А почему надо мешать людям выразить свою любовь к нашей Родине, к народам нашей страны, к нашему образу жизни?» И еще долго не умолкали приветственные возгласы и рукоплескания. А когда собрание кончилось, трудно было уйти. Просто физически не отпускали. Задавали вопросы, жали руки, дружески хлопали по плечу. Или просто смотрели. Это тоже немало. Я видел их глаза. Так смотрят родные.

Но, может быть, это не показатель отношений к нам чилийцев? Это ведь было собрание только коммунистов и им сочувствующих. Нет, показатель.

На медных рудниках в скалах диких Кордильер, в пустыне Атакама и Сантьяго, на Огненной Земле и в обширных районах Патагонии — всюду, где довелось побывать, с удивительной теплотой и любовью встречали чилийцы советских людей.

Только выражалось это по-разному.

В Сантьяго я побывал на собрании чилийских писателей. На нем присутствовали участники «Операции правда» итальянский писатель Карл Левни, боливийский писатель Нестор Табоада Теран, испанский — Состре и другие. Гостей представили собравшимся. Как и положено в приличном обществе, их приветствовали аплодисментами. Не буду упирать на то, что советского представителя встретили с особой теплотой. Но я обратил внимание на рыжего человека, сидевшего поблизости от меня. Он был единственным, кто не аплодировал. Это-то и бросилось в глаза.

Первую речь произнес президент общества писателей Чили Луис Мериньо Райес. Когда он заявил, что абсолютно подавляющее число населения поддерживает правительство Народного единства, рыжий человек громко выкрикнул: «Это ложь!» И потом, на протяжении почти всей речи Райеса, он бросал реплики, вызывавшие возмущение собравшихся, требуя немедленно предоставить ему слово. И когда в ответ на заявление Райеса, что слова тот не получит, и зал одобрительно загудел, рыжий вскочил, закричал: «А я все равно буду говорить».

Говорить ему не дали. Первым бросился к нему романист и исследователь чилийского фольклора Диего Муньес, а за ним еще несколько человек. Рыжий отчаянно сопротивлялся, но под крики всего зала «вывести»

его вытолкали за дверь, а потом и вовсе вышвырнули на улицу. Собрание спокойно продолжалось. Когда оно закончилось, ко мне подошло несколько человек. Поэтесса Мария Христиана Менарес сказала:

— Извините, пожалуйста, за этот инцидент, он нам очень неприятен.

Кто-то из иностранных писателей заметил:

— А все-таки зря не дали ему высказаться. Ведь явно все собрание против него. Ну, и пусть освиистанным сошел бы с трибуны и не смог бы кричать потом, что нарушена демократия.

— Нет, нельзя было давать ему слова,— решительно возразила поэтесса.— Вы правы, что все собрание против него. И не желает его слушать. А он решил силой заставить нас подчиниться ему. Вот это вы считаете демократией?

Ее оппонент молчал.

— Нет,— вновь заговорила она горячо.— Мы хорошо знаем, о чем он будет говорить. Он выступает не только против единства, но и против всего прогрессивного, что сейчас проводится в стране. Так вот, демократия, по-нашему,— заглушить голос реакции. Подлинная демократия — это подчинение большинству.

Поэтессу поддержали все стоявшие рядом.

— И знаете,— как бы доверительно сказала она,— в этом инциденте есть еще одна сторона, может быть главная. Этот тип еще и ярый антисоветчик. И мы не желаем заставлять советского человека слушать клевету на Советский Союз.

Один из участников беседы заметил:

— Я вполне согласен с Марией. Любой реакционер, выступающий против нового строя, неизменно оказывается и антисоветчиком. И напротив, всякий антисоветчик рано или поздно проявляет себя как противник Народного единства. Поэтому мы не видим между ними разницы. А действия реакции еще более укрепляют нашу любовь к Советскому Союзу.

О том, как чилийцы относятся к нам, сужу по личным впечатлениям. Я не встретил в Чили уголка, где бы не проявлялась любовь к Советскому Союзу. Порой она принимала самые неожиданные и трогательные формы.

Путешествуя по Огненной Земле вместе с Франсиско Колоане и руководителем организации по проведению аграрной реформы Америко Фонтано Гонсалесом, мы

поздним вечером забрели в рабочий поселок нефтяников Весьентес. Зашли в дом знакомого Гонсалеса. Глава семьи Карен Дисто, на вид ему лет тридцать, работает механиком на государственном заводе по переработке нефти. Заводом это предприятие можно назвать лишь условно, ибо там всего сорок рабочих. Впрочем, предприятие механизировано и продукции дает много. Жена Карена Миста жизнерадостная молодая женщина, безработная художница.

В небольшой комнате, разделенной на две низеньким стеллажом, с маленькими креслицами и столиком, кроме хозяев, было трое их друзей, рабочих того же завода. Один из них, как и Карен, коммунист, двое — социалисты. В этот поздний вечер они сидели за учебником диалектики, на первой странице которого было написано: «Перевод с русского». Так за политической литературой, в спорах о будущем своей родины проводили не один вечер молодые люди.

Наш приход был встречен бурной радостью. Они сразу узнали Франсиско Колоане и радовались тому, что в их доме знаменитый писатель. А когда Америко сказал, что вместе с ним и человек из Советского Союза, люди просто растерялись. Какое-то время с удивлением и молча смотрели на меня, пока Миста не сказала:

— Этого не может быть.

И тут все пришло в движение.

— Садитесь, вот сюда садитесь...

— Нет, вот здесь будет удобнее.

— Как же так, боже мой...

Миста вдруг стала наводить порядок на стеллаже, поправлять скатерть. Двое убежали на кухню. На столе появилось вино, а в руках красивого парня с пышными бакенбардами — гитара.

...Мы сидели до глубокой ночи. Как ни старался я говорить о Чили, разговор шел о Советском Союзе. Когда я сказал об этом, Карен улыбнулся и очень убежденно, как-то душевно ответил:

— Мы ведь ничего не знаем о вашей великой стране. Говорите, пожалуйста, мы просим вас.

— Так уж и ничего? А радио вы слушаете?

— Слушаем. Но Советский Союз нам трудно ловить. Мы каждый день слушаем Америку, и каждый день не верим.

...Паром через Магелланов пролив, который нам пред-

стояло пересечь, отходил в четыре утра. И хотя до пристани было недалеко, Карен куда-то убежал и вернулся с двумя машинами. Это были повсеместно распространенные на Огненной Земле, да и в других городах Чили, широкие полугрузовики «форд», с кабиной, рассчитанной на трех человек.

Когда пришло время прощаться, Миста отвела мужа в сторону. По глазам было видно, что она просит о чем-то. Улыбаясь, он утвердительно и радостно закивал и направился к маске клоуна на стене. Это была удивительная маска, на которую я обратил внимание, как только вошел в дом. Удивительное заключалось в том, что широко улыбающийся клоун готов был вот-вот расплакаться. То ли оттого, что я видел маску с разных ракурсов, то ли от освещения, но в какие-то минуты казалось, будто он только улыбается. А всмотришься — и видишь, какое большое горе на душе у этого человека, и неизвестно, хватит ли дальше сил балагурить, и хлынут сейчас слезы, и он забьется в истерику.

Маску создала Миста из черной марли. Сначала вылепила заготовку, накрыла ее марлей, пропитанной сильно вяжущим веществом, потом растягивала складки, делала морщинки, накладывала мазки золотой краской. Когда марля отвердела, ее сняли с заготовки. Я не знаю, можно ли назвать эту маску произведением искусства, но смотреть на нее хочется долго. И не сразу уходят мысли о судьбе этого человека. Видимо, дольше, чем надо, смотрел я на него...

Карен снял со стены барельеф, а Миста тщательно завернула его в крафт-бумагу и подошла ко мне:

— Это в память об Огненной Земле.

Когда Карен еще снимал маску, я понял намерение супругов и твердо решил не брать такого подарка, тем более что Карен сказал:

— Это любимое творение Мисты.

Попытался как можно убедительно объяснить, почему отказываюсь. Но Миста сказала:

— А вы не можете решать, брать или не брать. Это Огненная Земля посылает Москве. А у вас пусть он на хранении будет, и напишите мне, как будет себя чувствовать. Я ведь действительно очень люблю его.

...Машину, в которой мы ехали с переводчиком, вел Карен Дисто, вторую, с Колоане и Гонсалесом, — его друг. Было темно до черноты. Шел дождь. Всю дорогу

Карен сокрушался: «Ну, как же можно, всего на несколько часов. Что я завтра скажу товарищам по ячейке? Обидятся, почему не позвал».

Заводская ячейка коммунистов состоит из девяти человек. Почти каждый четвертый рабочий — коммунист. В те дни они готовились к созданию организации единого действия. Такие организации создавались повсеместно на предприятиях, в учреждениях, деревнях, учебных заведениях. Их было уже тысячи и тысячи.

Комитеты единого действия, созданные в период подготовки к президентским выборам, сыграли немалую роль в победе левых сил. Количество этих организаций умножилось к муниципальным выборам, где окончательно утвердилась их дееспособность. Теперь функции их расширились.

...У пристани выяснилось, что паром задерживается минут на сорок.

Карен говорит:

— Это бывает не так уж редко. Течение очень капризно. Оно достигает двадцати километров в час, при ветре до ста километров, да еще дважды в сутки меняет направление. А во время прилива уровень воды поднимается на двенадцать метров. И ничего удивительного, — улыбается он. — Ведь сюда устремляются, здесь сталкиваются воды двух океанов. И неизвестно, какой из них сильнее и свирепее.

Карен достал из-за сиденья большой термос и чашечки. Это предусмотрительная Миста снабдила на всякий случай чаем.

Дождь не утихал. Мелкий, густой, тоскливый. Свет от фонарей увязал в нем и не пробивался на пристань. Волны были черными.

Мы сидели в кабине и пили чай. Карен рассказывал. Этот остров Магеллан назвал Огненной Землей потому, что, проходя мимо него по проливу, увидел множество огней. Должно быть, горел газ. А теперь здесь один из главных источников чилийской нефти. Большие ее запасы обнаружены на дне Магелланова пролива. Но ставить вышки на таком коварном проливе невозможно. Поэтому к ней подбираются через наклонные штреки, идущие с берега.

Карен с гордостью рассказывал, как впервые в Чили была обнаружена нефть. Два года ее искали немецкие и французские специалисты, но нашел нефть чилийский

инженер Эдуардо Симен и вовсе не там, где искали иностранцы. Это был довольно популярный человек, хотя его подлинное имя знали немногие. Он был известен больше по кличке «Осьминог», которой удостоился как непревзойденный футбольный вратарь.

Нефть он обнаружил 28 декабря, а этот день соответствует нашему первому апреля. Поэтому никто ему не поверил. И только на следующий день открытие Симена признали.

Карен оборвал свой рассказ, словно спохватившись, и снова заговорил о Советском Союзе. Его теперь интересовало, как в нашей стране относятся к событиям в Чили, к их новому строю, как расценивают у нас положение на его родине. Ему было очень важно знать это. Он так и сказал: «Мне необходимо сообщить товарищам по ячейке точку зрения Советского Союза». Мое замечание о том, что могу высказать лишь свою точку зрения, поделиться личными впечатлениями, он пропустил мимо ушей. Слова советского человека он воспринимал чуть ли не как официальное заявление нашего правительства. И принимал эти слова с огромным уважением, радостью, даже с гордостью.

...Огненная Земля, Патагония, Последняя Надежда, Магелланов пролив... Что-то бесконечно далекое, романтическое, таинственное...

Так, возможно, воспринимали чилийцы и мою Родину на другом берегу океана. Но всем своим существом они вместе с нами. Как и для нас стали дорогими и близкими их родина, их судьба.

В ход пущены танки

Каждое поражение реакции заканчивалось тем, что она строила новые планы военного переворота.

Очередной план состоял в следующем. 26 июня 1973 года силами «Патриа и либертад» организовать в Сантьяго террористические акты и массовые беспорядки, которые можно было бы использовать как повод для выступления армии. Рано утром 27 июня направить к загородной резиденции Сальвадора Альенде пять танков в сопровождении солдат, окружить ее, арестовать президента и посадить его в казарму под усиленную

охрану. В тот же день уволить командующего войсками генерала Карлоса Пратса, направить танки к президентскому дворцу Ла Монеда, захватить дворец и совершить государственный переворот.

План четкий и ясный. Для каждой акции подобраны исполнители. По этому плану все и пошло. 26 июня в столице начали буйствовать отряды «Патриа и либертад». «Меркурио» выступила с призывом низвергнуть наконец правительство. Но к тому времени государственным органам стали известны некоторые факты о готовящемся мятеже. Нити вели к одному из участников заговора капитану Роче. В ночь на 27-е он был арестован. Через короткое время был взят под стражу еще один предатель — капитан Раймонд, а командир второго бронетанкового полка, расположенного неподалеку от президентского дворца, майор Роберто Супер, предупрежден об отстранении от должности.

При таких обстоятельствах заговорщики поняли, что любое промедление, бесспорно, приведет к полному их разоблачению. 28 июня поздно вечером майор Супер явился в полк и сообщил о своем отстранении от должности. Несколькими часами позже, в ночь на 29-е, он поднял полк по боевой тревоге и приказал готовиться к выступлению.

В семь утра Роберто Супер собрал офицеров полка, поблагодарил их за службу и приказал начать выступление. Солдатам объявили, будто они идут освобождать своих незаконно арестованных командиров Роче и Раймонда. Предупредили, что неподчинение приведет к суду военного трибунала. В казармах полка было оставлено лишь одно подразделение для охраны.

В 8 часов 45 минут утра колонна танков и солдат второго мотомехполка под командованием майора Супера появилась на площади Конституции. Часть из них направилась к дворцу Ла Монеда, остальные к зданиям Главного управления карабинеров и министерства обороны, расположенным вблизи площади.

Майор Супер предложил гражданскому персоналу дворца и шестидесяти карабинерам, охранявшим его, сложить оружие и немедленно покинуть резиденцию президента.

Верная долгу и родине, охрана дворца под стволами наведенных на Ла Монеда танковых орудий, с негодованием отвергла предательский ультиматум Супера.

Тогда по его приказу танки открыли пулеметный огонь по дворцу. Одновременно раздались выстрелы с крыш близлежащих высотных зданий, где засели террористы из «Патриа и либертад», накануне объявленной вне закона. Грянули ответные залпы из-за стен дворца. Взвился на флагштоке президентский флаг, как символ верности правительству Народного единства.

Мятежников еще не подпустили и к дворцовым воротам, а реакционные радиостанции Чили оповестили мир о захвате Ла Монеда вооруженными силами. Должно быть, чтобы не опоздать, корреспондент Ассошиэйтед Пресс передал: «Насколько известно, войска захватили здание дворца».

Тут же поставленные в известность Сальвадор Альенде и лидеры Народного единства предприняли энергичные и самые решительные шаги. Непосредственное руководство подавлением мятежа взял на себя командующий войсками генерал Карлос Пратс. Президент и руководство Единого профсоюзного центра обратились по радио с призывом к народу. По всей стране было объявлено чрезвычайное положение. Всем радиостанциям Чили было приказано прекратить какие бы то ни было передачи и транслировать только сообщения национального радио. Станции, отказавшиеся выполнить правительственное распоряжение, были немедленно закрыты.

Всем существом восприняв слова главы государства и руководства профсоюзного центра о нависшей опасности, трудящиеся Сантьяго и других городов, точно боевые подразделения, встали на охрану своих предприятий и учреждений, заняли почту, телеграф, радио, телестудии, телефонные станции. Взяли под свой контроль аэродромы, дороги и другие жизненно важные центры. Это была внушительная демонстрация верности рабочего класса и всех трудящихся правительству Народного единства.

Тем временем генерал Пратс, проинструктировав войска, повел их на подавление мятежа. По его приказу полк «Такна» начал окружать мятежников. Перестрелка в районе дворца Ла Монеда продолжалась сорок минут. Часть мятежников сдалась, остальные начали отступать. Дольше других сопротивлялись танки, но лишенные поддержки вынуждены были вернуться в свою часть, которая уже была занята подразделениями полка «Такна».

Экипажи танков разоружили, а майора Супера арестовали.

Несколько танков, покинув площадь, пытались провратиться за черту города, но их остановили. Пять бронированных боевых машин находились еще на площади, когда к ним направился генерал Пратс. Четыре командира танков тут же сдались командующему, а пятый, пытавшийся выстрелить в него, мгновенно был разоружен офицером охраны.

Во время мятежа погибло 22 человека, в том числе 5 гражданских лиц. Среди них три журналиста — из Аргентины, Швеции и Чили.

В 11 часов 45 минут во дворец Ла Монеда прибыл президент Сальвадор Альенде. На площадь Конституции начал шумно стекаться народ. Толпы людей дружно скандировали: «Смерть заговорщикам!», «Власть народному правительству!»

Так закончилась еще одна попытка реакции силой захватить власть. На этот раз — силой танков. Главарь «Патриа и либертад» Пабло Родригес и некоторые его сподвижники скрылись в иностранных посольствах.

Вечером у президентского дворца состоялся многотысячный митинг. Окруженный руководителями партий Народного единства, лидерами левых массовых организаций, выступил с дворцового балкона президент Сальвадор Альенде. Его речь была выслушана с воодушевлением и всеобщей поддержкой. Президент, в частности, заявил, что Чили будет продолжать выполнение программы коренных изменений в условиях демократии и свободы. «Однако это не означает, — подчеркнул он, — что мы примиримся с подрывными фашистскими элементами».

В заявлении Политкомиссии ЦК Компартии Чили говорилось, что мятеж является акцией предателей, использовавших предназначенное для национальной обороны оружие против собственной армии, против законного правительства, против народа и против независимости страны. В союзе с этими перебежчиками действовали фашистские группы, занимающиеся проведением террористических акций. Была пролита кровь военнослужащих и трудящихся, сделана попытка развязать гражданскую войну.

В те дни газета «Эль Сигло» писала, что происшедшее событие нельзя рассматривать как изолированный акт. Мятеж является частью античилийской подрывной эска-

ляции. Нельзя скрыть прямой ответственности руководителей национальной партии, банды «Патриа и либертад», мятежной прессы и радио. Существует также связь, указывала газета, между фашистским разгулом и коррупцией Верховного суда, который осмелился бросить вызов стране, оставляя безнаказанным любое совершаемое преступление.

С чувством глубокого негодования советские люди узнали о провокационном мятеже. В те дни, обращаясь к президенту Чили Сальвадору Альенде, советские руководители писали:

«Восхищены вашими мужественными и решительными действиями по пресечению враждебных правительству Народного единства акций реакционных сил. В этот сложный период, переживаемый мужественным народом Чили, от имени советского народа выражаем братскую солидарность с Вами и правительством Народного единства.

Уверены в том, что никакие происки и замыслы реакции не остановят стремление дружеского чилийского народа к осуществлению прогрессивных социально-экономических преобразований, к укреплению независимости своего государства».

В ответной телеграмме на имя Леонида Ильича Брежнева президент Чили писал:

«С волнением благодарю за послание и братскую поддержку, которую Вы выразили мне от имени наших советских товарищей, еще раз подтвердив неизменную солидарность вашей страны с начатым чилийским народом с железной революционной решимостью процессом национального освобождения...

Ваше послание, товарищ Брежнев, приобретает для нас особо важное значение, так как оно выражает чувство советского народа, который снискал историческое признание всех тех, кто борется за освобождение наших стран и за достоинство человека, особенно в тех районах земли, где еще сохраняется эксплуатация человека человеком. Эта новая победа Чили должна быть достойно отмечена в великом списке замечательных побед во имя мира во всем мире и окончательного поражения империализма.

Вас обнимает с революционным волнением Сальвадор Альенде Госсенс, Президент Республики Чили».

...Свергнуть правительство при помощи забастовоч-

ного движения, которое взяло бы начало на «Теньенте» и распространилось на всю страну, не удалось.

Рухнули планы низвергнуть правительство и средствами массового террора и еще одной попыткой военного мятежа.

Каждый натиск, каждый массированный удар реакции неизбежно отражался на условиях жизни народа. Правые и крайне реакционные партии, накопившие большой опыт подавления свободы, «обогащали» его все новыми методами.

Антинародным силам противостояли коалиция левых партий и общественных организаций, рабочий класс Чили, все честное трудовое население, хорошо разобравшееся в том, кто подлинный друг, а кто враг. Это и помогало выносить огромные лишения.

Провал военного мятежа в июне 1973 года, на который реакция возлагала, казалось бы, последние надежды, не остановил ее. Она решила вернуться к уже испытанному ею средству, но применить его более беспощадно и более широко.

Главный вид транспорта Чили — автомобильный. Сплошным потоком шли мощные многотонные грузовики по дорогам страны, протянувшейся вдоль берегов океана и горных хребтов более чем на четыре тысячи километров. Шли машины, груженные медью, сырьем для заводов и фабрик и их готовыми изделиями, продуктами питания и предметами первой необходимости для населения. В автоцистернах, размером порой больше железнодорожных, перевозились бензин, знаменитое чилийское вино, молоко. Пассажирское сообщение в городах и между городами осуществлялось главным образом на автобусах.

Остановить автотранспорт Чили — значит остановить жизнь страны. Реакция уже пробовала это сделать в октябре 1972 года, и удар по национальной экономике оказался весьма ощутим. И вот спустя почти год она решила повторить испытанный прием, но с неизмеримо большей силой.

Основная масса машин находилась в частных руках. Значительная часть их владельцев состояла в объединении, которое возглавлял ярко выраженный фашист Леон Вильярин. В объединение входили и те, кто имел одну-две машины, и те, кто владел целыми парками в 20 грузовиков.

26 июля 1973 года, менее чем через месяц после военного мятежа, Вильяри организовал забастовку пятидесяти тысяч владельцев грузовиков и автобусов. Опустели дороги, остановилось движение на автобусных линиях, не вышли из парков многие такси. Эта акция, представлявшая грубейшее нарушение национального законодательства, была взята под защиту оппозиционным большинством в Национальном конгрессе.

Далеко не все владельцы транспорта и водители поддались на провокацию. Патриотическая организация транспортников МОПАРЕ отказалась участвовать в забастовке. На нее и направила главный удар реакция. Решила создать такие условия, при которых они все равно не смогли бы работать. Началось блокирование всех путей и дорог. Вооруженные банды из «Патриа и либертад» нападали на машины, поджигали их, обстреливали, разбрасывали на дорогах пластиковые бомбы и металлические шипы, перерывали дороги, взрывали мосты, избивали водителей, убивали их.

Реакция пыталась блокировать и заправочные станции, перекрыть все пути движения горючего. Блокировать тем же способом — диверсиями. Террористы разрушали беизоколонки, взрывали нефтепроводы, железные дороги. За две недели было совершено 270 террористических актов.

Из-за трудностей в подвозе сырья и топлива до сорока процентов предприятий работало лишь на четвертую часть своей мощности, в том числе крупнейший в стране сахарный завод «Иваиса» и заводы молочной продукции. Семена и удобрения не доставлялись на поля, что ставило под угрозу весенний сев. Гибли добытая рыба и другие скоропортящиеся продукты. В ряде мест без кормов остался скот. Крупные потери несла решающая отрасль промышленности — медиорудная.

Для нормализации положения с транспортом во все 25 провинций страны были направлены специальные уполномоченные, наделенные широкими правами. 10 августа саботажникам в ультимативной форме предложили возобновить работу транспорта в течение сорока восьми часов. Как сообщало Ассошиэйтед Пресс, уже через сутки восемь тысяч владельцев автотранспорта выпустили свои машины на линии.

При бешеном сопротивлении реакции началась реквизиция транспорта саботажников, отказавшихся вы-

полнить распоряжение правительства. Они разряжали аккумуляторы, выводили из строя важные детали, создавали «лагеря по охране» своих парков.

14 августа с обращением к народу выступил по радио и телевидению Сальвадор Альенде. Президент сделал анализ происходящих событий, раскрыл подлинный антинародный политический характер забастовки, сообщил данные, показывающие, какой урон она принесла национальной экономике. Приведя факты о действиях террористов, повлекших к человеческим жертвам, президент сказал: «Это фашизм в действии».

Для быстрого восстановления работы транспорта правительство создало оперативный комитет в составе министров внутренних дел, национальной обороны, общественных работ и транспорта, экономики, горнорудной промышленности и генерального секретаря правительства.

Мероприятия правительства активно поддерживались народом. Бензозаправочные станции, базы автотранспорта МОПАРЕ были взяты под вооруженную охрану. Автомашины формировались в колонны, также сопровождаемые вооруженной охраной. Повсеместно добровольцы, молодежь патрулировали дороги, наблюдали за порядком в местах скопления автомашин. Особенно трудные дни переживали водители из патриотического движения транспортников МОПАРЕ. Они работали по 14—16 часов в сутки, делая лишь короткие перерывы для сна и еды.

Вопреки яростному сопротивлению реакции повсеместно шла реквизиция машин. Функционировать в первую очередь начал автобусный транспорт. На многих реквизированных грузовиках стали работать добровольцы. Грузовики и автобусы, выпущенные на линию, охранялись рабочими, которых выделял Единый профсоюзный центр страны.

Незаконная забастовка владельцев грузовых машин, бесчисленные террористические и диверсионные акты в столице и во многих городах страны, военный мятеж, спровоцированные беспорядки и столкновения на улицах, расширение «черного рынка» и множество других антинародных акций создали большие трудности в снабжении населения продуктами питания и предметами первой необходимости. К этому добавилось еще кое-что.

Международный империализм при помощи своих

научно-исследовательских центров десятилетиями разрабатывал и совершенствовал методы лживой пропаганды и одурманивания людей. И все это «богатство» чилийская реакция взяла на вооружение. Один из методов заключался в том, чтобы, ухватившись за какой-либо достоверный или правдоподобный факт, нанизать на него, подтасовать к нему любые небылицы, и люди поверят, ибо первый факт — они это знают — соответствует истине.

Учитывая трудности в снабжении населения и нехватки в этой связи некоторых продуктов, во много раз преувеличивая подлинные трудности, созданные самой же реакцией, она не забывала об уроках, преподанных ее зарубежными собратьями. Вот как это делалось.

Выше сообщалось о том, что в связи с забастовкой владельцев грузовиков в 1972 году и других незаконных акций погибло, в частности, 10 миллионов литров молока. И вот несется оглушительный, ни на час не прекращающийся вопль на всех волнах и частотах реакционных радиостанций, по всем программам их телевидения: правительство обещало каждому чилийскому ребенку ежедневно и бесплатно пол-литра молока. Пусть ответят миллионы детей, получили ли они вчера и сегодня хоть один грамм.

Что касается молока, действительно, реакции удалось, чтобы в дни забастовки и беспорядков оно доставлось далеко не всем детям. Но валя вину за это на правительство, враждебные народу рупоры кричали: да разве только молоко осталось лишь обещанием — и пошла клевета, уже не прикрытая и фиговым листком. Безудержная, наглая, масштабная, зацепившаяся за факт с молоком, в расчете, что факт подлинный, а по чьей вине нет молока, не все разберутся. А коль подлинный — значит, и все остальное правда.

Правительство, строго придерживаясь конституции, принимало все меры к тому, чтобы разрядить напряженность, готово было пойти на определенные уступки, не носящие, естественно, политического характера. Однако «экономические» требования для Вильярина и его вдохновителей были лишь ширмой, плохо скрывавшей их подлинные политические цели.

В течение десяти дней власти, проявляя максимум терпения, ежедневно встречались с руководителями конфедерации хозяев автомобильного транспорта для

решения вопроса о возобновлении работы всего автопарка.

Начиная забастовку, ее организаторы выдвинули шесть требований. Спустя короткое время прибавилось еще одно. По мере того как представители власти выражали готовность удовлетворить их, количество требований все нарастало и дошло до четырнадцати. В результате длительных и трудных переговоров было, наконец, найдено решение всех проблем и на 24 августа назначено официальное подписание заранее подготовленного и полностью согласованного акта о прекращении забастовки.

Подобное решение разбивало планы реакции, направленные на свержение правительства. И Вильярин выдвигает новые махрово-реакционные политические требования, не имевшие ничего общего ни с объявленными ранее целями забастовки, ни с точкой зрения многих втянутых в нее водителей. Вильярин потребовал, чтобы президент одобрил предложенную оппозицией в парламенте конституционную поправку о трех формах собственности и организации экономики. Эта реформа означала бы возврат многих предприятий прежним владельцам. Он также потребовал принятия правительством закона об аграрной реформе, которая давала бы возможность бывшим латифундистам вернуться на экспроприированные у них земли в качестве хозяев. Иными словами, Вильярин требовал, чтобы правительство отказалось от главных достижений Народного единства, от основы основ своей программы.

Он заявил, что соглашение между правительством и владельцами грузовиков должно быть оформлено в виде закона, а это требовало пять кругов «чтений» и обсуждений в Национальном конгрессе, на что ушло бы до двух месяцев. Каждый же день саботажа, выдаваемого за забастовку, наносил стране убыток в 200 миллионов эскудо.

Новые требования Вильярина сопровождались невиданным еще ранее разгулом террора и диверсий, организованного им при помощи фашистских «Патриа и либертад» и «Роландо Матус». Подобная подрывная деятельность дала властям все основания привлечь Вильярина к ответственности за нарушение закона о внутренней безопасности государства. Но реакция не боялась этого. Ведь в высших судебных органах окопались ее

надежные агенты. И председатель апелляционного суда Эмилио Уллоа, как один из них, грубо и нагло попирая закон, отпустил Вильярина на свободу под залог. В переводе на наши деньги — под залог в полтора рубля.

Подобные действия давали возможность совершать новые акции террора и диверсий. И они начались.

Чтобы остановить поток добровольцев, севших за руль автомашин, предоставленных государством, забастовщики организовали вооруженные банды, которые обстреливали автоколонны, поджигали и взрывали машины. Эти банды воздвигли баррикаду на дороге Сантьяго — порт Сан-Антонио, по которой шли основные потоки продовольствия в столицу. Две вооруженные банды перерезали пути из Сантьяго в крупнейший порт Вальпарайсо и на Талаганте. Таким образом, была совершена попытка блокировать столицу, полностью отрезать ее от важнейших центров страны и источников продовольственного и сырьевого снабжения. К тому времени в Сантьяго оставалось всего 800 тонн зерна, что составляло немногим более 300 граммов на человека. Учитывая критическое положение, рабочие порта и железнодорожники Сан-Антонио, работая сутками, разгрузили два судна с зерном и отправили в столицу первый хлебный эшелон по железной дороге. Но он застрял в самом начале пути, так как фашиствующие банды взорвали железнодорожное полотно в 30 километрах от Сан-Антонио.

За неделю до этого, в конце августа, группа военных моряков атаковала радиостанцию Вальпарайсо, захватила ее и обратилась к населению и армии Чили с призывом не подчиняться властям.

Ко всему комплексу огромных трудностей, созданных реакцией внутри страны, надо добавить множество судебных процессов, возбуждаемых иностранными монополиями, блокирование чилийской меди, пиратские захваты ее, прекращение кредитов, предусмотренных договорами, и многие другие акции, совершавшиеся за рубежом, чувствительно подрывавшие экономику Чили.

Монополии, латифундисты и их партии отставили на задний план собственные противоречия и пусть не организационно, но объединились в единую мощную силу, обладавшую для антинародной борьбы огромными капиталами, 70 процентами средств массовой информации страны, оружием и весомой поддержкой своих собратьев из-за рубежа.

Составлявших мозговой центр внешней и чилийской реакции, где отключены все его отделы и клетки, ведающие честью, совестью, гуманностью, тоже нельзя считать собранием недорослей. Это матерые короли бизнеса, могущественные представители кланов, ведущих изощренную борьбу на международной арене с себе подобными конкурентами, набившие руку на угнетении народов и подавлении их свободы, не ограниченные понятиями человеческого достоинства при выборе методов борьбы.

Какие же удары, наносимые одновременно с разных сторон со все нарастающей силой в самые болевые точки, в самые жизненно важные центры государственного организма, выдерживало Народное единство!

Выдерживало и побеждало. Для американского империализма и монополий это уже была борьба не только за Чили. Окончательная победа народов в этой схватке угрожала колонизаторам куда большими потерями на всем континенте, о чем не скрывая и не раз говорили ведущие государственные деятели США. И кроме новых миллионов долларов, на борьбу против законного правительства Чили направляются целые армии американцев от рядовых провокаторов и убийц до лощеных дипломатов. Разрабатывается новый план свержения правительства, куда более жестокий и подлый. Он содержал по меньшей мере три главных раздела.

Первый. Продолжать во все нарастающих масштабах сеять панику среди населения, увеличивая число террористических и диверсионных актов, дезорганизовывать работу предприятий, не прекращать забастовку владельцев грузовых машин и, чтобы остановить весь государственный транспорт, взрывать мосты, выводить из строя дороги, нефтепроводы, обрекать народ на голод.

Второй. Расколоть единство рабочего класса, оторвать и поставить себе на службу наименее сознательную ее часть, натравить друг на друга людей одного класса, одинаково чуждых интересам монополий, противопоставить друг другу различные слои трудящихся и разжечь между ними борьбу.

Третий. Расколоть вооруженные силы, подобрать из их верхушки главарей, которые бы могли во имя интересов капитала совершить мятеж, возглавить его и силой современного оружия свергнуть правительство.

Однако два первых раздела носили «вспомогатель-

ный» характер. Потерпев поражение на президентских выборах, а затем еще более чувствительные провалы на муниципальных и парламентских выборах, убедившись, что население поддерживает Народное единство и расколоть ряды рабочего класса не удастся, реакция все свои усилия направила на военный переворот. В ее арсенале оставалось единственное и главное средство фашизма — оружие. Только кровь тысяч людей, только массовый, безудержный террор и поголовное истребление всех сопротивляющихся могли привести к захвату власти. На этот путь и встала реакция.

Чилийская армия, одна из самых мощных в Латинской Америке, насчитывавшая около 80 тысяч хорошо вооруженных и обученных людей, стала для империализма тем эффективным орудием насилия, с помощью которого он решил рассчитаться с Народным единством.

Еще до окончательного утверждения Альенде на пост президента реакция проложила в армии свой первый кровавый след, убив командующего Рене Шнейдера. Эта акция по замыслу ее вдохновителей являлась отправным пунктом плана военного переворота, однако, рассчитанный в конкретных действиях, он не учитывал реального соотношения социальных и политических сил как в армии, так и во всей стране в целом и был обречен на провал.

Политическая история Чили в целом складывалась без вмешательства военных. Как уже отмечалось, более сорока лет чилийская армия не предпринимала военных переворотов, столь характерных для Латинской Америки. Такая стабильность была чрезвычайно выгодна и удобна чилийской олигархии, твердо стоявшей у власти и полностью контролировавшей положение в стране с помощью парламентского механизма.

В обстановке роста прогрессивных настроений она всячески поощряла и рекламировала позицию «аполитичности» армии с целью предотвращения нежелательного влияния извне на младших офицеров, социальный состав которых был разнороден, а также на солдатскую массу. Гарантом этого порядка являлась конституция, по которой политическим партиям категорически запрещался доступ в вооруженные силы.

На самом деле доктрина «аполитичности» существовала лишь формально и отнюдь не означала, что чилийская армия стоит вне политики. Будучи орудием правя-

щего класса, она всеми корнями была связана с его идеологией и служила его интересам. Поэтому и выгодно было буржуазному и реакционному режимам провозглашать «нейтральность» армии.

«Не втягивать армию в политику,— говорил В. И. Ленин,— это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику».

Поддерживая политическую линию своих правителей, чилийская армия не раз самым безжалостным образом подавляла негодные ей народные выступления. Примером таких расправ может служить бойня в портовом городе Икике в 1907 году, когда в ответ на мирные просьбы селитряных рабочих, пришедших из пампы, был открыт пулеметный огонь, уложивший намертво 2600 человек, или массовый расстрел горняков в Коруне в 1925 году, когда регулярные войска направили против демонстрантов жерла крупнокалиберных пушек.

Подобных прецедентов немало на счету «аполитичной» чилийской армии, устроившей в наши дни зверскую расправу над соотечественниками.

В момент прихода к власти Народного единства политическая ориентация военных была довольно разнообразной. Однако, по данным социологических исследований, значительное их большинство стояло за прогрессивные преобразования, позволившие бы сдвинуть экономику страны с кризисной точки. К тому же в среде офицерства был довольно силен «конституционный сектор» во главе с командующим К. Пратсом, всячески поддерживавшим в ее рядах принцип подчинения законности и демократическому правопорядку. Он был, бесспорно, сторонником национальной независимости страны, считал, что долг армии не только в защите «географических границ». «Разве можем мы,— заявил Пратс в интервью журнала «Эрсилья» в 1972 году,— оставаться безучастными к судьбе нашей меди, главного источника укрепления нашей национальной обороны, которой угрожают международные тресты? Во всем этом вооруженные силы исходят из соображений национальной безопасности».

Позиция Пратса и его сторонников находила самый положительный отклик у президента республики Альенде, который, являясь в соответствии с конституцией главнокомандующим вооруженных сил Чили, прилагал

много усилий к установлению здоровых контактов между армией и правительством.

Таким образом, в 1970 году, когда армию возглавил Пратс, ничто не предопределяло роковую неизбежность военного переворота. Нужна была сила, обладающая огромным арсеналом подрывных средств, чтобы направить армию в одно, контрреволюционное русло.

Сегодня ни для кого не составляет секрета, что источником такой силы явились органы исполнительной власти США. Факты, неоднократно приводившиеся в печати, доказывают, что военную хунту Чили выпестовали, подготовили и вооружили Пентагон и ЦРУ.

С 1952 года вооруженные силы Чили находились под пристальным покровительством Соединенных Штатов, включавшим не только щедрые военные кредиты, но и глубокую идеологическую обработку всех звеньев офицерства — от низшего до высшего уровней.

Наивно предполагать, что бесчисленные советники и инструкторы, наводнившие чилийскую армию, занимались исключительно выполнением своих формальных обязанностей. Не только стратегию и тактику осваивали чилийские генералы и офицеры, стажировавшиеся на военных базах США. В одном Форт-Гулике — военно-учебном американском центре в зоне Панамского канала — обучались 1880 чилийских офицеров. Шестеро из них участвовали в разработке плана путча для Пиночета.

Еще задолго до прихода к власти Альенде и его сторонники рассматривались как представляющие главную опасность интересам США и Чили. Достаточно сказать, что за 12 лет, вплоть до установления Народного единства, на «битву за предотвращение прихода к власти левых сил» ими было затрачено до одного миллиарда долларов из «общественных фондов».

Параллельно Пентагон и ЦРУ осуществляли заблаговременный выбор наиболее продажной, готовой к диктаторской роли фигуры. Как показало время, они не ошиблись в выборе. Из четырех главарей хунты трое были подготовлены в Вашингтоне. Это генерал Пиночет, бывший в течение десятилетия военным атташе посольства Чили в США, и его помощники — военно-воздушный атташе генерал Ли и военно-морской — адмирал Мерино. Они оправдали расчеты своих washingtonских наставников.

В конце 1969 года в предместье Вашингтона военный атташе Чили в США полковник ВВС Херардо Лопес Ангуло дал обед в честь приезда в США с «ознакомительной миссией» начальника военно-воздушного училища генерала авиации Карлоса Торо Масоте. На встрече присутствовали три генерала из Пентагона, три генерала и адмирал из Чили.

Имена этих четырех чилийских военных сегодня широко известны. Их предательские действия во время переворота позволяют судить о характере и целях этого «дружеского обеда».

Во время беседы на вопрос одного из американцев о позиции чилийской армии в случае победы на президентских выборах кандидата левых сил Масоте не раздумывая ответил: «За полчаса мы овладеем дворцом Ла Монеда, даже если нам придется поджечь его». По-видимому, нет нужды комментировать это заявление. На обеде присутствовал также генерал Эрнесто Баэса. 11 сентября 1973 года именно он руководил штурмом президентского дворца. За это предательство Баэса получил ныне пост начальника службы расследования Чили. Следующим участником встречи был бригадный генерал Серхио Фигероа Гутьеррес. Его предательство также щедро оплачено. Он является сейчас министром общественных работ. Четвертым участником встречи был военный губернатор Вальпараисо адмирал Артуро Тронкосо, по сигналу которого и начался военный мятеж.

Описанная секретная встреча в Вашингтоне, ставшая ныне известной, не была последним контактом заговорщиков на конспиративной основе. Спустя время появилась договоренность — если коалиция Народного единства победит на выборах, армия захватит власть.

Эта договоренность оказалась далеко не платонической. За годы пребывания у власти Народного единства американское вторжение в чилийскую армию и финансирование ее значительно расширились. В 1973 году вооруженные силы Чили получили от Пентагона военную технику на 12,7 миллиона долларов, на последующий период планировалось значительное увеличение «помощи», а всего за период с 1970 по 1973 год Пентагон израсходовал на чилийскую армию 45,5 миллиона долларов — вдвое больше, чем за период с 1964 по 1970 год, когда президентом был Фрей. «Единственными сердечными контактами в последнее время между Сантьяго

и Вашингтоном, — писала сразу после переворота американская «Нью-Йорк таймс», — были контакты между военными деятелями, обсуждавшими вопрос о военной помощи и обучении офицеров».

Как уже отмечалось, расчет на вооруженные силы реакция делала давно. В течение трех лет, особенно в последний перед мятежом период, многие военные руководители находились под массированным воздействием монополий и других реакционных сил, суливших военным головокружительные карьеры, реально ощущая, как обещания подкрепляются солидным финансированием. И реакции удалось найти то, что она искала. Нашлись среди высшего офицерства предатели, пошедшие к ней на услужение во имя личной карьеры, растоптавшие восхваляемый ими «традиционный нейтралитет» вооруженных сил, хотя понимали, что цена их карьеры — кровь народа.

У реакции были основания рассчитывать на поддержку их планов определенными кругами верхушки армии. 42 процента офицеров являлись представителями крупной буржуазии. Это выходцы из семей латифундистов, владельцев заводов, банков, акционеров монополий. 39 процентов офицеров представляли зажиточные слои населения и 19 процентов мелкобуржуазные, хотя и небогатые семьи.

Эти данные, относящиеся к концу 60-х годов, характеризовали командный состав армии Чили до последнего времени. В самом деле, в течение трех лет коренные социально-экономические реформы и преобразования коснулись всех областей жизни страны, за исключением армии и вооруженных сил в целом. Начиная с 1952 года ее снабжали оружием, обучали, финансировали Соединенные Штаты Америки. В военные учебные заведения Пентагона направлялись значительные контингенты чилийского офицерства. Вся армия организационно построена по типу западных буржуазных армий. Чили была в списке стран, которым США отпускали в кредит современные боевые самолеты. В 1973 году, по давно разработанному плану, чилийский военно-морской флот, где реакционные тенденции командного состава особенно ощутимы, должен был участвовать в совместных маневрах с военно-морским флотом США.

После прихода к власти правительства Народного единства Пентагон усилил свое влияние на чилийскую

армию. Против законного правительства пошли не все, однако сил, к сожалению, было немного. По свидетельству французского еженедельника «Монд дипломатик», из 25 генералов чилийской армии в поддержку правительства выступали не более пяти-шести, но они занимали в вооруженных силах высокие посты, и именно это обстоятельство являлось существенной помехой для реакции, которая не раз пыталась совершить военный переворот, начиная с первого дня прихода к власти Народного единства.

Еще в 1970 году теоретический журнал чилийской армии «Мемориал дель эферсито де Чили» писал о том, что вмешательства вооруженных сил «домогаются представители социальных слоев, чьим богатствам и имуществу грозят реформы, подготовляемые либо проводимые правительством. Это меньшинство стремится вернуть себе власть при помощи военных, которым льстят, называя их спасителями отечества».

Трехлетняя провокационная деятельность реакции, направленная на свержение правительства, показала, что, пока верные правительству генералы и офицеры занимают определенные посты в вооруженных силах, осуществить военный переворот не удастся. И первым, кто подвергся отчаянным ее атакам, был командующий войсками, а потом и министр обороны генерал Карлос Пратс. Реакция искусственно создавала поводы, цеплялась за любую возможность, чтобы публично, по всем своим каналам массовой информации скомпрометировать его.

Так, в напряженный момент, когда генерал Пратс узнал об антиправительственномговоре внутри армии и направился во дворец Ла Монеда, его «мерседес» остановили. Остановили точно так, как в свое время машину генерала Рене Шнейдера. Наперерез Пратсу выскочил «рено», и «мерседес» вынужден был резко затормозить. Тут же «мерседес» сзади прижали еще две машины.

Это была точная копия «рисунка» покушения на Рене Шнейдера и его убийства, расследованием которого занимался Пратс, конечно же, хорошо знавший, как оно свершилось. Он успел выхватить револьвер и выскочить на тротуар до того, как появились неизвестные из окружавших его машин. Генерал сделал несколько предупредительных выстрелов вверх и один в колесо «рено», чтобы задержать ее.

Если в данном случае и затевалось покушение, то оно явно провалилось. А вот создать скандальную историю вокруг имени командующего можно было, ибо как раз в этом месте «неожиданно» оказалось множество людей с фотоаппаратами и кинокамерами. Они засняли, как выскочила из «рено» женщина и с отчаянными воплями бросилась к генералу.

Снимки делали отнюдь не фотолюбители. Их «творения» незамедлительно появились в реакционной прессе и на экранах телевизоров с самыми нелепыми обвинениями в адрес генерала, с бесстыдно клеветническими комментариями. И эти кадры могли произвести впечатление, ибо на них был генерал с пистолетом, а рядом кричавшая женщина.

«Меркурио» вышла со статьей под заголовком: «Может ли генерал со слабыми нервами стоять во главе армии?»

Без передышки, день за днем столь же подлые выдвигаются против Карлоса Пратса все новые и новые обвинения. Как уже говорилось, он лично руководил подавлением мятежа, проводившегося под командованием майора Роберто Супера. И вот те, кто организовал этот мятеж и бесчисленные террористические акты, кто направлял руку убийц на безоружных водителей транспорта, отказавшихся участвовать в саботаже, те, чьи руки обагрились кровью патриотов, распространили слух, будто командующий войсками «лично стрелял в своих собратьев по оружию».

Это было очередной наглой клеветой. Однако уместно спросить ее авторов: если бы и стрелял он в изменников родины, нарушивших присягу и направляющих в своего командующего стволы автоматов и пулеметов, — что же ему в такой обстановке подставлять лоб, но не стрелять в предателей? Право стрелять в представителей законного правительства и возводить это в доблесть они оставляли за собой.

Против Карлоса Пратса организуются все новые провокационные акции. Вскоре после того, как Сальвадор Альенде в августе 1973 года назначил генерала Пратса министром обороны, жены нескольких реакционных генералов вместе с группой женщин из богатой среды устроили перед домом Карлоса Пратса скандальную демонстрацию. Не применяя силы, охрана генерала пыталась урезонить распоясавшихся дамочек. В ответ на это

реакционные генералы, заявив о «расправе над бедными незащищенными женщинами», потребовали отставки Карлоса Пратса со всех постов.

В поддержку этого требования усилилась и клевета на командующего.

В беседе для печати 23 августа генерал Пратс сказал: «В демонстрациях перед моим домом участвовало несколько жен генералов. Не все они вели себя подобающим образом. В связи с этим я должен был бы уволить в отставку их мужей, что только привело бы к расколу в армии и ускорило государственный переворот. Я подал в отставку с обоих постов. Президент нашел мои доводы убедительными и принял мою отставку».

Подобным нападкам и клевете подвергались все генералы и офицеры, верные конституции и правительству, в частности генеральный директор корпуса карабинеров генерал Марио Сепульведа. Уже зная о готовящемся мятеже, затеянном Роберто Супером, генерал Сепульведа объявил чрезвычайное положение в провинции Сантьяго. И хотя эта мера была своевременной, что и подтвердилось на следующий день, правая печать и телевидение осыпали его упреками в «слабости нервов». В конце концов реакции удалось сместить и его.

Еще до этого необоснованным и злобным нападкам подвергся командующий военно-морским флотом Рауль Монтеро. Он также был вынужден подать в отставку. Места смещенных заняли наиболее реакционные военачальники. Что касается командиров среднего звена и просто рядовых, не желавших участвовать в путче, то хунта разделалась с ними еще до переворота.

Этот процесс принял массовый характер после мятежа 29 июня 1973 года, когда, по словам Пиночета, окончательно укрепилась его уверенность в возможности успешного осуществления военного переворота. Началась чистка в армии. «Непослушных» офицеров увольняли в отставку, невзирая на прошлые служебные заслуги, и это было еще не самое худшее. Впереди их ждала жестокая расплата за отказ быть палачами собственного народа. Сразу после переворота на них и членов их семей обрушилась месть прежних сослуживцев. В документальной книге чилийского журналиста Серхио Вильегоса «Стадион в Сантьяго» бывший узник рассказывает: «...То и дело слышались страшные вопли. Речь идет о пытках в казармах полка «Такна» в день переворота. Избивали даже

одного подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Мальчик был сыном военного, который сохранил верность народному правительству. По отношению к этому пареньку мятежники были особенно безжалостны».

Со сторонниками правительства среди рядового состава заговорщики зверски расправлялись уже за несколько недель до переворота. Они как бы проводили генеральный смотр своих палаческих возможностей, пытая и расстреливая солдат и матросов — простых, не очень грамотных людей, отказавшихся следовать продажным маршрутом своего респектабельного командования. Их место заняли малодушные, обманутые, а в большинстве своем неразмышляющие или не способные к размышлениям — такие, например, как морские пехотинцы-чернобереточники. В ночь перед мятежом или, точнее, в ночь мятежа, ибо в Вальпараисо 11 сентября в 3 часа 00 минут уже издевались и убивали, солдатам, поддерживающим переворот, предложили сделать шаг вперед. Оставшиеся на месте были тут же расстреляны.

Практически хваленый нейтралитет вооруженных сил был нарушен задолго до путча, и реакционно настроенные генералитет и офицерство глубоко влезли в политические дела, грубо вмешиваясь в жизнь страны в ее критические периоды.

В тайне от властей в армии велась огромная подрывная работа. С одной стороны, реакционная военщина под всякими предлогами не принимала решительных мер против мятежников, террористов, диверсантов, саботировала указания правительства, сознательно не выполняла своих прямых функций по защите безопасности государства, практически способствовала созданию хаоса в стране. С другой стороны, делала все, чтобы задушить движение рабочего класса и всего трудового населения, начавших организовываться в отряды для защиты своих предприятий. Собственно говоря, и отряды эти повсеместно возникали только потому, что армия и карабинеры, то есть военная полиция, не выполняли своих прямых функций. В обход властей реакционные военачальники под видом борьбы за соблюдение закона «О контроле над оружием» систематически проводили репрессии против сторонников и защитников Народного единства.

Это была продуманная акция правых сил, носившая не частный, а массовый характер. Опасаясь организо-

ванных рабочих отрядов, которые могли бы противостоять реакции, она решила самым жестоким образом, не согласовывая своих действий с правительством, подавить любые попытки сплочения трудящихся.

Налеты отличались большой жестокостью, применялись авиация и танки и подчас кончались кровавой расправой. Под тем же предлогом «контроля» 6 августа 1973 года были произведены налеты на многие предприятия. Войсковая часть под командованием генерала Мануэля Торреса де ла Круса совершила варварскую облаву в Пунта-Аренасе. Под дулами автоматов многих рабочих заставили лечь на снег, и они оставались в таком положении несколько часов, пока шли облава и обыски. Один рабочий, не подчинившийся произволу, был тут же прошит пулеметной очередью, второму нанесен удар штыком. Подразделения Торреса де ла Круса произвели обыск на семи предприятиях. Военная часть военно-воздушных сил ворвалась на металлургический завод в Сантьяго, используя для этого вертолет.

Подобные акции проводились в ряде районов страны при участии крупных воинских частей. За короткий срок налетам и «прочесываниям» подверглись более двухсот промышленных предприятий. Разгромы рабочих отрядов входили в планы реакции по подготовке свержения правительства.

В эти дни Политическая комиссия ЦК Компартии Чили выступила с призывом к народу «Родина в опасности». Особое внимание было обращено на эти незаконные, антинародные акции военщины. Компартия указывала, что «контроль над оружием» лишь ширма, используемая воинскими частями для налетов на промышленные предприятия и организации левых сил.

Во дворце Ла Монеда

Сигналом к военному перевороту послужил мятеж на военном флоте в Вальпараисо. Мятежники захватили порт, телеграф, радио и другие важные центры этого второго по величине города Чили. Затем военная хунта в составе командующего сухопутными войсками генерала Аугусто Пиночета, командующего ВМФ адмирала Хосе

Торибио Мерино Кастро, командующего ВВС Густава Ли Гусмана и командующего корпусом карабинеров Сесара Мендоса Дурана передали ультиматум, требующий отставки президента Сальвадора Альенде.

О том, как развивались события во дворце Ла Монета в день переворота, о великом подвиге выдающегося борца за свободу чилийского народа, одного из крупнейших демократических деятелей Латинской Америки президента Чили Сальвадора Альенде и его героической смерти подробно рассказал премьер-министр Революционного правительства Кубы Фидель Кастро. Привожу почти полностью этот рассказ, переданный из Гаваны агентством Пренса Латина.

«В 6. 20 утра 11 сентября в резиденции президента Альенде на улице Томаса Моро раздался телефонный звонок. Президента предупреждали, что начинается государственный переворот. Он сразу же поднял по тревоге свою личную охрану и отправился в президентский дворец, чтобы со своего президентского поста защищать правительство Народного единства. В сопровождении 23 человек охраны, вооруженных автоматическими винтовками, двумя пулеметами и 3 базаками, они прибыли в президентский дворец в 7.30 утра на четырех машинах.

С винтовкой в руке президент вошел во дворец через главный вход. В это время дворец Ла Монета, как обычно, охраняли карабинеры.

Уже находясь внутри дворца, Альенде собрал сопровождавших его людей, сообщил им о серьезности положения и о своей решимости бороться до самой смерти, защищая конституционное, законное правительство Чили от фашистского переворота, проанализировал имеющиеся возможности и отдал первые распоряжения относительно обороны Ла Монеты.

В течение часа С. Альенде трижды выступил по радио с призывом к народу. Он заявил о своей готовности защищаться до конца.

В 8.15 представитель фашистской хунты обратился к президенту с предложением о сдаче, уходе со своего поста и о предоставлении ему самолета, на котором он мог покинуть страну вместе с родственниками и сотрудниками. Президент отверг это предложение, сказав, что «генералы-предатели не знают, что такое человек чести».

Затем в своем кабинете президент провел краткое

совещание с группой прибывших во дворец высших офицеров корпуса карабинеров, которые отказались защищать правительство. Со словами презрения С. Альянде приказал им уйти из дворца немедленно. Во время этого совещания в Ла Монеда прибыли адъютанты трех родов войск. Президент заявил им, что сейчас не время доверять военным, и попросил их покинуть дворец.

Через несколько минут руководитель гарнизона карабинеров, охранявших дворец, выполняя инструкции своего начальства, направил одного из своих подчиненных ко всем карабинерам, находившимся во дворце, с приказом покинуть его. Карабинеры начали покидать дворец, унося с собой оружие. Танки и бронетранспортеры карабинеров, предназначенные для обороны Ла Монеда, также покинули свои позиции.

Между тем в Ла Монеда начали прибывать министры, секретари, советники. Прибыли дочери президента Беатрис и Исабель, многочисленные сторонники и члены партий блока Народного единства, чтобы в этот критический час находиться вместе с президентом.

Примерно в 9.15 начался обстрел президентского дворца. Пехотные подразделения общей численностью около двухсот человек пошли в наступление по улицам, прилегающим к площади Конституции, открыв стрельбу по дворцу. Число охранявших Ла Монеда не превышало 40 человек. С. Альянде приказал отвечать на огонь и сам лично принимал участие в этой перестрелке. Пехота отступила, неся многочисленные потери.

Тогда фашисты ввели в бой танки. Одни танки двигались по улице Монеда, другие — по улицам Театинос, Аламеда, Моранде. Несколько танков появилось на площади Конституции. Выстрелом из базуки один танк был уничтожен. Другие открыли огонь по кабинету президента. Их поддерживали пулеметы с бронетранспортеров.

В 10.45 президент собрал всех находившихся во дворце и сказал, что для борьбы, которая должна развернуться в будущем, потребуются руководители и исполнители, и поэтому все, у кого нет оружия, должны при первой же возможности покинуть дворец. Те, у кого есть оружие, должны находиться на своих боевых постах. Однако никто из присутствующих не согласился покинуть Ла Монеда.

Между тем бой продолжался. Фашисты выдвигали новые ультиматумы, угрожая, что если защитники не

сдадутся, то в бой будут введены самолеты чилийской ВВС.

В 11.45 президент собрал своих дочерей и всех женщин, находившихся во дворце (всего 9 человек), и приказал им покинуть Ла Монеду и тут же предложил нападающим сделать 3-минутную передышку, чтобы эвакуировать женщин из дворца. Фашисты отвергли предложение президента, однако войска начали отходить от дворца, чтобы самолеты могли атаковать Ла Монеду. Временное прекращение огня дало возможность женщинам покинуть дворец.

Примерно в 12 часов дня начался воздушный налет. Первые ракеты с самолетов взорвались во дворе Ла Монеда.

Подходил к концу третий час схватки. Снаряды были уже на исходе. Тогда президент приказал взломать дверь склада вооружения гарнизона карабинеров, охранявших дворец. Он сам пересек зимний двор Ла Монеда и, видя, что дверь склада не поддается, приказал взорвать ее гранатами. В складе было найдено четыре пулемета, большое количество винтовок СИК, патроны, противогазы и каски. После того как оружие было разобрано, Альенде приказал всем занять свои места и сам с оружием в руках воскликнул: «Так пишется первая страница этой истории!»

В этот момент начался новый воздушный налет. От взрыва бомб вылетели стекла из окон, и их осколки нанесли Альенде легкое ранение. Это была первая рана, которую он почувствовал.

Через несколько минут началась новая комбинированная атака с использованием самолетов, танков, артиллерии и пехоты.

Именно в этот момент С. Альенде совершил самый настоящий подвиг. Несмотря на огонь, охвативший дворец, Альенде с базукой в руках ползком пробрался в свой кабинет и одним выстрелом вывел из строя танк, стоявший на улице Моранде. Несколько мгновений спустя второй защитник подбил еще один танк.

Фашисты ввели в бой новые танки и бронетранспортеры, усилив огонь по входу во дворец, охваченный пламенем. Президент с несколькими защитниками спустился на первый этаж и отразил попытку фашистов проникнуть во дворец со стороны улицы Моранде.

Тогда фашисты временно прекратили огонь и обрати-

лись к защитникам дворца с требованием выслать двоих парламентариев.

Фашисты через парламентариев предложили президенту и другим защитникам покинуть дворец и направиться в любую страну, куда они захотят. С. Альенде заявил о готовности защищать дворец до последней капли крови, выражая не только свое мнение, но и мнение всех защитников. Сопротивление продолжалось.

В 1.30 президент поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть боевые порядки защитников.

К этому времени фашистам удалось захватить первый этаж дворца, но участники обороны продолжали отражать их атаки на втором этаже. Только к двум часам дня нападающим удалось прорваться в одно из помещений второго этажа. С. Альенде с несколькими товарищами забаррикадировался в красном зале. В тот момент, когда он пытался преградить вход фашистам, пуля угодила ему в живот. С. Альенде оперся на стул и продолжал стрельбу по наступающим фашистам до тех пор, пока вторая пуля, попавшая в грудь, не сразила его. Уже мертвого его буквально изрешетили автоматной очередью.

Увидев, что президент мертв, его личная охрана бросилась в контратаку и заставила фашистов отступить. Затем они перенесли тело С. Альенде в кабинет президента, усадили на президентское кресло, надели президентскую ленту и обернули его чилийским флагом.

Даже после смерти президента защитники дворца продолжали сопротивление. Лишь к четырем часам дня пожар, продолжавшийся в течение нескольких часов, погасил последнее сопротивление.

Многие были удивлены, узнав, что 40 человек удерживали Ла Монеда в течение семи часов, отражая мощные атаки артиллерии, танков, авиации и пехоты.

С. Альенде был твердым и решительным в выполнении своего обещания умереть, защищая дело народа. Его сила духа, организаторский талант и личный героизм удивительны. Ни один президент на этом континенте не совершал подобного подвига. Много раз благородные намерения подавлялись грубой силой, но никогда еще эта грубая сила не встречала такого сопротивления со стороны человека иден, оружием которого всегда было слово».

Сальвадор Альенде родился и вырос в семье трудовой интеллигенции. Ее прогрессивные, демократические взгляды имели глубокие корни. Еще прадед Сальвадора был один из тех, кто восстал против испанского господства в Чили и участвовал в борьбе за независимость. Совсем юным включается в революционное движение и Сальвадор.

Его студенческие годы сопряжены с активной борьбой против диктатуры Карлоса Ибаньеса. Он становится лидером прогрессивного студенчества, участвует в забастовках, уличных демонстрациях. За антиправительственную деятельность студента Альенде несколько раз арестовывают, в 1932 году отдают под суд военного трибунала.

Первый удар реакции не сломил молодого борца. Напротив, еще раз повторяет он клятву, данную у гроба отца, — всю свою жизнь посвятить великому делу борьбы за социальную справедливость. Этой клятве он остался верен до последнего вздоха.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в двадцатых годах активизируется рабочее движение в Чили. В 1922 году создается коммунистическая партия, во главе с верным ленинцем Луисом Рекабарреном. Нарастающий революционный подъем вынуждает правительство идти на определенные уступки рабочему классу. В частности, вводится восьмичасовой рабочий день. В течение десятилетия совершаются бесчисленные государственные перевороты, сопровождающиеся репрессиями против демократического движения. Волны забастовок подавляются реакционными правительствами.

В 1933 году президент Артуро Алессандри, получивший при помощи олигархической верхушки чрезвычайные полномочия, с особой жестокостью подавляет забастовки в Сантьяго, Вальпараисо и крестьянские выступления. Правящие круги усиливают связи с фашистскими Германией и Италией, поощряют создание фашистских организаций внутри страны. Компартия уходит в подполье.

В это тяжелое для демократических сил время активный участник революционного движения Сальвадор Альенде становится одним из основателей социалистической партии в Чили.

В 1936 году по инициативе компартии создается На-

родный фронт, куда входят коммунистическая, социалистическая, радикальная, демократическая партии и Конфедерация трудящихся Чили. С тех пор и до конца своих дней Сальвадор Альенде неустанно призывал все прогрессивные силы к сотрудничеству с коммунистической партией. Даже в самые мрачные для Чили годы, когда компартия подвергалась жесточайшим преследованиям и находилась в глубоком подполье, Альенде выступает за союз с коммунистами, хорошо понимая, что подобные призывы для него самого чреваты тяжелыми последствиями. Его авторитет среди трудового народа растет, и вскоре он становится депутатом парламента от социалистической партии.

В 1938 году Народный фронт одержал победу на президентских выборах. В новом правительстве, возглавляемом Педро Агирре Серда, портфель министра здравоохранения получает врач по образованию Сальвадор Альенде. К тому времени ему было лишь тридцать лет, а за плечами накопился уже немалый опыт политической борьбы.

Правительство Серда, а затем Риоса осуществили ряд прогрессивных реформ. Были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, в 1945 году была объявлена война фашистской Германии и милитаристской Японии. Однако коренные социально-экономические преобразования осуществить не удалось. Практически вся экономика оставалась в руках иностранных монополий и местной олигархии.

В 1946 году к власти приходит Гонсалес Видела, оставивший после себя кровавый след. Компартия была запрещена, дипломатические отношения с Советским Союзом разорваны, жесточайшим репрессиям подверглись рабочий класс и все демократическое движение. А на следующих президентских выборах в 1952 году впервые среди кандидатов в президенты появилось имя Сальвадора Альенде.

Член Политической комиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм, вспоминая этот период, говорил: «Сальвадор Альенде всегда выступал за сплоченность рабочего класса, всегда подчеркивал необходимость сохранения и укрепления единства социалистов и коммунистов. В 1952 году, когда Коммунистическая партия подверглась жестоким репрессиям и работала в условиях подполья, когда более 50 тысяч чилийских патриотов

были лишены права голоса как люди «второго сорта», Сальвадор Альенде поднял знамя революционной борьбы. Не боясь преследований, он выступил за союз с коммунистами и призвал к совместной борьбе все первичные организации социалистов, особенно на фабриках, заводах, в профсоюзных организациях. Это было сделано для того, чтобы позже открыть возможность для более тесного сотрудничества уже в рамках Народного единства.

Я хорошо помню эту кампанию президентских выборов. Мы были маленькой группой, Сальвадор Альенде знал, что не победит на этих выборах, что даже голосов соберет немного, но то был посев на будущее. Тогда особенно ярко проявилась важнейшая черта его характера — стойкость в борьбе с трудностями, которых было в его жизни гораздо больше, чем побед.

Он хорошо знал, что в суровой борьбе рождаются предпосылки будущих успехов. Он верил в народ. Даже в самые тяжелые дни он накапливал опыт для нового выступления. Он знал: всякое поражение народа есть лишь временное поражение».

На президентских выборах 1970 года, как известно, коалиция левых партий, образовавших Народное единство, единодушно выдвинула своим кандидатом Сальвадора Альенде, и он одержал победу. Альенде был первым в истории Чили президентом, правительство которого осуществило коренные социально-экономические преобразования. Впервые чилийский народ познал свободу. Впервые иностранные монополии были изгнаны из страны, потеряли в Чили свои позиции, лишились источников баснословного барыша. Впервые была национализирована крупная промышленность и экспроприированы земли крупных латифундистов.

Международный империализм и чилийская реакция смириться с этим не могли. Три года объединенные силы внутренней и внешней реакции вели отчаянную борьбу против законного правительства Сальвадора Альенде и, убедившись, что его не склонить на свою сторону и не сломить, убили его.

Сегодня, как сказал Л. И. Брежнев: «Мы склоняем головы перед светлой памятью героически павшего Президента Республики Чили, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сальвадора Альенде. Он был одной из самых

чистых и благородных фигур современной политической жизни, был до конца предан делу народа и отдал за него свою жизнь».

Имя Сальвадора Альенде навсегда останется в истории Чили, в истории народов Латинской Америки, борющихся за свободу и национальную независимость, в сердцах всех народов мира. Оно будет звать на защиту идеалов, за которые он погиб.

Террор

Захватив власть, хунта упразднила конституцию, объявила о роспуске Национального собрания и всех государственных и общественных институтов. Путчисты арестовали ряд членов правительства и передали по радио список 68 политических деятелей, которым приказали явиться в министерство обороны.

В столице, в провинциальных центрах и городах все посты, включая ректоров высших учебных заведений, захватили военные. Коммунистическая, социалистическая и другие левые партии, все общественные организации, включая Единый профцентр Чили, были запрещены и объявлены вне закона. Их помещения, равно как и все левые газеты, телецентры, радиостанции, кроме самых мажорных «Меркурио» и «Терсера де ла Ора» — органа крайне правой национальной партии, подверглись разгрому.

Характерно, что спустя несколько дней после путча хунта разрешила выход и «Пренсы» — газеты христиан-демократов, правое крыло которых во главе с бывшим президентом Фреем сыграло особо предательскую роль пособников хунты. Не уставая выступать с фарисейскими заявлениями о том, будто их партия решительно против насильственных действий, что все вопросы должны решаться демократическим путем, на деле они оказали немалую помощь хунте, подтолкнув ее к свершению переворота. И в первые же дни путча их лидеры поспешили заверить хунту в своей лояльности кровавому режиму.

Начиная с рокового дня 11 сентября опустели воинские гарнизоны и казармы. Пехота, артиллерия, танко-

вые части по заранее разработанному плану рассредоточились по всей стране, заняли центры и окраины городов, особенно скапливаясь в рабочих районах, и эта огромная военная машина находилась в непрерывном движении, заполнив грохотом, лязгом и стрельбой территорию страны. Низко над населенными пунктами гудели военные самолеты и вертолеты, близ побережья двигались корабли с расчехленными стволами орудий.

В устрашение народу подняли и привели в действие всю армию. Она не только наводила страх на людей своим видом и грохотом, но именно действовала. Действовала, как это бывает на войне. Только здесь с одной стороны стояла вооруженная до зубов армия, а с другой — мирный народ. Это был единственный способ, с помощью которого хунта смогла захватить и на том этапе удержать власть, ибо население оказало отчаянное сопротивление.

На защиту завоеваний Народного единства поднялись тысячи чилийцев. Очаги сопротивления военной хунте сразу же возникли в промышленных пригородах и в центре Сантьяго, во многих провинциях. Упорное противодействие войска хунты, оснащенные современным оружием, встретили в Консепсьоне, Арауке, Каутине, в районах медных рудников «Чукикамата» в «Эль Сальвадор», в Антофагасте, Осорно, Вальпараисо, Чильано, Пуэрто-Альто и других провинциях и городах.

Одним из центров сопротивления стала Вальдивия, куда хунте пришлось перебросить с других участков значительные силы пехоты, поддерживаемые танками и авиацией. На многих предприятиях рабочие забаррикадировались и, хотя понимали, что силы несоизмеримо неравные, сражались насмерть. Так, в частности, было на столичной текстильной фабрике, которую войска разрушили полностью, истребив всех ее защитников, в том числе раненых.

Как сообщали иностранные агентства, только в первые дни после переворота было истреблено около шести тысяч трудящихся, «уличенных» в том, что они являются сторонниками Народного единства. Все тюрьмы переполнились. В казематы превратили подсобные помещения стадионов, а сами стадионы — в концентрационные лагеря. Арестованными заполнили трюмы военных кораблей, здания министерства обороны и военных академий, военные гарнизоны. На корабли в Вальпараисо

загнали более трех тысяч человек. Заключенных, которым нигде не оказалось места, увозили на острова.

Западногерманская газета «Унзере цейт» опубликовала рассказ вернувшихся из Чили моряков ФРГ, находившихся там во время переворота. Они сообщили, что из порта Вальпараисо неоднократно выходило в море судно «Майпу», на борту которого находились арестованные. Оно возвращалось примерно через три часа без них. А до ближайших портов от Вальпараисо не менее четырех-шести часов хода. Значит, констатировала газета, арестованных сбрасывали в море.

Когда вся мировая печать заполнилась сообщениями о массовом истреблении населения, военная хунта заявила о том, что в Сантьяго создано 35 военно-полевых судов. Но это отвратительный фарс. Полевые суды разбирали «дела» единиц, десятков, а сотни и сотни расстреливались на улицах, заводах и фабриках, в местах заключения без разбора и следствия.

Многочисленные очевидцы кровавой резни, вырвавшиеся из фашистского ада, в который черные генералы превратили страну, поведали миру о чудовищных зверствах. О том, что видели своими глазами, рассказали свидетели — подданные Англии, Франции, Западной Германии, США, многих латиноамериканских и других государств и иностранные журналисты.

Английская газета «Гардиан» опубликовала в те дни статью своего корреспондента, где говорилось: «Здесь, в Сантьяго, действительно произошли ужасные события: явная кровавая расправа в техническом университете, трупы в реке Мопочо, разрушение текстильной фабрики «Сумар». Но сообщения, поступающие из отдельных районов страны на юге, наводят на мысль, что там репрессии носили еще более жестокий характер. От рассказов очевидцев о том, что, например, происходило и происходит в южном городе Темуко, волосы встают дыбом. Сотни людей там арестованы. Единственное обвинение против них — поддержка правительства С. Альенде.

Мексиканская журналистка Патрисиа Бастидос Карлос рассказала, как солдаты окружили здание университета, где она находилась вместе со студентами, и открыли стрельбу. Одному студенту пуля попала в голову, девушке — в грудь. Тогда они вывесили белый флаг. «Нас выгнали всех на улицу, — говорила она, — руки на

затылке. Девочек 15—16 лет обыскивали, ругали последними словами, грубо хватали их, били. Тех, кто не мог быстро идти, толкали прикладами... Потом нас погрузили на военные машины и повезли в центр, к генеральному штабу. Там уже было полно арестованных. Нас отправили в казармы «Такна». Там тоже было все переполнено. На улице стояли грузовики, переполненные арестованными».

На центральном стадионе, куда наконец загнали студентов, Карлос находилась три дня. На допросе, рассказала она, ее били палкой по плечам, по ногам и животу... «Около двенадцати часов ночи увели на допрос группу мужчин. Потом мы слышали выстрелы. Через некоторое время привели только часть из них. Остальных, очевидно, расстреляли. Всю ночь нас освещали сильными прожекторами и держали под дулом пулеметов. Солдаты то и дело заряжали и разряжали их. От этого лязга можно было сойти с ума. Мы думали, что нас всех сейчас расстреляют. Допросы продолжались всю ночь». Подобные свидетельства очевидцев самых различных мировоззрений были опубликованы в десятках стран.

Хунта официально объявила, будто на столичном стадионе заключено семь тысяч человек. Однако все, кому удалось выбраться оттуда, свидетельствовали, что там было не менее пятнадцати тысяч обреченных. Они содержались в ужасающих условиях, почти без пищи. Часть из них находилась на скамьях стадиона за проволочной решеткой, под направленными на них стволами пулеметов и автоматов, остальными были забиты подсобные помещения и раздевалки под трибунами. Многих заставляли стоять на коленях, их били по ногам, а малейшего подозрения в неповиновении было достаточно для расстрела на месте на глазах у всех. Из глубин спортивных сооружений доносились крики пытаемых и выстрелы.

Здесь, на крупнейшем стадионе столицы, которым гордились чилийцы, где проходили крупнейшие футбольные матчи и другие соревнования, было совершено чудовищное по своему зверству убийство Виктора Хары. Народный поэт и композитор, трибун и певец, не расстававшийся со своей гитарой, он был любимцем молодежи и трудового люда Чили. Он знал их думы и чаяния и нес в народ свои звенящие песни, звавшие к солнцу

и радости, песни, полные гнева и ненависти к поработителям.

Чилийские коммунисты по рассказам свидетелей составили картину его гибели. Я узнал ее из книги Серхио Вильегоса «Стадион в Сантьяго».

«Виктора Хару арестовали вместе со студентами, рабочими и служащими Государственного технического университета и отправили на Чилийский стадион после того, как университет подвергся бомбардировке и штурмовой атаке. На стадионе один офицер из корпуса карабинеров опознал его: «Ты Виктор Хара, сукин сын!» И начались страдания выдающегося поэта, певца и руководителя университетского театра. Офицер с яростью обрушивается на него, бьет прикладом по животу, по голове, повсюду. Виктор падает, и тогда к палачу присоединяется еще один офицер. Теперь, изрыгая проклятия, его бьют ногами уже двое. Удар сапогом приходится в лицо. Глаза Виктора заливают кровь. Офицеры продолжают орать и остервенело бьют его, не переставая ни на минуту. Виктор весь сжался от боли, но не издает ни звука.

Подходит начальник концлагеря.

— Отрубим руку этому сукину сыну! — И наносит Виктору удар палкой. — Теперь пой, сволочь!

Виктор опирается руками о скамейку, и его бьют по рукам, пока они не превращаются в кровавую массу. На стадионе пять тысяч заключенных. Многие из них видят эту пытку. Слезы бессилия катятся по глазам узников. Они уже получили или продолжают получать свою порцию пыток. Виктор лежит на полу. На какое-то время палачи оставляют его в покое, а затем снова возвращаются. Виктора показывают вновь прибывающим фашистам, демонстрируя его, словно военный трофей. Подходят три авиационных офицера, останавливаются перед ним, всячески поносят и по очереди пинают ногами.

— Хочешь закурить, мерзавец? — спрашивают они с издевкой.

Виктор молчит. О его руку гасят сигарету. Пытки продолжаются весь день двенадцатого сентября до поздней ночи. Всю ночь и часть следующего дня Виктор лежал на полу без воды и пищи.

После пыток о нем, казалось, забыли — у охраны были и другие развлечения. Все обитатели стадиона, как могли, выражали ему свое сочувствие: кусочек хлеба,

галета, бинт, пиджак, чтобы согреться. Виктор был спокоен. Разговаривал, рассказывал о своей жене и дочерях, о том, что может произойти в Чили. А тем временем стадион содрогался от чудовищных пыток фашистов...

...В субботу пятнадцатого было объявлено о переводе заключенных на Национальный стадион. Казалось, что о Викторе забыли. В то утро он начал диктовать стихотворение, которое назвал «Чилийский стадион». Закончить его он не успел. Виктора взяли с галереи и присоединили к группе, которую мятежники характеризовали как «марксистов-специалистов по взрывчатке». Виктора привели в одну из раздевалок, приспособленную под камеру для пыток. И начался разгул новых издевательств. Швырнув Виктора на пол, ему задрали ноги и стали наносить удары по половым органам. Били со зверской жестокостью. Отходили и снова набрасывались. Один иностранный студент, которому удалось выбраться живым из этого ада, рассказывал потом, что у Виктора изо рта, носа, ушей текла кровь. Там Виктор Хара и погиб. Затем «в назидание другим» тело его бросили в фойе...»

...Во вторник к жене Хары Джоан пришел один из товарищей и сообщил ей, что они снимают в морге отпечатки пальцев с целью установить личность погибших и она может пойти с ним туда. После долгих поисков Джоан увидела тело своего мужа.

Одежда на Викторе была изорвана в клочья. На груди виднелось множество ран, а на бедре зияла огромная дыра — никто не мог объяснить ее происхождение. Все его тело покрывали сплошные раны.

Они убили Виктора Хару, но жив и звучит его голос, призывая к борьбе. Остались его песни, записанные на пленку, осталось и последнее, незаконченное произведение, созданное на стадионе перед самой гибелью:

Шестеро из нас уже ушли в небытие:

Один был убит, другого избili,—

Я и не знал, что можно так зверски избить
человека;

Четверо думали, что можно покончить со всем
этим,

Бросившись с высоты вниз или разбив голову
об стену.

Как страшен лик фашизма!

Рвутся фашисты к намеченной цели

И на пути своем все сметают:

Капли чужой крови — это их медали,
убийство — их «геройский подвиг»...

Волны кровавого, безудержного террора неслись по всей стране. В те дни французская газета «Монд» писала: «Большинство наблюдателей считает, что этот государственный переворот — один из самых кровавых в Латинской Америке с начала нынешнего столетия».

С упорством маньяков, методично, один за другим военщина оцепляла и прочесывала кварталы городов и населенных пунктов, особенно в рабочих районах, в поисках сторонников Народного единства. Реакционные газеты, сыгравшие немалую роль в том, что хунта захватила власть, систематически печатали фотографии политических и общественных деятелей, за головы которых, как в самые мрачные времена фашизма, сулились огромные вознаграждения.

Хунте удалось схватить выдающегося борца за рабочее дело, профессионального революционера, Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана.

В 1932 году, когда Луису было шестнадцать лет, он вступил в партию. С тех пор вся его жизнь принадлежала народу. Он героически переносил преследования реакции, аресты, ссылки, концлагеря, пытки, и ничто не могло сломить его воли к борьбе за светлые идеалы своего народа. В годы правления кровавого президента Гонсалеса Виделы в глубоком подполье выходила «Эль Сигло» — боевой орган чилийских коммунистов, звавший народ на борьбу. Ее редактором был Корвалан. С 1958 года Луис Корвалан — Генеральный секретарь Чилийской компартии. Неопценима его роль в создании Народного единства, в борьбе блока левых партий на президентских выборах в 1970 году, в осуществлении коренных социально-экономических преобразований на последующие три года.

Буря протеста, пронесшаяся по всему миру, против готовившейся расправы над Корваланом остановила занесенный над ним топор палачей.

Из глухого каземата на весь мир разнесся его голос: «Нельзя остановить борьбу народа... Я люблю свободу, но меня не пугает тюрьма. Совесть моя спокойна, я не боюсь смерти».

Только великая, неистребимая вера в народ, в его

правое дело, в его неизбежную победу над силами реакции могли продиктовать ему эти слова. Только великая убежденность коммуниста, подлинно революционная стойкость и непревзойденная воля вселили в него спокойствие перед нависшей над ним угрозой.

Преступная банда генералов хунты схватила члена Политкомиссии ЦК Компартии Чили Родриго Рохаса, члена ЦК Компартии Паскуаля Барраса, бывшего prefecta провинции Сантьяго Хулио Стуардо и других политических деятелей.

Репрессиям подверглись многочисленные иностранные подданные, аккредитованные в Чили, иностранные студенты и специалисты, работавшие там по приглашению правительства. На посольство Кубы «гориллы» совершили вооруженное нападение. Акты произвола и насилия были допущены в отношении учреждений и граждан ряда стран, в том числе и Советского Союза.

В ответ на это СССР, другие социалистические страны прервали дипломатические отношения с Чили, где произвол и попрание самых элементарных, общепризнанных норм международного права стали «нормой» для новоявленных правителей. В ходе обсуждения в Совете Безопасности ООН вопроса о кровавых злодеяниях хунты было указано, что своими действиями она бросает вызов всему международному общественному мнению.

Этот вызов возмутил человечество. Волны народного гнева прокатились по всем континентам. Бесчисленные демонстрации протеста трудящихся против кровавого разгула военищины прошли в десятках стран мира. Президенты, парламенты, правительства, государственные и партийные деятели, крупнейшие представители науки и культуры от имени своих народов заклеили позором организаторов фашистской резни в Чили, выразили горячую поддержку героическому чилийскому народу. Всемирный Совет Мира на внеочередном экстренном заседании принял обращение к правительствам и народам планеты — остановить руку палачей чилийского народа. Возмущенный голос протеста против варварских преступлений хунты прозвучал с трибуны Международной конференции солидарности с народом Чили, состоявшейся в Финляндии. Конференция приняла «Декларацию о немедленном разворачивании во всем мире движения солидарности с народом Чили».

В течение нескольких дней это движение приняло громадные размеры. От имени женщин ста десяти стран Международная демократическая федерация женщин заявила решительный протест против разгула фашистского террора в Чили, призвала к созданию международного трибунала для расследования преступлений военной хунты, потребовала немедленного освобождения Луиса Корвалана и всех загнанных в тюрьмы чилийских патриотов.

С подобными призывами выступили профсоюзные, молодежные и все демократические международные организации.

Великое негодование и гнев против чудовищных кровопролитий в Чили, решительные требования освободить Луиса Корвалана выразили все народы Советского Союза. Волна митингов протеста прокатилась из края в край нашей Родины. Еще до ареста Луиса Корвалана чувства советских людей были выражены в Заявлении Центрального Комитета КПСС по поводу военного переворота в Чили. В этом заявлении, в частности, говорилось:

«Свержение правительства С. Альенде явилось кульминацией подрывных действий чилийской реакции. При поддержке внешних империалистических сил на протяжении всех трех лет нахождения народного правительства у власти она открыто нарушала законы и конституцию, препятствовала осуществлению программы коренных социально-экономических преобразований в интересах трудового народа и независимого развития страны, дезорганизовывала экономическую жизнь, совершала террористические акты. Сейчас реакция, нагло поправшая волю народа, растоптавшая элементарные демократические нормы, осуществляет расправу с прогрессивными деятелями. Поступают сообщения об арестах членов партий коалиции Народного единства, других прогрессивных организаций трудящихся и репрессиях в отношении Единого профсоюзного центра Чили.

Центральный Комитет КПСС решительно осуждает действия реакционных сил в Чили, поправки ими демократических институтов и конституционных норм, их злобные планы репрессий против прогрессивных партий и организаций.

В этот трудный для чилийского народа час, выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей

ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили, которые, несмотря на удары реакции, остаются верными делу борьбы за независимость, демократию и социальный прогресс — те благородные цели, за которые мужественно боролись Сальвадор Альенде, правительство Народного единства, трудовой народ Чили.

ЦК КПСС выражает твердую уверенность в том, что никакие репрессии, никакой террор не способен сломить волю народа, преградить путь экономического и социального прогресса».

Нет никаких сомнений в том, что без поддержки, а порой и организующей роли империализма военная хунта не решилась бы на столь чудовищное истребление демократических сил страны. О причастности американских монополий и ЦРУ к перевороту и финансированию этой кровавой акции появилось множество сообщений в печати различных стран.

В американских газетах вновь заговорили о документах, в свое время преданных гласности журналистами США и неопровержимо доказавших, что одна из крупнейших корпораций «Интернейшнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ) и ЦРУ принимали активное участие в попытках свержения правительства Сальвадора Альенде в 1970 году. Провал этого заговора и его разоблачение не остановили империалистических сил.

Теперь стало ясно, сообщалось в печати, почему, прекратив финансирование и кредиты Чили, обусловленные государственными соглашениями, Пентагон продолжал оказывать финансовую помощь их вооруженным силам, ни на один день не прекращая опеки над ними. Значительное количество американских военных инструкторов различных уровней и рангов постоянно находилось в армии Чили, имея открытый доступ ко всем родам войск.

Сообщалось, что в ином свете стала выглядеть и «забота» американских монополий о «забастовщиках», саботажниках, террористах, выразившаяся в щедром финансировании этих врагов Народного единства. Совершенно очевидно, что без такой помощи не могли бы коммерсанты и владельцы мелких предприятий долгими месяцами держать мертвым грузом товары, пряча их

от населения, ибо фирмы неизбежно потерпели бы крах. Да и владельцы грузовых автопарков не согласились бы обречь на длительные простои свои машины, если бы им не возмещались «убытки», не могли бы без помощи извне получать значительное количество оружия и террористы.

Печать обращала внимание и на некоторые весьма странные «совпадения». Перед самым переворотом американский посол в Чили срочно вылетел в Вашингтон, а военные корабли США направились к берегам Чили. Однако как только появились сообщения о том, что переворот свершился и хунта захватила власть, корабли повернули обратно.

Появились в печати и другие сообщения о прямых или косвенных уликах, подтверждающих причастность монополий США и ЦРУ к организации переворота. Одним из первых актов хунты, едва успевшей захватить власть, было заявление, что американским монополиям вновь открывается доступ к их бывшим владениям в Чили — к горнорудным богатствам. А «Межамериканский банк развития», в свое время заморозивший займы правительству Альенде, уже спустя несколько дней после переворота предоставил новым правительствам заем в 65 миллионов долларов. Как отмечал «Вашингтон пост», решающий голос в этом банке принадлежит финансовым кругам и монополиям США. Впрочем, факт этот широко известен.

В связи с протестом мирового общественного мнения против злодеяний хунты и разоблачением ее хозяев, по чьим указкам она действовала, чилийская военщина задним числом придумала и огласила версию, оправдывающую, как, должно быть, ей казалось, ее фашистские деяния.

Ничего оригинального сочинить она не могла и позаимствовала опыт из арсенала германского фашизма. Мир не забудет неуклюжей, нелепой и тупой провокации против Георгия Димитрова, обвиненного фашистами в поджоге рейхстага с целью установить «господство коммунистов».

Столь же нелепа и лжива выдумка хунты, будто в развалинах разрушенного ею дворца Ла Монеда найдены «планы убийства высших армейских офицеров, руководителей оппозиции, журналистов» с целью установления в стране «коммунистической диктатуры».

Эта бредовая выдумка широко муссировалась реакционной чилийской печатью, пытавшейся обвинить в обреченной на провал версии «заговора» Луиса Корвалана.

Мировое общественное мнение рассматривает роковые события в Чили не изолированно и не только как трагедию чилийского народа. Жесточайшее подавление демократических свобод на чилийской земле является новой попыткой мирового империализма задушить все нарастающее движение народов латиноамериканского континента за национальную независимость.

Представители Компартии Чили опубликовали в колумбийской газете «Вос пролетария» заявление, в котором говорилось:

«Чилийские трудящиеся не позволяют, чтобы фашизм властвовал в стране, так как они сознают, что это может привести к господству фашизма во всей Латинской Америке. Народ пока отступил, но он готовится для нанесения решающего удара в соответствующий момент. Превыше всех тех унижений, которым мы подвергаемся, превыше скорби по погибшим является решимость дать отпор путчистам и перейти в контрнаступление. Народ — готовься!»

Когда бомбардировщики хунты уже сбрасывали на Сантьяго свой смертоносный груз, когда била их артиллерия и танки, уничтожившие правительственные радио- и телецентры, Сальвадор Альенде в последний раз обратился к народу через единственную уцелевшую радиостанцию «Магальянес». Он начал так:

«Соотечественники! Вероятно, это последняя возможность обратиться к вам. Авиация разбомбила «Радио Порталес» и «Радио Корпорасьон».

Сообщив, как подло предала народ хунта, президент продолжал:

«Перед лицом этих фактов мне остается лишь сказать трудящимся: «Я не отрекись!» В этих исторически сложившихся обстоятельствах я своей жизнью оплачу верность народа. И говорю вам, я уверен, что семена, которые мы посеяли в благородном сознании тысяч и тысяч чилийцев, нельзя будет вырвать окончательно.

У них есть сила,— говорил он о предателях.— Они могут, конечно, взять верх. Но они не остановят социальных процессов ни с помощью преступлений, ни с помощью силы.

История принадлежит нам, и ее делают народы.

Трудящиеся моей отчизны! Я хочу поблагодарить вас за вашу верность, за ваше доверие, оказанное мне. Я был лишь выразителем великих чаяний справедливости, я дал вам слово, что буду соблюдать конституцию и законность, и так я поступал. И в этот решительный момент, в этот последний раз, когда я могу обратиться к вам, я хочу сказать — извлеките урок из того, что произошло: иностранный капитал, империализм в союзе с реакцией создали условия, при которых вооруженные силы сломали традицию, которой был верен генерал Рене Шнейдер и верность которой подтвердил капитан Арайя, жертвы тех же социальных элементов, которые сегодня врываются в ваши дома, послушные чужой руке, стремясь отвоевать власть, чтобы защищать привилегии и интересы.

Я обращаюсь к скромной женщине нашей отчизны, к крестьянке, которая поверила нам, к работнице, которая трудилась, к матери, которая знает, как мы заботились о детях, я обращаюсь к специалистам моей отчизны, к техническим специалистам — патриотам, которые работали, невзирая на бойкот и мятеж своих коллег, защищавших привилегии капитала.

Я обращаюсь к молодежи, к тем молодым людям, которые пели, которые привнесли радость и боевой дух в нашу борьбу.

Я обращаюсь к чилийцу: к рабочему, крестьянину, интеллигенту, к тем, которых будут преследовать, потому что уже много часов, как в нашей стране действует фашизм, насаждая терроризм, взрывая мосты, уничтожая воздушные линии, газо- и нефтепроводы, и все это совершается при молчании тех, кто обязан был бы воспротивиться этому.

История их осудит наверняка. Радио «Магальянес» заставят замолчать, и, может быть, спокойный металл моего голоса не дойдет до вас.

Неважно! Нас все равно услышат! Я всегда буду с вами, во всяком случае, я останусь в вашей памяти как человек достойный, верный делу трудящихся. Народ должен защищаться, но не должен приносить себя в жертву. Народ не должен дать себя уничтожить, но и не позволит унижить себя.

Трудящиеся моей страны! Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеют все, и в этот горький и тяжкий момент, когда стране пыта-

ются навязать предательство, знайте, что недалек тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество.

Да здравствует Чили!

Да здравствует народ!

Да здравствуют трудящиеся!

Это мои последние слова.

Я уверен, что жертвую не напрасно, я уверен, что, по крайней мере, это будет моральным уроком, который покарает низость, трусость, предательство».

Последнее обращение Сальвадора Альенде к народу, его спокойный, сильный и добрый голос слышали люди Чили. Услышали раскаленную правду и приняли как программу борьбы.

Сальвадор Альенде говорил: «Народ должен защищаться, но не должен приносить себя в жертву. Народ не должен дать себя уничтожить, но и не позволит унижить себя».

Чилийский народ принял его завещание. Чтобы не дать себя истребить, народ пока отступил. Но он собирает силы, чтобы не дать унижить себя. Спустя почти месяц после переворота газета «Гардиан» писала: «Положение в Чили намного серьезнее, чем заставляют предполагать самодовольные коммунисты военной хунты». Как писала «Нью-Йорк таймс», тот факт, что в последнее время вооруженное сопротивление хунты несколько стихает, не означает ослабления борьбы.

И это верно. Сторонники Народного единства уходили в подполье.

В своем обращении к народу Сальвадор Альенде говорил:

«Найдутся в Чили силы, которые преодолеют все...»

И эти силы нашлись. Они собираются, организуются для решающих боев.

Несмотря на фашистский разгул, охвативший страну, сломить народ не удалось. Ушла в подполье коммунистическая партия, чтобы собрать и перегруппировать свои силы. Во многих районах страны начали организовываться подпольные группы сторонников Народного единства, партизанские отряды. Между ними налаживалась связь, шла подготовка к созданию Центра по руководству сопротивлением.

Одновременно в различных районах страны вспыхивали вооруженные столкновения патриотов с армейскими

подразделениями, которые все время находились в напряженной готовности, боясь мести народа.

В своем последнем предсмертном обращении Сальвадор Альенде сказал:

«...Я уверен, что семена, которые мы посеяли в благородном сознании тысяч и тысяч чилийцев, нельзя будет вырвать окончательно».

Жизнь неумолимо подтвердила эти слова. За три года Народного единства трудящийся Чили почувствовал, что он не раб, а человек. И нет такой силы, которая бы заставила его вновь превратиться в раба.

Это увидели и поняли все. С тревогой пишет «Вашингтон пост» о том, что Народное единство «действительно в немалой степени улучшило судьбу чилийцев, находившихся на самых низких ступенях социальной лестницы. Благодаря ему многие рабочие и крестьяне в большей мере почувствовали себя участниками жизни страны, чем прежде. Это такие завоевания, ...которыми опасно пренебречь».

Не берусь судить, из каких побуждений пишет об этом «Вашингтон пост». Может быть, лишь призывает хунту рассмотреть действительность сквозь кровавый туман, заслонивший ей глаза. Но кара, которая постигнет тех, кто «пренебрег» завоеваниями народа, неотвратима, как неотвратим был Нюрнберг уже в первые дни зарождения германского фашизма. И пусть справляют сегодня кровавый шабаш черные генералы Чили над трупами тысяч чилийцев, но смотрят по сторонам и готовятся к тому, что их ждет. Пусть и они прочтут обращение Коммунистической партии Чили «К чилийскому народу», напечатанное в подполье и распространенное нелегально среди населения 11 октября 1973 года, спустя месяц после переворота.

Газета Итальянской компартии «Унита» рассказала миру об этом обращении, изложив его содержание на своих страницах.

В этом документе дан глубокий анализ причин переворота, положения в стране и намечена конкретная программа действий. Идея государственного переворота в Чили, говорится в обращении, родилась в кабинетах ЦРУ в непосредственном сговоре с монополиями ИТТ и «Кеннекот купер корпорейшн».

Оценивая события в стране после путча, Чилийская компартия отмечала, что репрессии против коммунистов

не случайны. В них видит военная хунта главного своего врага. Поэтому она объявила коммунистическую партию вне закона. Она объявила вне закона также все политические партии и организации, которые руководствуются учением Маркса-Энгельса-Ленина. Но марксизм нельзя запретить. Как идеология рабочего класса, как система научных знаний, призванная служить орудием преобразования мира, он будет существовать века. И так же невозможно запретить, отменить деятельность коммунистической партии, которая руководствуется марксистско-ленинской идеологией.

Мы представляем прежде всего интересы рабочего класса, говорится в обращении. Эти интересы совпадают с интересами трудящихся, всего народа. В этом залог нашей грядущей неизбежной победы.

В настоящее время «главной задачей коммунистов и представителей всех прогрессивных и демократических сил является сохранение и расширение единства. Только объединенные действия всех кругов, готовых дать отпор военной диктатуре, способны принести победу. Только объединенными усилиями можно осуществить исторические задачи, стоящие перед чилийским рабочим классом и всем народом». Именно на этот путь консолидации, ведущему к победе, становятся сегодня демократические силы страны. После переворота их ряды увеличились. Те, кто еще колебался, кого разлагала лживая пропаганда, кто роптал в связи с трудностями, создаваемыми реакцией, кто верил правым лидерам, отбросили прочь все сомнения, когда увидели, чего добивается реакция. Сегодня в полной изоляции остались только кровавая хунта вместе с самой крайней реакцией, поддерживаемые реакцией внешней. Весь чилийский народ против фашистского режима, навязанного стране силой оружия.

...В одной из больших аудиторий Москвы я слышал последнее обращение к народу Сальвадора Альенде, записанное на пленку корреспондентом советского радио в Чили. Только две-три секунды после речи длилось молчание. И вдруг мы услышали песню. Боевая революционная песня чилийского народа. Ее пели коммунисты, демократы, все, кто находился на радиостанции «Магальянес». В эту песню ворвался молодой, сильный голос и тут же был подхвачен другими. Это были призывы к борьбе, вера в силы народа. Их слова неслись над страной. Их не мог забить слышавшийся гул самолетов. Может

быть, тех же, что разбомбили «Радио Порталес» и «Радио Корпорасьон». Теперь они шли на «Магальянес». Это понимали находившиеся у микрофонов. Они знали, что вызывали вражеский огонь на себя, знали, что это последние минуты их жизни, но и песня, и революционные призывы звучали как победный гимн, как слава жизни.

Мы не слышали бомбового удара по радиостанции. Но ощутили его каждой своей клеткой. Не шелохнувшись, сидел огромный переполненный зал, и казалось, раздайся сейчас клич, как один, поднялись бы советские люди, чтобы смести с лица земли новое фашистское логово.

Это видел находившийся в зале член Политкомиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм. Наши чувства известны чилийскому народу. Это помогает ему бороться. Так говорят в своем обращении к народу чилийские коммунисты. И вместе с ними каждый из нас повторяет сегодня последние слова Сальвадора Альенде:

«Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеют все, и в этот горький и тяжкий момент, когда стране пытаются навязать предательство, знайте, что недалек тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество».

Солидарность

11 сентября 1973 года в разгар военного мятежа собрался боевой штаб чилийских коммунистов — Политическая комиссия Центрального Комитета Коммунистической партии Чили. Несмотря на создавшиеся условия, при которых связь с партийными органами провинций и ряда районов столицы была чрезвычайно затруднена, Политическая комиссия располагала достаточной информацией о положении во всей стране.

Измена и тайный сговор высших офицеров всех родов войск, сумевших направить вооруженные силы страны против народа, делали невозможным открытое массовое столкновение рабочего класса и всех трудящихся с танками, авиацией, артиллерией и пехотой, снабженной сов-

ременным американским оружием. Призыв к открытому выступлению против вооруженных сил мог привести к поголовному истреблению не только активных сторонников Народного единства, но и вызвать бесчисленные жертвы среди всего населения.

И Политическая комиссия призвала коммунистов уйти в глубокое подполье по заранее подготовленному плану, ибо требовалось прежде всего сохранить жизнь людей, сохранить кадры партии для дальнейшей борьбы. И хотя повсеместно возникали массовые столкновения трудящихся с вооруженными до зубов армейскими подразделениями и жертв было немало, хотя в силу чудовищной случайности хунте удалось схватить Генерального секретаря Компартии Луиса Корвалана, жизнь массы людей была спасена, был сохранен основной костяк партии коммунистов и многочисленного актива демократических сил. И это очень скоро почувствовала хунта. Недаром фашистский генерал Пиночет, захвативший власть, вынужден был заявить на совещании своих подручных:

«Из всех наших врагов главным и наиболее опасным является коммунистическая партия. Мы должны разрушить ее сейчас, пока она реорганизуется по всей стране. Если нам это не удастся, она уничтожит нас».

Но разве подлому предателю под силу разрушить героическую Компартию Чили, имевшую полувековой опыт борьбы, одну из главных демократических сил, одержавшей победу на выборах в 1970 году, испытавшую кровавый режим Гонсалеса Виделы, закаленную в подполье и в тягчайших условиях террора других временщиков!

Доблестная Коммунистическая партия Чили развернула подпольную деятельность по сплочению всех сил народа против нового кровавого режима. Первое же воззвание компартии, размножавшееся коммунистами на местах, дошло не только до народных масс, но проникло и сквозь тюремные застенки к их лучшим представителям, схваченным хунтой.

Трудно переоценить роль этого первого документа партии из подполья. Люди прочли его в момент поголовной фашистской резни и кровавого разгула реакции, какого еще не знала история Чили. И самый факт, что в такое время, когда сплошные облавы не миновали ни одного чердака или подвала, появился мощный зов ком-

мунистической партии, казался невероятным. Он вселял в людей надежду, веру в жизнь, перед каждым ставил задачу трудную, но посильную для скорейшего свержения фашистской диктатуры.

В этом документе, в частности, говорилось:

«Нынешнее положение вещей не вечно. Ложь не одержит верх над правдой, угнетение над свободой, а фашизм над демократией. Поздно или рано, скорее рано, чем поздно, страна выйдет из состояния мракобесия и регресса. Нет и не может быть таких сил, которые были бы способны надолго заковать в кандалы наш народ, подавить прогрессивные течения в обществе... Народ снова вернется к власти, и он, разумеется, не будет обязан восстанавливать все существовавшие ранее институты».

Призыв компартии, подчеркивавший необходимость сплочения всех сил нации как важнейшего условия победы, практически был обращен к каждому чилийцу. В рядах борцов за единство, говорилось в документе, есть место для каждого мужчины и женщины, юноши и девушки, если даже вчера под влиянием реакционной пропаганды они были в оппозиции.

Призыв компартии нашел широчайший отклик в сердцах людей. Лишенная какой бы то ни было поддержки в народе, хунта с каждым днем теряла и тех, кто на первых порах поддерживал идею переворота. Даже христианско-демократическая партия, способствовавшая захвату власти реакцией, стала все более открыто выступать против фашистского режима Пиночета. И единственным средством, которым он пытается удержать власть, остался лишь безудержный террор. Поэтому Пиночет объявил страну «в состоянии войны». Численность войск после переворота была увеличена с 80 тысяч до 300 тысяч человек.

Но что это значит? С кем война?

Военная хунта, в руках которой оказались вооруженные силы, объявила войну своему народу. Или, как цинично заявила газета «Меркурио», «страна была оккупирована своими вооруженными силами». Но для оккупации, для того чтобы держать в повиновении свободолюбивый протестующий народ, нужен многочисленный, широко разветвленный карательный аппарат. И такой аппарат Пиночет создал в первый же период своего господства. В главный карательный орган он превратил военную разведку — Сервисимо информасьон милитар

(СИМ). Ну что ж, логика здесь прямая — коль война против народа, значит, и военная разведка против народа.

Ищейки СИМа — это около четырех тысяч офицеров и унтер-офицеров. СИМу были приданы двадцать тысяч жандармов-карабинеров и шесть армейских полков для наведения «порядка» и сохранения «безопасности». Они дислоцируются в шести наиболее крупных городах страны.

Заимствуя опыт своих покровителей из США, хунта создала так называемую «Дирекцию по национальному коммунистическому расследованию» (ДИНА) по образу и подобию Федерального бюро расследований США. ДИНА насчитывает восемь тысяч сотрудников и тайных резидентов и является ярко выраженной политической охранкой, наподобие гестапо. ДИНА установила связь с ФБР и секретными службами Бразилии, Боливии, Гватемалы, Парагвая и Уругвая.

Но и этих объединенных отрядов для подавления народа оказалось мало. В дальнейшем к ним подключились служба разведки военно-морских сил — СИН и военно-воздушных сил — СИФА. В июне 1974 года была официально создана тайная полиция Чили — национально-разведывательное управление — НРУ.

Здесь не только созвучие с ЦРУ. Здесь восприняты и провокационные методы американской разведки. НРУ получило неограниченные полномочия арестовывать и держать под стражей людей без всяких формальностей и объяснений. НРУ подотчетно только Пиночету.

Нарушения элементарных прав человека, изощренные пытки в многочисленных застенках, жесточайший террор и непрекращающиеся аресты невинных приобрели такой характер, что они не могли не вызвать протеста мировой общественности.

Под воздействием общественных сил почти всех стран мира, по просьбам парламентов и правительств вопрос о катастрофическом положении в Чили стал предметом рассмотрения во многих официальных международных организациях, в том числе и в органах ООН.

Еще в 1973 году стало известно, что хунта решила расправиться с Луисом Корваланом и другими демократическими деятелями Чили. В этой связи советский представитель на проходившей в то время XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН призвал председателя

сессии и Генерального секретаря ООН принять самые срочные меры для предотвращения готовившегося злодеяния.

Требование советского делегата, который выступал от имени правительства СССР, было поддержано представителями многих стран, в результате чего председатель Генеральной Ассамблеи и Генеральный секретарь ООН направили чилийским властям соответствующие предостережения. Протест международного сообщества в тот момент остановил занесенную руку палачей.

На защиту прав и свобод человека, грубо поправанных в Чили, встали социально-правовые органы ООН. XXX сессия Комиссии по правам человека, проходившая в марте 1974 года, учитывая реальную обстановку в Чили и угрозу для жизни многих заключенных, направила хунте телеграмму, выразив свою озабоченность этим обстоятельством, и потребовала освободить политических заключенных.

Спустя короткое время еще один орган ООН вынужден был указать хунте на беззакония, чинимые ею. Речь идет об Экономическом и социальном совете, который 17 мая 1974 года призвал чилийские власти принять все необходимые меры для восстановления и защиты основных прав человека и основных свобод.

Не прошло и трех месяцев, как подала голос в защиту чилийцев Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, принявшая резолюцию, где говорилось о том, что произвольные аресты, пытки, жестокое обращение с заключенными в тюрьмах, концентрационных лагерях или находящихся под стражей в других местах является грубейшим нарушением международно-правовых норм.

Против чудовищных деяний хунты официально выступили ЮНЕСКО, конференция ООН по торговле и развитию, Международная организация труда, множество международных организаций, не входящих в систему ООН.

При таких обстоятельствах и был вынесен вопрос о положении в Чили на XXIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН. В развернувшейся дискуссии представители многих стран призывали высший международный орган принять, наконец, самые решительные меры против грубейшего попрания хунтой человеческого достоинства целого народа. Социалистические и развивающиеся стра-

ны представили совместную резолюцию, требовавшую безотлагательных действий по обузданию хунты. Проект этой резолюции был принят Третьим комитетом Генеральной Ассамблеи, а затем и пленарным заседанием Ассамблеи.

Решения Генеральной Ассамблеи и ее органов были одобрены абсолютно подавляющим большинством голосов и, таким образом, отражали за редким исключением точку зрения правительств всех стран мира.

Действия Организации Объединенных Наций, бесспорно, обусловились поистине всемирным массовым движением общественных сил в защиту чилийского народа.

В марте 1974 года была создана Международная комиссия по расследованию преступлений военной хунты в Чили. В нее вошли представители около 100 стран и международных организаций. В ее составе виднейшие юристы, специалисты международного права, ученые, представители религиозных культов, известные общественные деятели — коммунисты, социалисты, социал-демократы, демо-христиане, руководители профсоюзных, женских, молодежных и других международных общественных организаций.

Огромный аппарат Международной комиссии, действующий на общественных началах, опирающийся на национальные комитеты солидарности с чилийскими демократами, созданными во многих странах мира, поставил своей целью освещать подлинное положение дел в Чили и всеми доступными ему средствами разоблачать преступления хунты в целом и каждого палача, обогрившего руки кровью чилийского народа.

Международная комиссия собирает, анализирует и обобщает свидетельские показания, документы и материалы, характеризующие основные направления военно-террористической деятельности хунты и на основании заключений высокоавторитетных экспертов и наблюдателей из многих стран информирует об этом правительства, парламенты и мировую общественность.

В первый год существования Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили состоялись три ее сессии — в Копенгагене, Хельсинки и Мехико. Третья сессия, которую открыл президент Мексики, привлекла большое внимание всей мировой общественности. Преданные широкой гласности до-

кументы, принятые сессией на основании глубокого анализа фактов и свидетельских показаний, неопровержимо доказывают, что хунта насаждает в стране фашистский режим, попирая достоинство народа, его элементарные права и свободу. Деяния хунты справедливо характеризуются как преступления перед человечеством.

Принятые документы рассматривают положение в Чили во всех основных аспектах жизни народа.

В итоговом заявлении сессия констатирует, что мятежные офицеры во главе с генералом Аугусто Пиночетом, свергнувшие законное правительство Чили и убившие президента Сальвадора Альенде, вступили в заговор, являвшийся государственной изменой, задолго до государственного переворота, совершенного силой оружия. Массовые убийства незащитных граждан, совершенные после переворота, были рассчитаны на то, чтобы силой террора заставить народ подчиниться военной диктатуре.

Подобными же методами хунта действует и в настоящее время, хотя провозглашает «либерализацию жизни в стране». В годовщину переворота, 11 сентября 1974 года, как великое благо для народа, хунта издала декреты № 640 и 641, отменявшие «состояние войны».

Но это был подлый обман. Вместо «состояния войны» было введено «осадное положение в степени внутренней обороны». Практически от смены названия ничего не изменилось, ибо остались действовать военные трибуналы с чрезвычайными полномочиями военного времени. Отменой «состояния войны» хунта пыталась обмануть мировое общественное мнение, утверждая, будто в Чили наступает спокойное время. Но о каком спокойствии можно говорить, если она практически признает, что и в настоящее время находится в осаде, которую тщится прорвать террором чрезвычайных военных трибуналов.

Итоговое заявление третьей сессии Международной комиссии свидетельствует, что в Чили полностью прекращено действие законности и военные трибуналы продолжают бросать в тюремные застенки невиновных, продолжают жесточайшие репрессии.

Особая ценность работы Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты заключается в том, что она отбирает только факты, неопровержимо доказанные.

Лишенная возможности привести хоть какие-либо

доказательства в «измене» арестованных руководителей Народного единства и под давлением мирового общественного мнения вынужденная искать объяснения бесчисленным арестам, хунта прибегла к новым маневрам. Она стала обвинять ряд членов законного правительства Народного единства в «нарушении правил уплаты налогов», в «растратах» и других столь же лживых уголовных преступлениях.

Вернувшийся из Чили член Верховного суда Финляндии Олави Хейнонен в своем выступлении на третьей сессии Международной комиссии сделал анализ подобным «обвинениям» и доказал их полную несостоятельность.

Однако подавляющему большинству заключенных, говорится в итоговом заявлении сессии, вообще не предъявлено никаких обвинений. Они содержатся под стражей по превентивным соображениям и без определения срока. Почти половина опрошенных заключенных заявили, что они никогда активно не занимались политикой и ни один из них не знает, за что был арестован и когда будет освобожден.

Ряд свидетелей подробно описали ужасы бесконечных «сеансов» пыток. Их показания вскрывают картину дьявольской изощренности в изобретении жестоких пыток, которым подвергаются жертвы независимо от возраста, пола и физического состояния.

В катастрофическое положение пришла экономика Чили, население доведено до крайней степени обнищания, о чем также убедительно говорят документы Международной комиссии. Неудержимая инфляция, достигшая уже фантастических размеров, все нарастающий уровень безработицы, разорение мелких и средних предпринимателей доводят население до отчаяния.

В таких условиях, при серьезных финансовых трудностях нынешних правителей, они выплачивают иностранным корпорациям и монополиям компенсации за национализированное Народным единством имущество.

Итоговое заявление констатирует, что заговорщики, столь жестокими методами захватившие власть якобы с целью положить конец «экономическому хаосу», оказались совершенно неспособными управлять экономикой страны. Они лишили все организации, представляющие трудящихся, возможности защищать интересы работающих по найму и потребителей. Это привело к жестокой

эксплуатации чилийского народа в интересах промышленников и финансистов, ранее поддерживавших подлинные действия, а теперь делающих все для того, чтобы заговорщики удержались у власти.

Международная комиссия раскрыла еще один чудовищный заговор фашистских диктаторов. По официальным заявлениям хунты, в стране насчитывается более миллиона детей, нуждающихся в «защите государства». Шестьсот тысяч детей, у большинства которых родители убиты или томятся в застенках, хунта намеревается изолировать в специально отведенные места для «исправления». В отношении подобных планов комиссия высказала серьезную тревогу, ибо подобными методами хунта пытается подвергнуть обработке умы молодого поколения, чтобы воспитать тупых исполнителей своей преступной воли.

Специальному рассмотрению подвергла комиссия и другие аспекты деятельности правителей Чили. Она доказала полную деградацию и разрушение системы образования и культуры. Объявив материальную обеспеченность единственным условием обучения, установив непомерно высокую плату за обучение, хунта лишила возможности десятки тысяч студентов продолжать учебу, закрыла двери учебных заведений для трудящихся, в том числе интеллигенции, оставив образование привилегией лишь детей капиталистов.

Уверенная в недолговечности власти хунты, держащейся на крови народа, комиссия считает, что чилийский народ сам найдет справедливую меру возмездия за все ее злодеяния. Однако, отмечает комиссия, террор, развязанный в Чили, следует рассматривать не только с точки зрения национальных законов. Он затрагивает международное сообщество как в политическом и моральном, так и в юридическом отношении. И хунта должна быть призвана к ответу перед сообществом народов за свои чудовищные и систематически совершаемые зверства. По мнению комиссии, нарушения прав человека хунтой настолько тяжки, что с полным правом могут квалифицироваться как преступления против человечества.

В результате глубокого анализа всех аспектов сегодняшней чилийской действительности «комиссия не может найти иного определения природы данного режима, вытекающего из его образа действий, чем режима, харак-

терного для государства фашистского образца. Хунта со всем, что она отстаивает, является вызовом человечеству и угрозой благосостоянию и прогрессу народов. И на этот вызов необходимо ответить без промедления всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами».

Третья сессия Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты, проходившая с 18 по 21 февраля 1975 года, на основе представленных ею фактов выступила с обращением к правительствам всех стран, призывая их немедленно прекратить любые виды помощи и поддержки хунте, приостановить с ней все политические, дипломатические и экономические отношения, создать вокруг хунты обстановку полной изоляции и оказывать всестороннюю поддержку чилийскому народу. Комиссия призывает страны мира сделать все возможное, чтобы заставить хунту прекратить террор, освободить всех политических заключенных, закрыть все концентрационные лагеря и отменить осадное положение.

В программе будущей деятельности комиссия наметила пути эффективного сотрудничества правительственных и общественных организаций, направленного на устранение нарушений общепризнанных гражданских, политических и социальных прав и свобод человека в Чили, на восстановление демократии и законности в этой стране. Комиссия поручила своему Юридическому подкомитету на основе сотрудничества с международными организациями, особенно юридического и гуманистического характера, составлять списки всех лиц, виновных в соучастии в преступных действиях в Чили, совершаемых с 11 сентября 1973 года, имея в виду их последующее наказание. Эти списки с приложением соответствующего доказательственного материала публикуются в бюллетене комиссии.

Решения Генеральной Ассамблеи ООН и других ее органов вместе с массовой международной деятельностью организованных общественных сил в защиту чилийского народа оказывают неоценимую помощь в его борьбе за освобождение от фашистского ига. Об этом, в частности, говорилось в Манифесте Коммунистической партии Чили, обращенном к партии и народу, подпольно распространявшемся среди населения страны.

Этот документ огромной политической силы дает глубокий марксистский анализ событиям, происходящим в Чили, причинам, приведшим к трагическим послед-

ствиям, намечает конкретный план борьбы против военно-фашистской диктатуры.

Манифест констатирует, что в подавляющем большинстве стран все шире разворачивается движение солидарности с Чили и ее народом, что нет такой международной прогрессивной организации трудящихся, которая не проявила бы солидарности с чилийским народом, не осудила бы фашистские преступления, не потребовала освобождения политзаключенных.

Хунта ввергла страну в экономический кризис и хаос не только из-за своей неспособности, но главным образом в силу классовой направленности своих действий. Ее политика устремлена на превращение Чили в страну с высокой концентрацией монополистического капитала, низкой зарплатой рабочего класса и всех трудящихся. Положение владельцев грузовиков, таксистов, торговцев, земледельцев, лиц свободных профессий, то есть слоев, которые использовали мятежники в качестве орудия заговора, систематически ухудшается, а некоторым из них грозит разорение. Естественно, что и в этих слоях чилийского общества хунта потеряла всякую поддержку. Что касается основных масс трудового народа, то они еще более утвердились в своей ненависти к фашистской хунте.

Крайне пагубные последствия экономической политики фашистской хунты и негативная реакция, которую вызывают режим полицейского государства и совершаемые им преступления, привели узурпаторов к изоляции внутри страны, что наглядно отражается в их собственных заявлениях.

Ярый фашист Ли, который уже вечером 11 сентября 1973 года в позе не то Наполеона, не то Гитлера говорил, что хунта на вечные времена искоренит «раковую опухоль марксизма», теперь жалко лепечет:

«Надо сказать со всей откровенностью, что в Чили за вооруженными силами — пустота. Мне больно говорить об этом... но скажите, господа, разве я не прав? Что стоит в Чили за вооруженными силами? Это последнее средство, последний резерв был поставлен на карту 11 сентября. Мы выиграли, но с тех пор взяли на себя огромную ответственность».

Они уже говорят об ответственности, они уже трепещут перед ней, хотя совсем еще недавно подобная мысль им и в голову не приходила, как и не думали главари

гитлеровского рейха о Нюрнберге, начиная порабощение народов.

Нет, не зря хунта заговорила об ответственности. Она хорошо видит, ощущает на себе, как все ближе к границам захваченного и оккупированного ею государства подступает внешнеполитическая изоляция, как накаляется гнев народа, как ширятся и вздымаются волны протестов мировой общественности против ее злодеяний и борьба самого чилийского народа.

Политический комитет Народного единства в своем обращении к народу заявил:

«Чили стоит перед лицом огромного вызова, на который может быть лишь один ответ: создание широкого антифашистского фронта, охватывающего всех мужчин, женщин и молодежь нашей страны, способного свергнуть диктатуру, создать обновленную демократию и, при поддержке большинства народа, вновь вступить на путь революционных преобразований».

У Коммунистической партии Чили, одной из решающих сил Народного единства, есть все основания для веры в эту победу. С первых же часов после переворота она наметила единственно правильный путь к победе — создание самого широкого фронта всех сил народа, объединение людей всех мировоззрений, кроме фашистского, сплочение всех политических партий и общественных организаций, за исключением реакции, для осуществления главной задачи нынешнего черного дня в истории страны — свержение власти военно-фашистской диктатуры.

На этом пути еще огромные трудности, еще все виды вооруженных сил находятся в руках хунты, но уже обращение к войскам коммунистической партии заставило всполошиться хунту и привело в ярость ее главаря Пиночета, уже в один ряд против фашистской диктатуры становятся все более широкие массы, в том числе церковь. Преступления диктатуры, говорится в Манифесте, встретили решительное сопротивление со стороны церковных кругов.

Манифест Коммунистической партии провозглашает антифашистский фронт движением, способным дать стране правительство с участием всех входящих в него сил.

В середине ноября 1975 года в Афинах состоялась Международная конференция солидарности с народом Чили, длившаяся три дня. В ней приняло участие около

100 стран и международных организаций. Созыв этой конференции был вызван тем, что фашистская хунта Пиночета вопреки мощному протесту международной общественности, игнорируя решения ООН и ее органов, продолжает свою террористическую деятельность против чилийского народа. Перед участниками конференции выступили многочисленные свидетели чудовищных злодеяний хунты.

Конференция получила мощный резонанс во всем мире. В ее воззвании ко всем народам мира говорится, что фашистский режим в Чили — это порождение наиболее реакционных сил империализма. Этот режим находится в вопиющем противоречии с главными направлениями сегодняшнего международного развития, с духом времени. Фашизм, отмечается в воззвании, несовместим со стремлением народов к миру и разрядке, к демократии и социальному прогрессу.

В других итоговых заявлениях конференция призвала народы мира всеми доступными средствами добиваться политической, дипломатической и экономической изоляции фашистской хунты Пиночета, препятствовать поставкам этому режиму оружия и военного снаряжения, всеми силами поддерживать героическую борьбу чилийского народа против фашизма.

Афинская конференция обратилась к председателю Генеральной Ассамблеи ООН с призывом принять решительные практические меры, включая санкции и принудительные действия, чтобы обуздать фашистский режим Пиночета.

С особым единодушием участники Международной конференции в Афинах обратились с посланием к героическому чилийскому народу. «Мы собрались здесь, — говорится в нем, — чтобы осудить фашизм, воплощением которого является военная хунта в Чили. Мы боремся за искоренение фашизма во всем мире и желаем скорейшего освобождения чилийского народа от гнета фашистской хунты».

Афинская конференция разработала обширную программу дальнейших действий движения солидарности с народом Чили. В программе отмечается, что в этом движении принимают участие представители народных масс национальных правительств, парламентов и международных организаций. Программа предусматривает дальнейшие практические действия по сплочению и рас-

ширению движения солидарности с чилийским народом, которые будут способствовать политической и экономической изоляции хунты и окажут поддержку народу Чили в его борьбе против гнета диктатуры кровавого Пиночета.

Одновременно с афинской встречей, явившейся важной вехой борьбы против фашизма, реакции и милитаризма, в поддержку чилийского народа выступил Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН, заявивший, что в Чили повседневно унижается и оскорбляется человеческое достоинство, подавлены элементарные права, продолжаются незаконные аресты и жестокие пытки.

Большой резонанс получила также проходившая в Лондоне Международная студенческая встреча солидарности с народом Чили. Этот международный студенческий форум единодушно отметил, что преступления чилийской хунты по своему характеру являются такими же, как злодеяния гитлеровского фашизма.

Международная конференция в Афинах, Лондонская международная встреча студентов, решение Третьего комитета ООН, бесчисленные национальные конференции, встречи, демонстрации направлены на защиту чилийского народа и свидетельствуют о все нарастающем движении против фашизма.

Манифест Коммунистической партии Чили, принятый в 1977 году и обращенный к партии и народу, анализирует события, происходящие в Чили в настоящее время, намечает конкретный план борьбы против военно-фашистской диктатуры.

В Чили создается новая политическая обстановка, констатирует Манифест. В результате внутренней и международной изоляции у фашистской хунты начинает уходить почва из-под ног. Открываются перспективы усиления и расширения борьбы масс за свои права и уничтожение тирании. Наступил момент, который сыграет решающую роль в нашей истории.

Сегодня хунта уже не в состоянии действовать так, как в первый период своего господства.

Эти положения Манифеста основаны на многих фактах. В первый период господства хунты какие бы то ни было протесты внутри страны, кроме распространения подпольной литературы, были невозможны. Затем начались открытые выступления, носившие только эконо-

мический характер. Одним из крупнейших было требование трудящихся медной промышленности заключить с ними коллективные договоры и восстановить уровень зарплат, существовавших в 1973 году, то есть при правительстве Народного единства.

В настоящее время открытые выступления становятся все более частыми и носят не только экономический, но и главным образом политический характер. Недавно тридцать шесть деятелей чилийской культуры обратились с письмом к Генеральному секретарю ООН, протестуя против деяний хунты. Не страшась ее, зная, что их письмо будет опубликовано, они поставили свои подписи под разоблачительным документом, апеллируя к мировому сообществу. С огромной радостью и гордостью я увидел среди подписавших и имя своего друга Франсиско Колоане.

После переворота я не раз задумывался над его судьбой. Знал, что он выступал на траурном митинге во время похорон Пабло Неруды. С тех пор четыре года ничего о нем не слышал. И вот эта радостная весть.

Открытый вызов хунте бросают не одиночки. 27 декабря 1976 года на территории Чили состоялась встреча представителей всех партий блока Народного единства.

В ее заключительном заявлении, в частности, говорится:

«Политическое руководство Народного единства, собравшееся на совещание в Сантьяго в декабре 1976 года, обращается ко всем чилийским демократам и всему миру с целью разъяснения своей платформы и уточнения задач в этот тяжелый час, утверждая свою роль авангарда борьбы народа за свободу и новую демократию».

Красной нитью в обращении проходит призыв к объединению всех антифашистских сил.

В заявлении указывается, что список без вести пропавших, насчитывающий 2500 человек, пополняется новыми жертвами. Примером тому служит недавний арест профессоров Фернандо Ортиса и Линкойана Берриоса.

Даже демо-христианские круги, сыгравшие зловещую роль в подготовке переворота, требуют в настоящее время незамедлительного восстановления демократии. Отношения ХДП с хунтой обострились до крайности после закрытия их радиостанции «Бальмаседа», которая выступила с разоблачением финансовых махинаций одиозных лиц, близких к военной хунте. Среди интеллиген-

ции, подчеркивается в заявлении, диктатура находит не больше поддержки, чем среди трудящихся. Ярким примером тому служит последовательная позиция целого ряда юристов: Хайме Кастильо, Хосе Салакета, Эухенио Веласко и Эрнана Монтеалегре, которые рискуют своей собственной безопасностью ради защиты прав человека в Чили.

Заявление, как и другие документы борющегося народа, подпольно распространяется среди населения, доводится до сведения иностранных журналистов, аккредитованных в Чили.

Все более открытую борьбу ведут профсоюзы. 122 низовые профсоюзные организации, не боясь преследований, заявили хунте о своем намерении провести в Сантьяго массовую встречу трудящихся в ознаменование 1 Мая 1977 года. А вот Пиночет побоялся рабочей демонстрации. Его решение, запрещавшее трудящимся собраться на праздник солидарности, вызвало открытый протест 126 профсоюзных организаций.

Эти факты — убедительное свидетельство организованных действий рабочего класса — главной силы сопротивления в условиях фашистских репрессий.

Руководящий профсоюзный центр страны — КУТ запрещен, однако у хунты не хватает политических сил запретить профсоюзное движение, имеющее в Чили многолетние традиции, поддерживаемое международными центрами профдвижения и церковью.

Все более открыто стала выступать молодежь Чили. В марте 1977 года началось движение протеста студентов, настаивающих на снижении стоимости обучения. Подвергая себя большой опасности, триста человек поставили свои подписи под манифестом, требующим ликвидации контроля военщины над всей системой образования. Голодную забастовку провели родственники пропавших без вести. Впервые за четыре года проведена открытая демонстрация в связи с очередным американским фарсом «в защиту прав человека». Вот как это произошло.

Большая группа высокопоставленных представителей президента Дж. Картера в августе 1977 года отправилась в ряд латиноамериканских стран, где господствуют реакционные режимы. Поехали, чтобы поддержать их, но под благовидным предлогом — оказать помощь в защите демократических прав. С этой миссией и прибыл в Чили

помощник государственного секретаря США по межамериканским делам Т. Тодмен.

Заранее извещенный о цели визита, Пиночет накануне приезда Тодмена продемонстрировал готовность хунты «содействовать уважению прав человека». Это «содействие» выразилось в том, что тайная политическая полиция — ДИНА, снискавшая славу гестапо, была переименована в Национальный информационный центр. По наследству к нему перешли все ее функции.

Тодмен остался доволен камуфляжем. По возвращении в США он заявил: «Существующее мнение о положении в Чили, впечатление, которое создавалось в мире из-за отсутствия информации, не соответствует действительности, с которой сталкиваешься, посетив эту страну».

Может быть, Тодмена ввели в заблуждение? Может быть, он не увидел, что творится в Чили?

Видел! В дни пребывания его в Сантьяго более ста женщин собрались у здания Верховного суда, требуя ответить, где «пропавшие без вести».

Группа женщин во главе с Матильдой Уррутия, вдовой Пабло Неруды, вручила секретарю Верховного суда петицию, подписанную более чем двумя тысячами человек, среди которых профсоюзные деятели, рабочие, крестьяне, служители религиозных культов, родственники и друзья пострадавших.

В петиции, кроме прочего, говорится: «11 сентября 1973 года Пиночет сказал: «В качестве признания непреходящей роли женщины в нашей гражданской и общественной жизни впервые в истории Чили устанавливается равенство прав между мужчинами и женщинами». Мы утверждаем, — подчеркивается в петиции, — что это выполняется только в области арестов, похищений и пыток. Именно в этом и состоит равенство мужчин и женщин, о котором с такой гордостью говорил господин президент республики».

В движении протеста участвуют множество оживших и вновь созданных общественных организаций, чью деятельность хунта уже не в состоянии пресечь. Массы трудящихся выражают свои стремления через комитеты безработных, квартальные комитеты, центры матерей, спортивные клубы и многие другие организации.

Открыто стали выражать недовольство режимом средние слои населения, в том числе торговцы, ремесленники.

Подпольные типографии печатают и чилийские патриоты распространяют листовки, среди которых и такие: «Папа, мы хотим знать, где они тебя держат», «Где мой сын?», «Где мой муж?», «Где мой отец?» — и подлинные подписи под каждой.

Увеличился выпуск подпольных газет и листовок коммунистами, социалистами, другими демократическими силами.

Многие руководители левых сил были истреблены или томятся в тюрьмах, но на смену им пришли новые люди, возглавившие борьбу внутри страны.

Новый размах получило международное движение солидарности. В ФРГ, например, 11 сентября 1977 года более чем в 100 городах прошли митинги и демонстрации в поддержку чилийского народа. У посольства Чили в Бонне состоялась демонстрация протеста молодежи против режима Пиночета.

Неделя солидарности с чилийскими патриотами, начавшаяся 11 сентября 1977 года, охватила все континенты. Портовые рабочие Генуи отказались разгружать чилийское судно «Льянкиуз», доставившее партию меди в Италию. После митинга портовики передали капитану судна петицию, в которой указывается, что бойкот будет продолжаться до тех пор, пока не освободят руководителей чилийских рабочих Эксекеля Понсе, Виктора Диаса и остальных политзаключенных.

В противовес мировому общественному движению кошунственную акцию совершил президент США Дж. Картер. Он принял главаря хунты Пиночета и имел с ним беседу, выразив поддержку фашистскому режиму. Поощренный в своих действиях, вернувшись в Чили, Пиночет заявил, что все остается без изменений. В своей речи 11 сентября он недвусмысленно дал понять — остается в силе политика кровавой диктатуры.

Как чудовищное издевательство восприняли чилийцы слова генерала-предателя, захватившего власть, о поддержке чилийским правительством линии Картера на так называемую «защиту прав человека».

О какой защите прав человека может вести речь палач! Что такое честь, права человека по-пиночетовски, 19 января 1977 года продемонстрировала «Меркурио».

В ответ на решение Гайаны разорвать дипломатические отношения с хунтой, газета оскорбила народ целой страны, вознося в доблесть геноцид.

«Как индейцы Ягана, так и негры Бурхама,— писала «Меркурио»,— являются инстинктивными врагами европейцев и их белых потомков американцев», что, по мнению этого рупора реакции, есть «признак слабого развития». Какие уж там права человека!

Положение рабочего класса, констатирует Манифест компартии, является драматическим, самым худшим за всю его историю. Трудящиеся Чили стали главным объектом фашистских преследований.

Безработица охватывает двадцать процентов трудоспособного населения. Зарплата многих категорий рабочих и служащих в несколько раз меньше прожиточного минимума. Голод стал ужасным бичом. От него страдают миллионы чилийцев.

Драма народа, говорится в Манифесте, достигает невероятных размеров. Стремительно растет проституция среди детей и молодежи, все больше людей становятся алкоголиками, преступниками, широко распространилось нищенство. Растет число умственно больных и самоубийств. Чтобы спасти жизнь детей, матери отдают их для усыновления за границей, отказываются от материнства. Потребление в стране за период с 11 сентября 1973 года по 1977 год в денежном выражении сократилось более чем на семь миллиардов долларов. Так сообщается в официальных документах, но положение народа еще хуже.

Более половины участков земли, переданных на основании закона об аграрной реформе крестьянам, возвращены их бывшим хозяевам. Восстанавливается латифундизм.

В горнодобывающей промышленности разоряются мелкие и средние предприниматели. В Андакольо, например, еще в 1976 году работало 70 обогатительных предприятий, а в настоящее время их осталось 15. Разорившиеся предприятия поглощает компания «Норанда Майнз».

Показатели промышленного производства ниже уровня, который был десять лет назад, и на 25 процентов ниже, достигнутого при народном правительстве. Фашистский режим ведет к банкротству не только ремесленников и мелких предпринимателей, но и множества средних и даже крупных собственников.

Жестокость, с которой фашизм навязывает политику государственно-монополистического капитализма, усугуб-

ляется его зависимостью от капитала иностранного. Несколько многонациональных компаний грабят страну. Они установили контроль над стратегическими центрами экономики. Такие монополии, как «Анаконда купер майнинг», восстанавливая свои привилегии, завладевают добычей и сбытом меди.

С помощью «Статута об иностранных инвестициях», отмечается в Манифесте, страна распродается с молотка. Иностранным монополиям предоставлен неограниченный доступ к валютному рынку.

Экономическая модель Пиночета направлена на усиление зависимости от многонациональных компаний, на передачу решений важнейших проблем страны в чужие руки. При этом экономика приобретает все более односторонний характер, углубляется структурный кризис.

Пытки

Очередная сессия Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили подтвердила все свои предыдущие выводы и положения. В ее Заключительном заявлении говорится, что диктаторский режим по-прежнему держит Чили в железных тисках.

С каждым днем морально обанкротившаяся хунта попадает во все большую изоляцию как в мире, так и в собственной стране. Она не жалеет пропагандистских усилий, чтобы обрести хотя бы минимум международного признания. Столкнувшись с последовательными и неоднократными протестами против режима хунты, она в октябре 1975 года представила ООН доклад, тщетно пытаясь оправдаться, представить осуждение ее другими странами как «марксистский заговор».

В интервью западногерманскому журналу «Ди вельт» в марте 1977 года Пиночет заявил: «Попытки изолировать Чили являются прямым либо косвенным воздействием Кремля».

Очередной раз сам себя высек. Изолировать кровавую хунту требует весь мир. И весь мир об этом знает. Что касается Чили, то никогда еще она не видела такой всеобъемлющей поддержки и солидарности всех народов,

ибо, как сказал в своей речи в связи с 60-летием Великого Октября исполнительный секретарь Народного единства К. Альмейда: «...Чили — это не Пиночет. Чили — это не фашизм. Чили — это Сальвадор Альенде, Пабло Неруда, Виктор Хара, Орландо Летерьер, Хосе Тоа, Карлос Пратс. Чили — это рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, лица свободных профессий, боевая молодежь и замечательные женщины-героини».

Специальная Рабочая группа ООН по расследованию нарушений прав человека в Чили убедительно опровергла лживые утверждения Пиночета. Она пришла к выводу — террор остается необузданным и продолжается с неослабной силой. Военные трибуналы по-прежнему обладают далеко идущей юрисдикцией над гражданскими лицами и наделены незаконными правами применять меры наказания военного времени. Изменения в характере осадного положения, объявленные 11 сентября 1975 года и продленные 11 марта 1976 года, носили показательный характер, не имели практического значения, являлись попыткой замаскировать истину.

В докладе, представленном хунтой Организации Объединенных Наций, утверждалось, будто под стражей по законам осадного положения содержится менее 500 человек, около 1400 человек ждут рассмотрения дела военными трибуналами и 2117 отбывают тюремное заключение по приговорам военных трибуналов. Названо всего четыре лагеря заключения: Трес Аламос, Пирке, Пучункави и Ритоке.

Даже это признание убедительно говорит о тюремном режиме. Однако по сведениям, полученным Генеральным секретарем Международной комиссии Хансом Ераном Франком во время его недавней поездки в Чили, число содержащихся под стражей по политическим мотивам составляет семь тысяч человек. Число концлагерей значительно больше, чем признала хунта.

На последней сессии Международной комиссии впервые в качестве свидетелей выступили военные.

Бывшие офицеры чилийской армии рассказали о явно преступных действиях, в которых они были вынуждены участвовать на основании приказов, отданных хунтой. Пассивное исполнение этих приказов, нежелание участвовать в ее преступлениях кончилось для них судебными приговорами и в конце концов высылкой из страны.

Верховный суд Чили по-прежнему является опорой хунты. Специальным заявлением он санкционировал административный произвол со ссылкой на «чрезвычайный» характер арестов. Тем самым Верховный суд Чили отказался от выполнения своих конституционных обязанностей и полностью капитулировал перед военной диктатурой.

Приемы пыток в Чили сравнимы с практикой средневековой инквизиции и гестапо. Свидетельскими показаниями жертв и заявлениями судебно-медицинских экспертов, адвокатов и священнослужителей Международная комиссия установила, что к политическим заключенным применялись следующие виды пыток: подвешивание за руки, пытка электрическим током, сдавливание черепа, погружение в холодную воду, в керосин, вырывание ногтей, избивание, удушение, причинение ожогов сигаретами, кислотой, надламывание костей на руках, помещение в карцер, зараженный насекомыми, надругательство над женщинами специально обученными собаками...

В материалах комиссии названы еще несколько видов пыток, столь непостижимых и чудовищных, что их невозможно здесь привести.

В своих исследованиях комиссия использовала следующие виды документов:

1. Много сотен «декретов-законов» хунты, а также «высшие» декреты и декреты ведомств, резолюции, официальные декларации хунты и заявления ее членов.

2. Обвинительные заключения и приговоры чрезвычайных военных трибуналов.

3. Жалобы адвокатов и священнослужителей, поданные в связи с арестами, и «определения-отказы», внесенные по ним судебными органами.

4. Официальные материалы, опубликованные чилийской печатью, сообщения телеграфного агентства хунты.

5. Свидетельские показания лиц — непосредственных жертв и очевидцев насильственных действий, заслушанные на публичных сессиях Международной комиссии, а также письменные показания.

6. Документальные киноматериалы и фотоснимки, сделанные корреспондентами и наблюдателями в Чили.

7. Рентгеновские и иные медицинские материалы.

8. Доклады комиссий, специализированных и региональных международных организаций.

9. Сообщения и выводы Международных неправительственных организаций.

10. Доклады и заключения групп наблюдателей-парламентариев и адвокатов, посетивших Чили.

11. Доклады индивидуальных наблюдателей.

Для экспертных заключений и оценок, а также консультаций по отдельным правовым вопросам Международной комиссии были привлечены видные юристы — ученые и практики из ряда стран. И все они пришли к единому выводу — в стране воцарился абсолютный произвол, установлена система тотального политического террора фашистского типа.

Этот вывод сделан на основе бесчисленного количества фактов. Вот, например, показания недавно вырвавшегося из застенков хунты Виктора Торо Рамироса, выступавшего ранее против Народного единства.

Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций он заявил:

«23 апреля 1974 года я был арестован в девять часов утра на одной из улиц Сантьяго сотрудниками разведслужбы военно-воздушных сил Чили — СИФА, одетыми в гражданское. Ни о чем не спрашивая, на меня направили оружие и втолкнули в автомобиль. Там сразу же завязали глаза и скрутили руки и ноги. По пути били рукоятками оружия, раздели и пытали электрическими разрядами с помощью аппарата, работавшего от батареи.

Меня привезли на военно-воздушную базу «Эль Боске» под Сантьяго и заточили в бетонную камеру. Там снова начались пытки и допросы. Подвешивали за ноги к потолку, били резиновыми палками и пытали электрическим током. Нескончаемые пытки длились в течение трех дней. Я часто падал в беспамятстве. Агенты СИФА в этих случаях ждали, пока я приду в себя, чтобы продолжать пытки. Несколько дней спустя меня отвезли в военный госпиталь, расположенный в коммуне Лас Кондес в Сантьяго, где «лечили» наркотиками и снова пытали с еще большей жестокостью. Здесь допрашивали и пытали с разрешения военных врачей, наблюдавших меня. Из госпиталя перевезли в Академию военно-воздушных сил (как и в других поездках — с завязанными глазами и скрученными руками). Академия также была приспособлена для пыток и имела подземные помещения, где заключенные могли содержаться длительное время.

Методы пыток и допросов были те же, что и в других местах, с той лишь разницей, что они повторялись более систематично и в течение более длительного времени. Кроме того, тут часто прибегали к имитации расстрела, чтобы морально сломить волю. Другим распространённым методом было содержание заключённого стоя без еды и воды в течение многих часов ежедневно. Малейшее движение заключённого, подвергнутого столь варварской и рафинированной пытке, вызывало новые побои.

Более 10 месяцев я пробыл в полной изоляции в камере академии. В январе 1975 года меня перевели в концлагерь «Трес Аламос».

Во время пребывания в академии я был непосредственным и косвенным свидетелем многочисленных пыток и допросов разных людей. Однако я хотел бы особо остановиться на двух случаях. 23-летняя студентка Мурьель Декендорф Наварете была арестована 9 августа 1974 года. Военная хунта отрицает факт ее ареста и включила ее в список 116 погибших во время вооружённых столкновений в Аргентине в середине 1975 года.

Инженер Бордас Пас был задержан в декабре 1974 года во время перестрелки с подразделениями СИФА. В центр допросов СИФА, где я находился, его привезли уже раненым, но подвергли зверским пыткам, от которых он и скончался. Военная хунта никогда не признавала факта его ареста, утверждая, будто он погиб в перестрелке на улице.

В январе 1975 года меня снова перевели в концлагерь политзаключённых «Трес Аламос». Там я находился в течение месяца. Затем перебрали в концлагерь «Риток», где я содержался до октября 1975 года, после чего снова вернули в «Трес Аламос». Затем я попал в печально известный центр пыток «Вилья Гримальди».

Пытки, проводимые ДИНА, рассчитаны на полное подавление воли человека, способности думать, воспринимать окружающее. Пытают до оцепенения, до состояния протрации и потери всех человеческих чувств.

Вот как об этом рассказывает прошедший через пинчотетовский ад бывший преподаватель Католического университета в Чили, писатель Эриан Вальдес в своей книге «Дневник из одного чилийского концлагеря», выпущенный в Барселоне.

«В самый обычный день раздаётся стук в дверь. Между моментом открытия двери и ощущением приставлен-

ного тебе к горлу автомата не проходит и доли секунды. Вооруженные люди в гражданском обыскивают дом и уводят. Я не особенно волнуюсь... Я уверен, что объяснения обыкновенному здравомыслящему человеку прояснят ситуацию и я вскоре буду снова дома. Может быть, для того, чтобы многочисленные прохожие не догадались об аресте, заклеивают глаза пластырем и надевают поверх темные очки.

С этого момента окружающий мир превращается в простое сочетание запахов, звуков, ощущения прикосновений: безграничный мрак.

В чем обвиняют и куда везут? Беспольные вопросы. Вместо ответа — удары...

Привязывают к стулу в помещении, похожем на влажный подвал с резким запахом стоячих вод, мочи и человеческих тел. Могильный холод. Угадывается присутствие других товарищей. Товарищей по несчастью, тоже привязанных к стульям. Периодически слышны умоляющие голоса: «Сеньор, есть шанс, что нас допросят сегодня?», «Сеньор, надо в туалет», «Сеньор, можно воды?» Я слышу свой собственный голос со странным чувством и стыдом. Это «сеньор» я не произносил более трех лет, оно исчезло из обихода. А теперь невольно этот жалостливый, почти умоляющий тон...

Еды нет. Только вода. Но как можно быть уверенным, что жидкость, которую приближают к твоим губам, действительно вода? Рубашка намокает. Удары. Чувствую, что мое воображение заблокировано. Я не могу себя представить в иной ситуации, чем именно здесь, со связанными руками, ослепшим, в удушающем запахе мочи (мой стул, похоже, находится совсем рядом с уборной), который застревает у меня в горле. Ты подавлен адским шумом бьющей из крана воды, который вытесняет из мозга все другие представления... Но нет, шаги охранников, голоса, изредка доносящиеся издалека, из другого мира, шум далеких автомобилей и скрежет дверей.

Снаружи жизнь продолжается по-прежнему.

На следующий день допрашивают. Все в той же маске. Вокруг слышится угрожающие звуки железа и прутьев. Спрашивают про Мигеля Энрикеса. Я не знаю его... Удары... Переводят в другую камеру. Один охранник другому: «Если будет упираться, тем хуже для него». Это путешествие без гарантии на возвращение.

Сначала допрос ведет «жесткий» следователь с по-

мощью побоев и издевательств, потом «мягкий» с легким аргентинским либо уругвайским акцентом. «Сеньор, я писатель. Мой род занятий хорошо известен. Здесь какое-то недоразумение... Неужели нельзя спрашивать меня то, что я на самом деле знаю и что я на самом деле сделал? Мне нечего скрывать»... Удары.

После нескольких часов в застенке выводят на свежий воздух. Приказывают построиться плечом к плечу. Может быть, нас хотели опознать, занести в картотеку, а потом отпустить? Сзади кто-то грубо толкает меня головой вниз. Мой лоб упирается в кирпичную стену. Одновременно слышу, как головы моих товарищей также бьются о стену. Мой мозг плавает в тумане, я чувствую тепло на лбу, наверное, кровь. Стражники ходят у нас за спиной и шепчутся. Мы слышим металлический звук, который невозможно перепутать ни с каким другим — подготовка оружия к стрельбе. Значит, мы должны умереть так глупо. Случай бессмысленных и незаконных расстрелов стали обычными.

Никто ничего не говорит. Неожиданно страх исчезает, я наконец обрел уверенность и ясность ума. У меня мало времени и следует все упорядочить в своей голове. Вдруг раздается автоматная очередь. Я думаю о том, что пули на таком расстоянии не вызывают боли, что тело становится бесчувственным в момент смерти. Я думаю о том, что ранен и что это последние всплески моего сознания перед смертью. Но промежуток времени становится слишком долгим, я стою на ногах и начинаю сомневаться в своей смерти... Смех, шутки охранников, а затем, подгоняя ударами прикладов, заключенных погружают в грузовик, который быстро набирает скорость.

Куда нас везут, неизвестно. Проходят часы. Люди наваливаются друг на друга на скользком полу грузовика. Снова обрушиваются удары охранников. Воздух становится влажным: похоже, мы где-то на побережье.

...Лагерь «Техас Вердес», рядом с полком саперов и курортом Санто-Доминго, одним из самых фешенебельных в центральной зоне, известным своими ухоженными садами и цветниками.

Заключенных пересчитывают. Впервые слышны их имена и голоса. Затем запирают в одном из бараков лагеря. Там пойдет день за днем.

Как только дверь закрывают, люди сбрасывают маски и впервые оглядывают друг друга. До чего же стран-

ная наружность. У них жалкий вид, а у меня, должно быть, такой же: отощавшие, обросшие щетиной, в разорванных рубашках, грязной, помятой одежде.

Нас девять человек. Самому младшему — 20 лет, самому старшему — около 70. День за днем мы будем узнавать друг друга. В камере — все слои чилийского общества. Вот они.

Дон Рамон — председатель профсоюза продавцов газет, человек левых взглядов, пожилой. Фернандо — студент Государственного технического университета, член компартии. Сесар — адвокат, работает в государственном учреждении, член социалистической партии, уже был арестован и содержался на Национальном стадионе в начале переворота. Мануэль — крестьянин, член кооператива Ренка. Он больше всех знает о концлагере, так как трое его товарищей уже прошли через подобное испытание. Уго — молодой человек, представитель одного из религиозных течений. «Толстый» — около 40 лет, служащий аптеки, выступил против закрытия этих учреждений. Марио — будучи военнослужащим, пытался помочь в уборке помещения военным, заключенным в концлагерь. Рубен — 45 лет, современный и либерально настроенный человек.

Со временем будут прибывать новые заключенные. Среди них аргентинский журналист, корреспондент телевидения, профсоюзный руководитель одного из маслобойных заводов, зверски избитый коммунист директор школы в Сантьяго, рабочий из кухни госпиталя «Баррос Луко», молодой крестьянин, который только что демобилизовался из армии, служащий управления сельскохозяйственной торговли, учитель начальной школы (социалист), председатель профсоюза медицинских работников (христианский демократ), учащийся средней школы, пожилой таксист. Это часть общества, подвергаемая репрессиям. Только трудящиеся, студенты, служащие и мелкие буржуа.

Каждый имеет свои привычки, идеи, чувства. Места мало. Тесно. Туалета нет. В случае надобности есть таз. Еда скудна и отвратительна.

Всех предупредили: «Вы военнопленные. При малейшей попытке к бегству стреляем. Никаких предупреждений, никаких выстрелов в воздух».

В концлагере есть также женщины. Они в другом отделении. Иногда их лица видны за окнами барака.

Ведут на допрос. Их человек десять. В возрасте от 20 до 60 лет. Однажды ночью солдаты ворвались к ним в барак. Были слышны крики женщины и смех солдат. Потом все смолкло.

Постоянно приходят военные и кого-то уводят с собой. Их видишь в последний раз...»

Как же кощунственно на этом фоне выглядят заявления хунты о «либерализации» ее режима.

Манифест Коммунистической партии Чили разоблачает это лживое утверждение Пиночета. В действительности, указывается в нем, происходит лишь усовершенствование и маскировка репрессий, переход от их необузданного разгула в первые месяцы к разгулу избирательному, но с тем же размахом и жестокостью, которые процветают до сих пор.

В этом заключается драма «пропавших без вести» политических заключенных — одна из самых зловещих драм, переживаемых чилийским народом. Более 2500 человек «исчезли» в казематах ДИНА, подчеркивает Манифест, как если бы их поглотила земля.

По данным чилийских религиозных организаций, во второй половине 1974 года происходило от 60 до 70 случаев подобных исчезновений в месяц. Хунта отрицает эти факты. Официально заявила, например, что Альфонс Корренео не был подвергнут аресту. А спустя два дня офицеры Академии военно-воздушных сил, где пытаются патриотов, выдали семье Корренео его труп.

В Манифесте компартии приводится длинный список известных и любимых чилийским народом политических деятелей, среди которых заместитель Генерального секретаря Компартии Чили Виктор Диас, арестованный хунтой, в чем она не признается.

А вот какова подлинная история «исчезновения» Виктора Диаса.

Недавно в ФРГ вышел отчет о «Нюрибергских судебных заседаниях, посвященных преступлениям военной хунты». Они проходили 24—26 ноября 1976 года в Бонне и Нюриберге.

Процесс носил международный характер. В нем участвовали видные политические деятели Чили — исполняющий секретарь Народного единства, бывший министр иностранных дел при правительстве Сальвадора Альенде Клодомиро Альмейда, бывший министр юстиции Серхио Инсунса, бывший генеральный секретарь прави-

тельства Аннибал Пальма, Ортенсия Бусси де Альенде и многие другие.

С разоблачениями хунты и доказательствами фашистского характера ее режима на судебных заседаниях выступили крупные юристы-эксперты из Бельгии, ФРГ, Дании, ГДР, Франции, Польши, Швеции и США.

Многие из приглашенных на судебные заседания экспертов не могли принять в нем участие из-за отказа правительства ФРГ выдать им визы. В их числе член Польского сейма, принимавший участие в Нюрнбергском военном трибунале в качестве журналиста Османчик, бывший заместитель председателя по расследованию нацистских преступлений в Польше профессор Ч. Пилиховский, профессор А. Полторак, который в свое время был членом советской делегации на Нюрнбергском процессе.

Перед слушателями выступили живые свидетели фашистских злодеяний правящей чилийской хунты, вырвавшиеся из тюремных застенков или бежавшие из страны кровавой диктатуры.

В Заключительном акте «Нюрнбергских судебных заседаний» говорится:

«После тщательной проверки обличающих документов, показаний свидетелей и заключений международно признанных экспертов, учитывая результаты расследований Комиссии по правам человека ООН, Комиссии по правам человека Организации Американских Государств, Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили и других международных комиссий точно установлено, что господствующая в настоящее время в Чили военная хунта виновна в преступлениях против человечества и создании преступного режима, виновна в нарушении норм права, установленных Нюрнбергским военным трибуналом и принятых Генеральной Ассамблеей ООН в качестве международной правовой нормы.

Показания на судебном заседании одного из свидетелей рисуют подлинную историю «исчезновения» заместителя Генерального секретаря Компартии Чили Виктора Диаса.

«Меня зовут Хорхе Эрнесто Фуэнсалида; национальность: чилец; паспорт № 4.382.861-4, из Сантьяго; возраст 33 года; инженер-механик, в 1968 году окончил Государственный чилийский технический университет,

12 мая 1976 года в 2 часа ночи меня разбудили непрерывные звонки в калитку ограды. Я выглянул в окно и увидел возле ворот шесть человек в штатском, двое были с автоматами.

Один из них крикнул: «Мы из ДИНА! Немедленно откройте, у нас ордер на обыск!»

Я ответил, что сейчас открою, включил свет и разбудил жену. Вместе мы побежали в комнату к Виктору Диасу и предупредили о случившемся.

Снова раздались крики снизу и звонки. Я подошел к окну, чтобы они могли видеть, как я одеваюсь. Тем временем жена заглянула к нашим трем дочерям и увидела, что они крепко спят.

Спустившись вниз, увидел к палисаднике перед домом двух вооруженных агентов, проникших туда через ограду. Они направили на меня оружие и потребовали немедленно отпереть калитку на улицу. Я выполнил приказ, впустив во двор целую группу людей.

Один из них сказал, что у него есть ордер на обыск, и помахал в воздухе бумажкой. Мне велели показать каждый уголок в доме. Так называемый ордер не был предъявлен мне ни тогда, ни позже.

На улице я смог разглядеть большую черную машину без номеров. Один агент остался рядом с решеткой ограды, другой перед дверью. В мой дом вошли пятеро мужчин и одна женщина, также имевшая оружие. Никто не предъявил никакого документа.

В первой комнате, куда они вошли, находилась моя жена и наша четырехмесячная дочь. Агенты быстро огляделись и направились в спальню наших дочерей шести и четырех лет. Заглянули с порога и тут же вышли, сказав, чтобы я вел их дальше. Следующей была запертая комната Виктора Диаса, мимо которой я хотел пройти. Один из агентов задержал меня и сказал: «Стой! А что в этой комнате?» Я ответил: «Там пожилой господин, который живет у нас. Он наверняка крепко спит».

По их приказу я открыл дверь. Один из агентов нервно крикнул, чтобы я зажег свет. После того как я это сделал, трое медленно приблизились к кровати с поднятым оружием, внимательно вглядываясь в лицо Виктора. Видимо, шеф начал задавать вопросы, а другие стояли, направив на Виктора оружие. Вопросы задавали резко, быстро, угрожающе: «Старик, кто ты такой? Как

тебя зовут? Есть у тебя документы? Где ты работаешь? На что живешь?»

Виктор хотел приподняться, но его ударили стволом оружия и заставили лежать. Затем их начальник приказал ему встать.

В этот момент один из агентов велел мне показать остальную часть дома. Выходя, я услышал, что они приказали Виктору пройти по комнате. Они увидели, что он хромает (Диас хромает уже многие годы). Шеф этой группы закричал:

«Свинья Диас! Наконец-то мы тебя схватили, проклятая красная свинья! Арестуйте всех в доме!»

Они загнали мою жену и работницу в их комнаты и приказали им не кричать и никуда не выходить. На меня направили оружие, велели поднять вверх руки и втолкнули в ванную комнату. Через несколько минут туда вошел один из агентов, дал мне несколько пощечин и скрутил руки за спиной. Потом заставил лечь лицом на пол в коридоре.

Я видел, как они били Виктора Диаса. Бросили его на пол, скрутили руки за спину. Шеф и еще один задавали ему вопросы и одновременно жестоко били кулаками и ногами по лицу и по всему телу. Спрашивали, как долго он живет в этой квартире, откуда пришел, где у него оружие, где спрятаны бумаги и документы, где он хранит деньги, где остальные, с кем он работал, и т. д. Удары учащались, когда они не получали никакого ответа, или когда он говорил, что денег, бумаг и оружия у него нет.

Очень скоро Виктор Диас из-за побоев вообще не мог произнести ни одного слова. Шеф прекратил допрос, повернул к себе мое лицо, потянул за бороду и впервые спросил мое имя. Когда я ответил, он закричал, что не верит этому, и потребовал документы. Вглядываясь в меня так, будто хотел опознать во мне другого человека, он сказал: «Ты — такой-то», и дальше последовало имя, которое я не могу вспомнить. «Нас ты не обманешь. Мы из тайной полиции».

Потом приказал агенту искать «других» и спросил, есть ли у меня телефон и где находится. Он дозволился до некоего Контераса и сказал: «Шеф, у меня хорошие новости. Мы схватили Виктора Диаса, эту свинью». Назвал и наши имена и описал нашу квартиру. Находясь в состоянии эйфории, радостно кричал в трубку: «Вот

видите, шеф, чего мы можем добиться, если будем работать вместе? Мы ведь заслужили поздравления, не правда ли, шеф?»

Он был совершенно вне себя от радости, будто испытывал большой жизненный подъем. Остальные члены группы хлопали друг друга по спине, радовались предстоящим наградам и поздравлениям. Вели себя так, будто только что одержали победу в большой битве. Два агента и их шеф вывели Виктора Диаса из дома. Было около трех часов ночи.

Я увидел Виктора, когда он проходил мимо меня, потому что повернулся на бок, чтобы дать им пройти. Он был в пижаме, в ботинках на босу ногу, на плечи накинута куртка. Руки у него были связаны за спиной. В результате побоев один глаз заплыл, нижняя губа распухла, он тяжело дышал, шел, сильно согнувшись, и хромал больше, чем обычно.

Так был схвачен и подвергся первым пыткам заместитель Генерального секретаря Компартии Чили Виктор Диас, арест которого хунта отрицает.

Это видели Хорхе Эрнесто Фуэнсалида, его жена и работница.

На «Нюрнбергских судебных заседаниях» он рассказал, каким пыткам подвергся сам, как до утра в его квартире шел обыск, который вело несколько групп агентов ДИНА, сменяя друг друга. В последнюю группу входило человек двадцать пять. Они рассеялись по всем комнатам, осматривали двор и подсобные помещения. Разобрали кровать и шкаф Виктора Диаса. Проверили каждую книгу в библиотеке, каждую бумажку, в том числе бумажные выкройки жены Хорхе. Заставили раздеть детей и проверили их платья. После обыска квартира выглядела так, будто сквозь нее пронесся ураган.

Что стало с Виктором Диасом, неизвестно. А вот трагическая судьба члена ЦК Компартии Чили Марты Угорте, арест которой также отрицает хунта, теперь уже стала ясна. Ее изуродованный труп нашли на одном из пляжей. Хунта заявила, что ничего о Марте Угорте не знает, кто ее убил, тоже не знает и не может отвечать за неизвестного убийцу.

Однако убийца известен. На заседании Рабочей группы Комиссии по правам человека ООН один из деятелей чилийских профсоюзов коммунист Педро Хара заявил: «Я свидетель того, что Марта Угорте была арестована

фашистской хунтой. Я видел ее в страшной «Вилья Гримальди», одной из тюрем Сантьяго, за неделю до того, как она была убита».

В интервью журналу «Фюр дих» (ГДР), опубликованном в № 18 за 1977 год, Педро Хара рассказал:

«Вечером 24 августа после того, как меня несколько дней пытали электрическим током, я был заключен в камеру, где находились еще два человека. За день до этого я видел Марту Угорте, когда нас вели в туалет. Из соседней камеры доносились женские голоса. Из нашей камеры туда вела дверь, которую нам удалось потом открыть. Там я увидел Марту. Я знал ее давно, и мы часто встречались по партийным делам.

Она рассказала о пытках, которые перенесла, показала свои запястья. Ее держали в подвешенном состоянии в течение долгих часов. Следы были явные. Все руки в ссадинах, во многих местах сорвана кожа. Сказала, что два раза ее водили на очную ставку с Виктором Днасом.

Она не верила, что выйдет из тюрьмы живой, но сделала все, чтобы придать нам силы. Призвала высоко держать знамя Народного единства и ничего не страшиться».

За пределами страны

По официальным данным хунты, с 11 сентября 1973 года по 15 марта 1975 года из 41 759 заключенных она освободила 36 605 человек, при этом 9167 человек были вынуждены в обмен на свободу покинуть родину. Конечно же, хунта значительно уменьшила не только цифру заключенных, но и изгнанных из страны. Десятки тысяч их рассеялись по латиноамериканским и другим странам, образовав там ряд центров борьбы. В последнее время в нее включились и многие бывшие военные, не пожелавшие стать пиночетовскими пособниками.

7 апреля 1977 года более 160 бывших чилийских военнослужащих собрались в Брюсселе на свое учредительное собрание и огласили цели и задачи новой организации. Они заявили, что будут бороться за создание демократических вооруженных сил Чили, активно помогать военным, находящимся в тюрьмах Чили, и добиваться единства военных демократических сил в едином

фронте с другими демократическими и патриотическими силами против диктатуры.

25 апреля в Лондоне было объявлено о создании новой организации чилийских военных в изгнании. Они опубликовали документ о своих целях и задачах «защищать наследие и заветы генералов Бернардо О'Хиггинса и Франсиско Мирандо, героев войны за независимость, а также идеи генералов Пратса и Шнейдера, которые выступали против государственного переворота и были убиты».

Борьба политических эмигрантов принимает все более широкие и разнообразные формы. Они получают полную информацию о событиях, происходящих в Чили, широко информируют о них мировую общественность, выпускают периодическую литературу — книги, обращаются с призывами против злодеяний хунты в международные организации, к правительствам и парламентам многих стран.

Одной из форм борьбы является разоблачение пиночетовских палачей, направляемых за границу в качестве дипломатов и официальных представителей. В ФРГ, например, группа чилийцев во главе с Карлосом Лирой Москосо выступила в журнале «Шпигель» против военного атташе чилийского посольства в Бонне Аккернехта. Его опознали как одного из палачей в лагерях пыток.

Вслед за группой «Лиры» по телевидению выступили три свидетеля, подтвердивших, что в период их пребывания в застенках хунты Аккернехт пытал людей.

Профсоюзные и другие общественные организации ФРГ развернули кампанию по сбору подписей под требованием выдворить чилийского палача из страны. Комитет антиимпериалистической солидарности в ФРГ осудил политические, экономические и военные связи правительства ФРГ с фашистской хунтой и несомненную причастность посольства ФРГ в Чили к управлению концентрационными лагерями «Колония Дигнидад». При этом Аккернехта обвинили в пытках и расстрелах чилийских патриотов.

Западногерманское правительство было вынуждено потребовать от хунты отзыва чилийского военного атташе. На этом и закончилась его дипломатическая карьера.

28 января 1977 года администрация Картера вынуждена была выслать из Соединенных Штатов высокопоставленного сотрудника министерства иностранных дел хунты майора Хайме Лавин Фаринья. Его опознал один

из чилийских политических эмигрантов как палача, чьи экзекуции он испытал на себе в 1974 году. Ранее этот фашист уже приезжал в США для чтения лекций в Колумбийском университете.

На пресс-конференции, организованной в связи с его разоблачением, государственный секретарь США Вэнс ограничился заявлением о том, что «сеньор Лавин уже не находится в нашей стране».

Подобная деятельность политических эмигрантов связывает руки хунте. Она уже не может посылать в качестве дипломатов, да и на любую работу за границу палачей и тюремщиков, являющихся их опорой.

Хунта пытается подавить движение патриотов в изгнании теми же методами, что и внутри страны, — террором. Для этого создана огромная зарубежная агентура. Особенно многочисленна она в тех странах, где концентрируется большое количество чилийских эмигрантов.

Операции ДИНА за рубежом не только служат целям правящей камарильи, но и являются составной частью стратегии империализма на латиноамериканском континенте.

В декабре 1976 года Институт политических исследований, директором которого был убитый агентами ДИНА Орlando Летельер, опубликовал работу Сауля Ландау и Ральфа Ставинза «Значение убийства Летельера». В ней, в частности, указывается, что континентальный контрреволюционный аппарат включает в себя «чилийскую хунту, главным образом ее тайную полицию ДИНА, членов ультраправой группировки «Патриа и либертад», разведслужбы Аргентины, Бразилии и Уругвая, полувоеенные организации кубинской контрреволюции, обосновавшейся в США и других латиноамериканских странах, а также агентов ЦРУ и ФБР». Эта сеть получает «материальную и моральную помощь от чилийского правительства, правых группировок США, таких, как общество Джона Берча с его представителями в конгрессе, Кроуза с фондом Эритедж и мультимиллионера Ханта. Занимаясь продажей наркотиков и грабежом, преступные банды предоставляют дополнительные средства для контрреволюционных операций», утверждают исследователи из института.

В одном из своих выступлений в Мексике Генеральный секретарь Коммунистического союза молодежи Чили

Гладис Марин заявила, что в настоящее время во всем мире действует около трех тысяч агентов ДИНА.

О том, как создается и расширяется эта сеть, свидетельствует секретный документ, который недавно перехватили деятели чилийского Сопротивления. 3 февраля 1977 года они опубликовали его в мексиканской газете «Эль соль де Мехико». Воспроизведу его полностью.

«Секретно

Республика Чили
Президенту республики
Дина

Экземпляр № 1
лист № 1
ДИНА (Р №1 1795/107)

Цель: обоснование необходимости увеличения бюджета.

Сантьяго, 16 сентября 1975 года. От сеньора директора национальной разведки.

Его превосходительству
сеньору Президенту Республики.

В соответствии с договоренностью с Вами уточняю причину, в силу которых считаю необходимым запросить дополнительную сумму в 600 тысяч долларов для бюджета вышеуказанного управления на текущий год.

1. Увеличение персонала ДИНА, приписанного к дипломатическим представительствам. Всего 10 человек: два в Перу, два в Бразилии, два в Аргентине, один в Венесуэле, один в Коста-Рике, один в Бельгии и один в Италии.

2. Дополнительные расходы, необходимые для нейтрализации основных противников правительства за рубежом, главным образом в Мексике, Аргентине, Коста-Рике, США, Франции и Италии.

3. Расходы, связанные с операциями в Перу: помощь нашим сторонникам в военно-морских силах в Перу и в печати.

4. Ассигнования на офицеров нашего управления, проходящих курс подготовки по борьбе с партизанами в тренировочном центре г. Манаус (Бразилия).

Ваше превосходительство приветствует
полковник Мануэль Контрерас Сепульведа,
начальник управления национальной разведки».

Еще за месяц до этого та же газета писала, что в страну тайно прибывают чилийские агенты для ведения шпионажа и «убийства заранее отобранных жертв».

Газета, в частности, подчеркивала: «У нас есть обоснованные подозрения думать, что генерал Пиночет уже принял решение устранить, по крайней мере, одного из наиболее видных чилийских беженцев в Мексике».

В связи с публикацией вышеприведенного секретного документа бывший посол Чили в Мексике при Народном единстве Уго Вигорена встретился в качестве представителя чилийских эмигрантов с министром внутренних дел Мексики Хесусом Мартинесом Эролисом и проинформировал его о содержании документа, запросив особых мер по охране политических беженцев из Чили.

Для подобных действий у чилийских патриотов оснований более чем достаточно. ДИНА осуществила ряд террористических актов и готовится к новым убийствам. Одно из них, как свидетельствует мексиканский журнал «Эксельсиор», было предотвращено только благодаря энергичному вмешательству Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма. Журнал сообщил, что бывший министр иностранных дел Чили при правительстве Э. Фрея наряду с генералом Пратсом, Бернардо Лейтоном, Орландо Летельером и другими видными деятелями левых сил фигурировал в «черном списке» ДИНА.

К. Вальдхайм, своевременно информированный о готовящемся покушении на Вальдеса, предупредил представителя хунты в ООН адмирала Исмаила Уэрта, что тот будет нести личную ответственность, если что-либо произойдет с Вальдесом.

Об этой беседе сообщил журнал «Кантерспай», не раз разоблачавший подрывные действия разведывательных служб США. Для убийства Вальдеса в США были уловлены Мельгоса Гарай со своим братом, участвовавшие в убийстве генерала Рене Шнейдера, которые были в свое время арестованы, но освобождены председателем Верховного суда Мендесом. Теперь эти профессиональные убийцы являются агентами ДИНА.

Как подчеркивает журнал, ЦРУ отказалось комментировать присутствие в США братьев Мельгоса. А Вальдхайм получил новую информацию. Ему сообщили день и час, на которые назначено убийство. Он вновь вызвал представителя хунты, с которым состоялась отнюдь не дружеская беседа. Уэрта заверил Генерального

секретаря ООН, что немедленно доложит о ней в Сантьяго.

Вечером того же дня Мельгосы убрались из США.

ДИНА является главной опорой, на которой держится власть хуиты. В эту карательную армию подбираются преступники типа братьев Мельгоса и люди, лишенные каких бы то ни было представлений о чести, совести, морали. Одним из главных критериев при зачислении в ДИНА является полное атрофирование у «кандидата» обычных человеческих чувств, его способность к жесточайшим пыткам.

Образцом в этом является главарь ДИНА полковник Мануэль Коитрерас Сепульведа, один из первых, кто займет скамью подсудимых, когда придет час возмездия.

В звании майора он попал в военную разведку и прошел курс подготовки в училищах Пентагона. В 1971 году был назначен командующим училища военных инженеров «Техас Вердес». Перед переворотом, будучи связанным с организацией «Патриа и либертад», входил в штурмовые группы, действовавшие в районе между Эль-Монте и Альгарробо, осуществляя террористические акты. После переворота, получив звание полковника, руководил жестокими репрессиями в районе Сан-Антонио и превратил инженерное училище «Техас Вердес» в концлагерь, где лично проводил зверские пытки. Тупая и бездумная преданность Пиночету привела его на пост главаря ДИНА.

Пиночет, как и Сепульведа, хорошо понимали, какую угрозу представлял для них генерал Карлос Пратс, даже изгнанный из страны. Авторитет Пратса в армии был достаточно высок. Его пример честного служения народу будоражил военнослужащих, пробуждая в них патриотические чувства, призывая к борьбе. Опасаясь, что вокруг Пратса сконцентрируются военные, не желавшие участвовать в злодеяниях хуиты, что в их ряды будут вливаться все новые силы, хунта руками ДИНА убила его.

Уже после смерти генерала Пратса его дневники, переправленные из Аргентины, были опубликованы в Мексике.

Начатые задолго до переворота, они свидетельствуют о том, что он предвидел ход событий и нависшую над страной опасность, предсказал, что произойдет в стране, если власть захватит Пиночет.

За семь месяцев до путча Пратс писал: «Думаю, что ни президент Альенде, ни партии Народного единства не представляют себе, сколь велико североамериканское влияние в наших вооруженных силах... Этот фактор может сыграть ужасную роль в ближайших событиях. Думаю, что мы недооцениваем серьезность и возможные последствия заговора, управляемого из США против Чили».

Спустя четыре месяца после переворота Пратс так описывает картину деградации и коррупции в армии:

«Генералы, отдающие приказы о расстреле пленных гражданских лиц, полковники, трусливо и бесцельно измывающиеся над беззащитными женщинами, капитаны, приказывающие «задержать» детей и вырвать признание у родителей; младшие чины, превращенные в тюремщиков,— вот результат использования армии для выполнения несвойственных ей задач в угоду Соединенным Штатам и правым силам страны».

«В дополнение к сказанному,— подчеркивает Пратс,— вписана еще одна страница: коррупция. Коррупция необходима, чтобы честных солдат превратить в людей, способных на все. Для того чтобы члены хунты могли получить свои 30 сребреников за предательство, нужно, чтобы нижестоящие получили право также положить кое-что в карман гимнастерки. Так впервые за всю историю существования наших вооруженных сил была установлена на всех уровнях новая система: право на грабеж.

Члены хунты вернут, несомненно, транснациональным концернам и чилийским правым контроль над экономикой страны, а сами получают и уже получают вознаграждения за предательство Чили. Офицеры низшего ранга завладевают домами и автомашинами преследуемых сторонников Народного единства, зарятся на крестьянские земельные участки, мечтают выдать дочь за богатого сынка. Стыдно знать, что продают даже право на выезд из страны лицам, нашедшим политическое убежище в посольствах Сантьяго. А чтобы мародерство начальства не вызывало возмущения младших офицеров и солдат, первые закрывают глаза на то, что во время обысков вторые грабят квартиры, унося с собой золотые украшения, транзисторы, а то и пиджак и пару ботинок. Всеобщая коррупция, полная круговая порука — это и есть модель Пиночета, которую он и другие

члены хунты хотят внедрить в армии, в вооруженных силах».

Пратс хорошо знал и вот как характеризовал Пиночета:

«Это негодяй, ограниченный и болезненно тщеславный, способный пресмыкаться в ожидании удобного момента, чтобы нанести преступный удар исподтишка, который сделал бы ему карьеру. Я уверен, что в машину путчистов он вскочил в последний момент, но не сомневаюсь, что теперь он не остановится ни перед чем, чтобы сохранить власть. В нашей истории он останется как предатель первой величины».

Говоря о положении внутри вооруженных сил после того, как учинена жестокая расправа над теми, кто оставшись верными своему долгу, не поддержал путч, Пратс писал:

«Использование военных в качестве тюремщиков, палачей и сыщиков не может не вызывать отвращения личного состава. Большая часть работы службы безопасности направляется сегодня на наблюдения, доносы и политическое преследование внутри самих вооруженных сил, где заправляют молодчики из организации «Патриа и либертад» и просто преступники».

Верный солдат родины, Пратс тяжело переживал, что преступным силам удалось направить армию против народа. «Трудные дни переживают сегодня наши вооруженные силы. Велика вина тех, кто сознательно вовлек армию в авантюру, из которой, как может показаться, нет возврата. Но я верю, что придет день, когда крах станет очевидным, даже для самых ослепленных. С болью проснется страна в этот день. Удастся ли спасти нашу армию, или ураган истории разметет ее в прах. Так или иначе важно одно: Чили имеет право на армию, дисциплинированную, единую, уважаемую и любимую своим народом, стоящую исключительно на подлинно патриотических позициях, в отличие от разглагольствований о патриотизме и национальных интересах в устах тех, кто хочет раздать по частям нашу страну, наше достоинство, наше богатство, армию, единую со своим народом, а не отделенную от него морем крови».

В интервью корреспонденту «Пренса Латина» генерал Пратс сказал:

«Я твердо верю, что чилийский народ не смирится с такой жизнью, я верю, что рано или поздно права тру-

дящихся будут восстановлены, что камарилья, стоящая сегодня у власти, будет свергнута и предстанет перед судом».

В это верит, за это борется сегодня чилийский народ. В Манифесте Коммунистической партии говорится о том, что с 11 сентября 1973 года по 1977 год были убиты десятки тысяч человек. Никто не сможет компенсировать те страшные последствия — в физическом и моральном плане, — которые принес фашистский террор: десятки тысяч жертв страшных истязаний, сотни тысяч людей, брошенных в тюремные застенки, невзгоды их родины и товарищей по работе, их соседей и систематическое разрушение огромного количества семейных очагов. Такое положение долго продолжаться не может. В Чили, подчеркивает Манифест, можно насчитать тысячи случаев проявления протеста, множество примеров выражения недовольства, причем подобные акции особенно активизировались за последнее время. Наиболее важную роль в этом плане играет рабочий класс, на деле доказавший, что он является главной силой демократического сопротивления.

Сегодня против хунты выступают три могучие силы, с которыми ей не совладать. Это прежде всего все более организованный характер борьбы чилийского народа, объединяющегося под знаменами антифашистского фронта, это всемирное движение общественных сил, это, наконец, решения Генеральной Ассамблеи ООН и многих ее органов.

Под воздействием этих сил хунта вынуждена была освободить ряд политических заключенных и заявить, что отказалась от своего намерения судить деятелей Народного единства за «измену». И хотя репрессии и пытки продолжаются, хунта уже не может действовать безнаказанно, и это сковывает ее, заставляет задуматься над неизбежным возмездием.

• Более трех лет томился в фашистских застенках без суда и следствия, без предъявления обвинений выдающийся деятель чилийского и международного коммунистического движения Луис Корвалан. И не утихали, а все нарастали волны протеста против этого злодеяния на всех широтах земного шара, грозя превратиться в девятый вал, готовый снести с лица земли кровавую хунту. И этого натиска она не выдержала.

В СССР не было ни одного предприятия, колхоза,

ведомства, учреждения, где бы советские люди не выразили возмущение и гнев против действий хунты, они требовали освободить пламенного борца за народное дело Луиса Корвалана и других политических заключенных. Анализируя причины, заставившие хунту освободить Луиса Корвалана, он говорил: «Движение солидарности с народом Чили носит поистине международный характер. Советский Союз, Германская Демократическая Республика, Куба и другие социалистические страны, рабочий класс, коммунистические партии, социалистические и социал-демократические, христианско-демократические, республиканские и либеральные партии, все три международных профсоюзные организации, юношеские и женские организации, высшие учебные заведения и студенчество, юристы, правительства и парламенты, не присоединившиеся страны, национально-освободительные движения, церкви, деятели мировой культуры — все прогрессивное человечество рассматривает, как свои собственные, нашу трагедию и нашу борьбу».

Дух международной солидарности, отметил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чили, привел к важным решениям Генеральной Ассамблеи ООН, потребовавшей от хунты прекратить произвол и чудовищные нарушения прав человека.

Вдохновляющим примером служения народу, мужества и стойкости явилась борьба Луиса Корвалана даже в самые мрачные дни его пребывания в казематах хунты. Его свободолюбивый, гордый дух не сломили ни тюрьмы, ни концлагеря, ни угрозы и издевательства хунты.

Достоинство отца вел себя в тюремных застенках его сын Луис Альберто, подвергшийся зверским пыткам. Они и привели его к гибели вскоре после освобождения.

Смерть сына, которым так гордился Корвалан, нанесла ему в тюрьме еще одну незаживающую рану. Но и это горе не сломило пламенного коммуниста. За колючей проволокой и глухими застенками он продолжал борьбу, и его голос доходил оттуда до чилийского народа, до самых отдаленных уголков земли.

Даже там, в тюремной камере, он был страшен палачам. Они переводили его из одной тюрьмы в другую, из концлагеря в концлагерь, но ничто не могло заглушить его голос, как и скрыть от него всемирную солидарность трудящихся с народом Чили и борьбу за освобождение

всех политических заключенных. Это помогало жить и бороться.

С огромной радостью узнали советские люди и все прогрессивные силы мира об освобождении Генерального секретаря Чилийской компартии. Незабываемой, волнующей была встреча на московском аэродроме. В первые же часы пребывания Луиса Корвалана в столице нашей великой державы его тепло, сердечно, по-братски принял и поздравил с освобождением товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Леонид Ильич сообщил Корвалану, что в ЦК КПСС приходят десятки тысяч телеграмм и писем от советских людей и из других стран. Освобождение Генерального секретаря Компартии Чили расценивается в них как крупная победа всемирного движения солидарности, в котором активную роль сыграли КПСС, советский народ, народы стран социалистического содружества, международное коммунистическое движение.

«Ваше освобождение,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— свидетельство тех огромных возможностей, которыми располагает коммунистическое движение, силы демократии и прогресса, когда они действуют сплоченно».

Тот факт, что Корвалана удалось вырвать из застенков хунты, Л. И. Брежнев расценил как важное политическое событие, которое несомненно окажет большое воздействие на активизацию борьбы коммунистов, всех демократов, революционного движения в Чили и в других странах Латинской Америки.

Луис Корвалан от души благодарил всех советских людей, Коммунистическую партию Советского Союза за великую интернациональную солидарность с народом Чили. Особую признательность выразил Леониду Ильичу Брежневу за все, что он лично сделал в борьбе за его освобождение.

Спустя несколько дней Луис Корвалан приехал в Советский комитет солидарности с чилийскими демократами. В этом доме на улице Кирова я бывал много раз. Бесконечным потоком со всех концов советской земли каждый день идут сюда письма, телеграммы, посылки в адрес борющегося чилийского народа. В них тепло миллионов сердец, горячие слова дружбы, преданности, поддержки, веры в конечную победу демократических сил Чили. В них гнев и проклятья фашистской хунте.

Отсюда, из Советского комитета, выражая волю на-

ного народа, шли протесты в международные организации против злодеяний хунты, обращения в ООН и его органы, требования освободить Луиса Корвалана и всех политических заключенных.

Здесь проходили пресс-конференции, здесь мы встречались с соратниками Генерального секретаря Компартии Чили, с патриотами, вырвавшимися из застенков хунты.

И вот телефонный звонок — встреча с Луисом Корваланом. Члены Советского комитета собрались задолго до назначенного часа. Два Т-образно составленных стола, вдоль стен — стулья. Но никто не садится. Люди поздравляют друг друга, в волнении ходят по комнате.

Время идет медленно. Волнение нарастает. И вот он появился. Луис Корвалан. Пламенный революционер, героический солдат великой армии международного коммунистического движения, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Светящиеся радостью глаза, покоряющая теплая и мягкая улыбка. Голоса заглушаются аплодисментами.

Луис Корвалан обнимается с друзьями, горячо пожимает руки присутствующим, стараясь никого не обойти. Этот богатырь духа, бросавший в лицо врагам испепеляющие слова презрения, сейчас кажется совсем домашним, стеснительным. Видно, и в самом деле он стесняется той великой и заслуженной чести, которая ему оказывается во всем мире.

Наконец, все рассаживаются. Звучат горячие слова приветствий. И вот поднимается такой родной и близкий нам Лучо. Говорит великое слово благодарности нашей партии, нашему народу.

— Мне трудно передать, — прижимает он к сердцу руку, — какое ничем не измеримое значение оказывала и оказывает нам ваша помощь — политическая, моральная, духовная. Посылки из Советского Союза в застенки хунты были для нас не только материальной поддержкой. Этикетки советских сигарет с красными звездочками мы приклеивали хлебными мякишами к тюремным стенам. С яростью и угрозами их срывали тюремщики, но мы не боялись их угроз. Этикетки от советских сигарет с изображением красных звездочек там, в казематах, были символом великой солидарности.

Луис Корвалан на свободе и вновь стоит во главе героической Компартии Чили. Под его руководством

состоялся очередной пленум ЦК, на котором он сделал фундаментальный анализ нынешнего положения в стране, явившийся программным документом дальнейшей борьбы чилийских коммунистов за свержение хуиты и возрождение демократического строя.

Сегодня с особой актуальностью звучат последние слова выдающегося борца за демократию, верного сына чилийского народа Сальвадора Альенде:

«У них есть сила,— говорил он о предателях в своем последнем обращении к народу.— Они могут, конечно, взять верх. Но они не останавливают социальных процессов ни с помощью преступлений, ни с помощью силы.

История принадлежит нам, и ее делают народы».

Содержание

3	От автора
5	«Операция правда»
11	Пресс-конференция президента
19	Как совершилось убийство
36	Борьба за власть
50	Чрезвычайный
59	Саботаж
74	В чреве медной горы
96	Не смирились
98	Провокация
106	В Верховном суде
116	На Огненной Земле
133	В ход пущены танки
154	Во дворце Ла Монеда
162	Террор
178	Солидарность
197	Пытки
210	За пределами странъ

Аркадий Яковлевич Сахнин

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Редактор **О. А. Ермилина**
Художник **О. В. Камаев**
Художественный редактор **В. В. Щукина**
Технический редактор
В. А. Преображенская
Корректоры
Л. В. Конкина и М. Е. Барабанова

ИБ № 903

Кодированный оригинал-макет издания
подготовлен на электронном печатно-ко-
дирующем и корректирующем устройстве
«Север». Подписано к печати 26/IX-78 г.
Формат издания 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 7,0.
Усл. п. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,38. Изд. нид.
ХД-132. А01467. Тираж 150 000 экз. Цена
60 коп. Бум. № 1 типогр. Зак. 1210.

Издательство «Советская Россия» Госу-
дарственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли, Москва, проезд Са-
пунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграф-
прома Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли, г. Элек-
тросталь Московской области, ул. им. Те-
вояна, 25.

60 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ